

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Магомедов Н.А.

**Дербентско-Кубинское ханство
и его влияние на политическое положение
и экономическое развитие Дагестана
(вторая половина XVIII – начало XIX в.)**

instituteofhistory.ru

Махачкала – 2012

ББК 63.3. (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)
М-12

Рекомендовано к изданию решением ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (протокол № 16 от 14 декабря 2012 г.).

Редактор – д.и.н., проф., чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов

Рецензенты:

д.и.н., проф. Б.Г. Алиев;
д.и.н., проф. Д.С. Кидирниязов;
к.и.н. Ш.А. Магарамов.

Магомедов Н.А.

М-12 Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2012. – 328 с.

ISBN 978-5-905784-97-2

В монографии впервые в отечественной историографии на основе анализа и обобщения большого количества архивных материалов и опубликованных источников освещается образование Дербентско-Кубинского ханства под эгидой Фатали-хана, раскрывается внутри- и внешнеполитическое положение ханства, показаны его торгово-экономические связи с Россией, народами Дагестана и с населением Азербайджана. В работе дается оценка личности Фатали-хана – как крупного политического деятеля.

Работа рассчитана на научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов и на широкий круг читателей, интересующихся историей народов Кавказа.

ISBN 978-5-905784-97-2

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Социально-экономическое положение Дербентского и Кубинского ханств накануне образования единого владения	29
ГЛАВА II. Образование Дербентско-Кубинского ханства	55
ГЛАВА III. Внутри- и внешнеполитическое положение Дербентско-Кубинского ханства во второй половине XVIII в.	115
§ 1. Внешняя политика Фатали-хана.....	123
§ 2. Внешняя политика Ирана и Турции на фоне усиления политической роли России на Восточном Кавказе в 80-х гг. XVIII – нач. XIX в	138
ГЛАВА IV. Торговые связи Дербентско-Кубинского ханства во второй половине XVIII – начале XIX в	198
§ 1. Дербентско-Кубинское ханство как центр региональной и международной торговли на западном побережье Каспия в XVIII – начале XIX в.	198
§ 2. Роль торговли в русско-дербентско-кубинских отношениях	209
§ 3. Торговые связи дербентско-кубинского купечества в первой четверти XIX в.	224
§ 4. Торгово-экономическая деятельность жителей Дербентского ханства во второй четверти XIX в.	263
§ 5. Торгово-экономические и культурные связи Дербентского ханства с Ширваном и народами Южного Дагестана в XVIII - XIX вв	275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298
БИБЛИОГРАФИЯ	303
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	325

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях, когда важнейшее значение для Российской Федерации имеют переосмысление ее национально-государственных интересов и корректировка ее национальной политики на окраинах, в частности на Северном Кавказе, особую роль призвана сыграть историческая наука.

Геополитическое положение Дербентско-Кубинского ханства и его роль во внутривосточном и экономическом развитии Дагестана во 2-ой половине XVIII – нач. XIX в., как и всего Дагестана, предопределило народам, населявшим его, роль активного участника международных отношений, субъекта кавказской политики мировых держав. Изучение социально-экономического состояния, структуры государственно-политической системы Дербентско-Кубинского ханства – позднефеодального государственного образования, на протяжении веков игравшего определяющую роль в экономической и политической жизни региона, как составной части исследования истории народов Северного Кавказа, является одной из важнейших задач отечественного кавказоведения.

Указанная проблема приобретает особое значение в условиях новой геополитической обстановки на Кавказе, сложившейся после распада СССР, в связи с образованием национальных государств в Закавказье, что привело к возрастанию роли Дагестана и его отдельных регионов, в частности Дербента и Дербентского района, как южного форпоста современной России.

Актуальность изучения данной проблемы с позиций современных требований диктуется в немалой степени и тем, что взаимоотношения России с народами Кавказа в историческом плане нуждаются в новом осмыслении. В то же время следует помнить, что в последнее время в отечественном кавказоведении наметился очевидный крен в сторону преднамеренного ис-

кажения объективно прогрессивных факторов этих взаимоотношений, выпячивания только теневых их сторон.

Решение поднятой проблемы обогащает и типология феодального развития общества, а также научные представления об общем и особенном в развитии типичного феодального образования позднесредневекового Кавказа, каковым являлось Дербентско-Кубинское ханство (вторая пол. XVIII – нач. XIX в.).

По уровню экономического развития, ремесла и торговли, социальной градации, налогово-финансовой системы и связанной с ней феодальной эксплуатации податных сословий Дербентско-Кубинское ханство значительно опережало другие феодальные владения Дагестана, оказывая на них большое влияние.

Огромную роль Дербентско-Кубинское ханство играло и как важнейший узел крупномасштабной транзитной торговли России со странами Закавказья и Средиземноморьем, являясь издавна перевалочной базой между морской (по Каспию) и сухопутной торговлей, и как центр региональной торговли, куда стекались товары со всего Дагестана.

Нами поднят ряд вопросов, которые не нашли до сих пор достаточного освещения в отечественной историографии. В частности, в работе исследуются такие малоизученные аспекты, как образование Дербентско-Кубинского ханства, его влияние на политическую ситуацию в Дагестане в период правления Фатали-хана, на экономическое и торговое развитие Дагестана во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в.

На конкретном фактическом материале определяются истоки и обосновывается перспективность российско-дербентско-кубинских интеграционных процессов. Особый интерес представляют аспекты проблемы, освещающие историю возникновения и развития цеховых объединений ремесленников – этих несостоявшихся классических мануфактур средневековья, не фиксированных нигде, как в Дагестане.

Рассматриваемый нами период – вторая пол. XVIII в. – начало XIX в. – объясняется целым рядом обстоятельств. Это цельный определяющий этап истории Дербентско-Кубинского

владения, завершившийся полным присоединением его к Российской империи.

Следует также отметить, что еще к началу XVIII в. Дербентское владение практически приобрело независимость от пережившего глубокий внутривосточный кризис Сефевидского Ирана, хотя и формально считалось подвластным шаху владением.

Вступление войск Петра I в 1722 г. в Дербент практически положило конец этой внешней форме зависимости Дербентско-Кубинского владения от Ирана.

Попытки Надир-шаха восстановить былую власть Ирана над Дербентом не имели особого успеха и Дербент к концу 40-х гг. XVIII в. приобрел практически полную политическую самостоятельность. В ходе борьбы против притязаний шахского Ирана в ориентации народов региона наметился явный сдвиг в сторону России, которая со второй половины XVIII в. обрела массовый и устойчивый характер.

Со второй половины XVIII в. торговля и ремесло в ханстве достигли качественно нового уровня развития и организации, стали играть определяющую роль в экономике жителей Дербентско-Кубинского ханства, установившего весьма широкие торгово-экономические связи с соседними кавказскими регионами и особенно перспективные отношения с Россией. Дербентско-кубинское владение вступило в наметившийся сложный процесс постепенной интеграции в единую российскую экономическую и политическую систему.

Важную роль для данного исследования играет и историко-сравнительный метод, основы которого предполагают изучение проблем истории Дербентско-Кубинского ханства в сравнении с окружающими феодальными владениями региона.

Для исследования данной темы будут использованы достижения отечественной историографии и исторической науки сопредельных Дагестану стран СНГ, в особенности Азербайджана (А.П. Новосельцев, Г.Б. Абдуллаев, Ф.М. Алиев, З.М. Бунаятов, Т.Т. Мустафаев, Д.М. Мустафаев, С.Б. Ашурбейли, М.М. Баги-

рова, Р.Д. Сулейманов, Г.М. Мамедов и др.) в области докапиталистических обществ, а также опыт, накопленный специалистами по социально-экономической и политической истории и культуре Дагестана дореволюционного периода (Р.М. Магомедов, Х.М.-О. Хашаев, В.Г. Гаджиев, М.М. Ихиллов, С.Ш. Гаджиева, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, А.А. Кудрявцев, Б.Г. Алиев, М.С.-К. Умаханов, Э.М. Далгат, А.Г. Мансурова и др.).

Главным исследовательским замыслом данной работы является освещение на основе тщательного анализа всех доступных источников и литературы комплекса проблем развития Дербентско-Кубинского ханства во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в. в политическом, экономическом и социально-культурном аспекте, воссоздание различных сторон своеобразного исторического бытия многонационального позднефеодального государства Северо-Восточного Кавказа в определяющий хронологический этап его общественно-политического развития.

Значимость нашего исследования заключается также в обобщении исторического опыта социально-экономического и социально-культурного развития горного края с позиций сегодняшних проблем, когда страна вступила в третье тысячелетие, когда ощущается необходимость обдуманного подхода ко всему многообразию проблем многонационального общежития, а объективная оценка событий прошлого крайне важна для корректировки геополитических интересов Российской Федерации и проведения ее национальной политики на Кавказе.

Историография проблемы образования Дербентско-Кубинского ханства и его роль во внутривосточном и экономическом развитии Дагестана во второй пол. XVIII – нач. XIX в. делится на два основных периода – дореволюционный и советский. Акцентируя внимание на этих основных периодах, в то же время нами выделяются по значимости те или иные этапы, которые связаны с усилением интереса к изучаемой проблеме.

Среди наиболее ранних работ о Дербенте и Кубе следует выделить труды Д.К. Кантемира, Ф.З. Бауэра, И.-Г. Гербера, С.Г. Гмелина, П.Г. Буткова, Е. Коцебу, А.В. Комарова и др.

Большой вклад в изучение нарротивных источников и эпиграфических памятников внесли известные дореволюционные востоковеды Х.Д. Френ, Н.В. Ханьков, К.К. Фезе, П.С. Савельев, М. Казем-бек и др.

Отдельные аспекты истории Дербента и Кубы нашли отражение в работах таких крупных специалистов, как Б.А. Дорн, И. Маркварт, И.А. Караулов и др.

Первая попытка создания «истории» Дербента была предпринята Е.И. Козубским. Ряд ценных работ, посвященных городу, вышел из-под пера В.В. Бартольда.

Новый этап в изучении Дербентско-Кубинского ханства связан с советским периодом, когда в исследовании и освещении истории ханства приняли участие такие крупные ученые, как А.С. Башкиров, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, К.В. Тревер, И.П. Петрушевский, Е.А. Пахомов, М.И. Артамонов, П.Т. Арутюнян, Е. Зевакин, Э.Б. Шукюр-заде, Г.Б. Абдуллаев и др.

Значительный вклад в изучение социально-экономического облика Дербентско-Кубинского ханства и его роли в истории Дагестана внесли известные ученые-дагестановеды: Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиев, А.И. Тамай, А.Р. Шихсаидов, Х.-М. Хашаев, А.А. Кудрявцев, Б.Г. Алиев, М.С.-К. Умаханов, Э.М. Далгат, Н.А. Магомедов и др.

В их работах собран и систематизирован ценный фактический материал по нашей проблеме, требующий к себе критического подхода. Более высоким требованиям историографической науки отвечают исследования некоторых аспектов истории Дербентско-Кубинского владения (2-ая пол. XVIII – нач. XIX в.), опубликованные в конце XIX – нач. XX в.

В трудах П.Г. Буткова, Ф.Ф. Симоновича, И.Т. Дренякина и др. содержатся не только ценные сведения, но и попытки прийти к определенным оценкам и выводам.

Работа С. Броневского¹, служившего при главнокомандующем на Кавказе кн. П. Цицианове, написана на основе большого фактического материала с широким использованием трудов

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923. С. 2.

русских и западноевропейских путешественников. Весьма ценны его описания Дербента и Кубы, сведения о численности населения городов и его занятиях.

В разделе «Ханство Дербентское» С. Броневский четко очерчивает границы этого владения, кратко излагает бытующие предания о строительстве и истории Дербента. И, что особенно важно в плане нашего исследования, значительное внимание уделяет занятиям жителей города и его округа, приводит сведения о городской торговле и доходах Дербентского ханства конца XVIII в.

Несомненно, ценные для исследования поставленной перед нами проблемы сведения содержит и работа известного русского востоковеда И. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью»¹. В одной из глав, названной «От Дербента до Кубы», дан краткий исторический очерк Дербента и Кубы, описаны их достопримечательности. Наиболее важную для нас информацию содержат главы, посвященные описанию занятий жителей ханства и управлению при Фатали-хане.

Немаловажные сведения о Дербентско-Кубинском ханстве содержит и сочинение крупного историка дореволюционной России С.М. Соловьева. Первая глава XVIII тома его «Истории России» всецело посвящена «восточной политике» царизма.

Здесь приведены ценные сведения о взаимоотношениях царской администрации с горожанами. Однако освещение затрагиваемых событий С.М. Соловьевым ведется в плане раскрытия внешней политики России. Внутренняя же история местных народов им мало затрагивается.

Вопросы истории Дербентско-Кубинского ханства нашли отражение также в работах академика Н. Дубровина: в много-томной «Истории войны и владычества русских на Кавказе», в труде «Поход графа Зубова в Персию в 1796 г.» и др.², где в ос-

¹ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью с картами, планами и видами замечательных мест. Казань, 1850.

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I-VI; Он же. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. 1874. № 2-6.

новном освещается политическая история региона, превозносятся военные подвиги русского оружия.

В 1906 г. к столетию окончательного присоединения Дербента к России была опубликована крупная монография Е.И. Козубского «История города Дербента»¹. Событиям XVIII в. посвящена ее глава «Дербент от XVI в. до присоединения к России». Здесь в основном излагаются события политической истории, характеризуются происходившие в городе изменения, описывается поход В.А. Зубова и т.д. Вопросы же социально-экономического развития города Дербента и Дербентского владения в упомянутой работе оказались обойденными. Эта первая попытка написать историю Дербента оказалась не совсем удачной и вызвала резкую критику В.В. Бартольда, считавшего, что «задача оказалась не по силам автору».

Сам В.В. Бартольд уделял большое внимание истории Дербента и на базе доступных ему арабоязычных источников написал несколько ценных статей («Дербент», «К истории Дербента», «Новое известие о стенах Дербента» и др.) об отдельных периодах его социального развития хотя и с некоторыми исследованиями не лишены некоторых серьезных ошибок.

Следует учитывать, что всем вышеназванным работам в той или иной степени присуща классовая ограниченность, тенденциозность, идеализация политики царизма в отношении местных народов. Их исследования служили определенной политической цели – обосновать и развить версию о цивилизаторской миссии царизма на Кавказе.

История образования Дербентско-Кубинского ханства в рассматриваемое время привлекала и местных историков. Здесь, прежде всего, следует упомянуть труд выдающегося азербайджанского историка А.-К. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам», посвященный описанию истории Дагестана и Ширвана с древнейших времен до 1813 года.

¹ Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

В IV и V главах этой работы, хотя и кратко, но со знанием дела, описано выступление жителей Азербайджана и Дагестана и т.д., непосредственное отношение к теме нашего исследования имеют сведения, приведенные А.-К. Бакихановым, об образовании Дербентского ханства во 2-ой пол. XVIII в., – о борьбе Фатали-хана за присоединение Дербента к Кубинскому ханству и др. Поэтому труд А.-К. Бакиханова мы используем при анализе политических событий, происходивших в Дербентско-Кубинском ханстве в XVIII – нач. XIX в.

Несомненный интерес представляет сочинение незаслуженно забытого историка Дербента Мирзы Хайдара Везирова¹ «Дербент-наме», завершенное им в середине XIX в. В нем освещается, хотя и кратко, но довольно убедительно, история Дербента. Для нашей работы наиболее ценными являются приводимые М. Хайдаром сведения о взаимоотношениях с Россией и т.д.

Сведения о политической истории Дербента и его присоединении к Кубинскому ханству, содержащиеся в труде Искандербека Гаджинского², посвященном описанию жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля Азербайджана и Дагестана Фатали-хана, также были использованы нами.

Важное значение для изучения истории Северо-Восточного Кавказа имеет сочинение известного историка Г.-Э. Алкадари «Асари Дагестан»³, написанное, по словам академика В.В. Бартольда, «не без таланта»⁴. В разделах, относящихся к событиям XVIII – нач. XIX в., дается характеристика их политических аспектов. Г.-Э. Алкадари в принципе не обошел вопросы хозяйственно-экономической жизни Дербентского ханства, его торговые контакты с Россией, Азербайджаном, а также с владениями Дагестана.

¹ Гаджиев В.Г. «Дербент-наме» Мирза Хайдара Везирова // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 284.

² Искандер-бек Гаджинский. Жизнь Фатали-хана Кубинского // Газ. «Кавказ». 1847. № 48-49.

³ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.

⁴ Бартольд В.В. Изб. соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 651-789.

Советские кавказоведы создали фундаментальные исследования, где освещаются различные аспекты истории Дагестана, в том числе и история Дербентско-Кубинского ханства.

Становление советской историографии отличается критическим подходом к взглядам дореволюционных историков на политику России на Кавказе. М.Н. Покровский впервые затронул проблему восточной политики России в «Русской истории с древнейших времен», считая, что противоречия между Россией и ближневосточными державами являлись порождением только экономической политики царской России на Кавказе, в частности ее борьбой за господство в «области шелковой торговли».

Непосредственным отражением концепции М.Н. Покровского явились труды Е.С. Зеванина и М.А. Полиевктова, которые в определенной степени помогают восстановить картину экономического состояния феодальных владений Западного Прикаспия и т.д.

Вопросы политического устройства Дербента, взаимоотношений с соседними владениями Кавказа, роль Дербента в международной торговле, история объединения Дербента и Кубинского ханства, история присоединения Дербента к России и др. достаточно полно раскрыты в работах И.П. Петрушевского¹.

Вопросы социально-экономической жизни, характерных особенностей позднесредневековых городов Закавказья, типы ремесленного производства, состояние городского купечества, а также история антифеодальных народных движений и освободительной борьбы народов Азербайджана и Дагестана освещаются в ряде работ А.П. Новосельцева², в которых содержатся весьма полезные для нашего исследования наблюдения и выводы.

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в VII-XIX вв. Л., 1949; Он же. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв. // Исторический сборник. 1935. № 4.

² Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. // История СССР. 1959. № 1. С. 87-108; Он же. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. // Исторические записки. 1960. Т. 67. С. 234-255; Он же. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 110-122.

Ценным исследованием является опубликованная В.Ф. Минорским работа «История Ширвана и Дербента» (М., 1963 г.), где даны фрагменты политической истории средневекового города, его социальной структуры и стратификации, показаны острые противоречия в местном феодальном обществе.

Следует отметить крупное монографическое исследование О.П. Марковой¹, где на базе богатого архивного и литературного материала дано обстоятельное освещение истории русско-кавказских отношений в XVIII в., раскрыто соперничество в кавказских делах западноевропейских держав, проанализированы договоры, заключенные между Ираном, Россией и Оттоманской Портой в XVIII в. Особый интерес в плане нашего исследования представляет вторая глава этой монографии под названием «Экономические связи России с Закавказьем и Ираном в XVIII в.», содержащая ценные и важные сведения и наблюдения о торговле Дербента с Россией.

Значительный вклад в изучение истории Дербентско-Кубинского ханства внесли, как было сказано выше, отечественные дагестановеды. Ряд важных вопросов политического и социально-экономического развития Дербента и Кубы и их роли в истории Дагестана затронут в работах Р.М. Магомедова², А.И. Тамая³ и др.

Из трудов дагестанских исследователей, затрагивающих историю Дербентского ханства в XVIII – нач. XIX в., особого внимания заслуживает монография В.Г. Гаджиева «Роль России в истории Дагестана» (М. : Наука, 1965).

Подробное освещение в этом труде вопроса объединения Кубинского ханства с Дербентским при Фатали-хане суще-

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.

² Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961; Он же. Дагестан // Исторические этюды. Махачкала, 1975; Он же. Россия и Дагестан // Страницы истории. Махачкала, 1987.

³ Тамай А.И. Борьба народов Дагестана за свою независимость (30-40-е годы XVIII в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953.

ственно помогло решению ряда вопросов истории Дербентского ханства второй половины XVIII в., в частности, выяснение сложной междоусобной борьбы феодальных владельцев Дагестана и их отношение к политике Фатали-хана¹. Труд В.Г. Гаджиева важен и для выяснения политической обстановки на западном побережье Каспийского моря, к овладению которым путем подчинения своей власти дербентского хана и Дагестана в целом стремились правители Ирана, Турции и России.

В ряде других работ В.Г. Гаджиева² освещаются вопросы истории борьбы народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе и жителей Дербентского владения.

Ценный фактический материал, интересные наблюдения и выводы по истории Дербентско-Кубинского ханства 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в. занимают значительное место в совместном труде Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова «Очерки истории Южного Дагестана»³. В монографии на разнохарактерном материале сделана довольно успешная попытка раскрыть роль Дербентско-Кубинского ханства как торгово-ремесленного центра Дагестана, с которым были тесно связаны жители южнодагестанских селений, основных торгово-ремесленных центров Дагестана и Азербайджана. Не остался обойденным в «Очерках...» и вопрос о месте Дербента в планах Ирана, Турции и России в борьбе за господство на Восточном Кавказе. Дан анализ событий, связанных с объединением Дербентского и Кубинского ханств при Фатали-хане. Однако в силу целей их ис-

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. : Наука, 1965. С. 123.

² Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в XVIII в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI; Он же. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; Он же. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана XX веке // Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времени до начала XX века. М., 1964.

следования авторы «Очерков...» не акцентировали внимание на социально-политической истории собственно Дербента, на показе уровня развития в нем общественных отношений, развития торговли, ремесла и т.д.

Истории Дербентско-Кубинского ханства, их торгово-экономическим связям с другими народами Дагестана и Азербайджана исследуемого периода значительное внимание уделено и в труде М.М. Ихилова «Народности лезгинской группы», изданном в 1967 году.

Дербентско-Кубинскому ханству и его контактам с другими феодальными владениями Дагестана и Азербайджана посвящены страницы 78-86 этого труда. Касаясь вопроса власти дербентских ханов, М.М. Ихиллов отмечал, что она распространялась на город Дербент, прилегающие к нему селения и на кубинскую территорию. Труд М.М. Ихилова важен для нашего исследования при анализе происходивших при Фатали-хане и его преемнике, сыне Шихали-хане, событий, для выяснения вопроса внешнеполитической ориентации Шихали-хана, ставшего сторонником Ирана и Турции¹, хотя его отец придерживался пророссийской ориентации.

Некоторые аспекты изучаемой проблемы затронуты и в работах С.С. Агашириновой² и М.-С.К. Умаханова³.

Ряд вопросов истории Дербента и Дербентского владения, такие как торговля табасаранцев с народами Закавказья, Ближнего Востока, России, Дербента как древнейшего торгового города, затронут в работах М.Р. Гасанова⁴.

¹ Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 84.

² Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. М. : Наука, 1970.

³ Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII-XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений в дореволюционном Дагестане // Сб. Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 9-20; Он же. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – нач. XIX в. (исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1994.

⁴ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978; Он же. Очерки истории Табасарана. М., 1994.

Описанию и изучению архитектурных памятников города, башен и стен его крепости посвящен ряд ценных работ С.О. Ханмагомедова¹, который провел квалификационное исследование сохранившихся средневековых сооружений Дербента.

Ценным вкладом в разработку изучаемой нами проблемы следует считать и труды исследователя русско-дагестанских взаимоотношений второй половины XVIII – нач. XIX в. Ф.З. Феодаевой, в которых на основе огромного пласта архивных документов, извлеченных как из центральных, так и республиканского архива, рассматриваются политические и экономические взаимоотношения владетелей Дагестана, в том числе и Дербентского ханства, с Россией, освещается его место в системе дагестанских феодальных владений, отражается объединительная политика Фатали-хана, его ориентация на Россию, показывается Дербент как крупный торговый центр общедагестанского значения, рассматривается торговая политика России в регионе в этот период, подчеркивается обоюдная заинтересованность России и Дербентского владения в дальнейшем усилении экономических связей, раскрывается огромное значение этого процесса для развития экономики региона².

Собственно русско-дагестанским экономическим отношениям последней четверти XVIII – пер. пол. XIX в. посвящена кандидатская диссертация Р.К. Киласова³. Исследование базируется на изучении материалов Астраханской таможни. В рабо-

¹ Ханмагомедов С.О. Дербент. М., 1958; Он же. Ворота Дербента. М., 1972.

² Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во 2-ой пол. XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. М., 1965. Т. 14; Она же. Русско-дагестанские отношения во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973.

³ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – пер. пол. XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971; Он же. Из истории экономической связи Дагестана с Россией (конец XVII – нач. XVIII в.) // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР (серия общественных наук). М., 1970. Т. XX. С. 205-220.

те привлечен интересный фактический материал, иллюстрирующий ассортимент товаров, вывозимых из России в основном в Дербент и Кубу или через Дербент далее на Восток, объем сделок, состав дербентского купечества и т.п.

В 90-е годы XX века отечественное кавказоведение обогатилось интересным исследованием Н.А. Сотавова¹, в котором на основе широкого круга источников, извлеченных автором из центральных и местных архивохранилищах, с привлечением литературы на персидском и турецком языках освещается переломный период истории народов Северного Кавказа, когда ключевое значение в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке приобрела кавказская проблема, ставшая объектом пристального внимания как соседних государств – Россия, Иран и Османская империя, так и западных держав. В работе раскрываются стратегические замыслы Порты, шахского двора и царского правительства, где немалое место отводилось Дагестану и, в частности, Дербенту и Дербентско-Кубинскому ханству, анализируются методы их реализации.

Проблемы средневекового города, путей его сложения и динамики развития, трактовки города как экономического и социального явления привлекают в последнее время пристальное внимание специалистов. Впервые проблемы дагестанского феодального города были исследованы А.А. Кудрявцевым на материалах Дербента – одного из крупнейших городов средневекового Кавказа.

Многолетнее комплексное историко-археологическое исследование Дербента позволило выявить основные этапы и закономерности становления дагестанского феодального города, его роль в процессах феодализации и урбанизации местного общества, охарактеризовать уровень экономического и социального развития. Сопоставление его с крупнейшими средневековыми памятниками Западного Прикаспия позволило ученому

¹ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М. : Наука, 1991.

сделать вывод о том, что феодальный Дербент представлял собой наиболее характерный образец городов определенного типа, сложившегося на Северо-Восточном и Восточном Кавказе в важнейших центрах Прикаспийского пути, что, в свою очередь, позволило впервые в историографии дать классификацию городов средневекового Дагестана и выделить особый тип кавказского феодального города, сформировавшегося в Западном Прикаспии в силу специфики исторического развития этих областей Дагестана и Азербайджана.

Изучение феодального Дербента дает возможность показать на его примере особую роль города в социально-экономическом развитии дагестанского средневекового общества, в становлении и укреплении новых производственных отношений, выявить его значение как самостоятельной экономической единицы и фактора прогресса. Этим вопросам и посвящен ряд опубликованных работ А.А. Кудрявцева¹.

Особый интерес для нас представляет его совместная с А.Р. Шихсаидовым исследовательская попытка дать периодизацию экономического развития средневекового Дербента (VI-XVIII вв.)².

Книга Г.-Б.Я. Гусейнова «Город тысячи легенд» в популярной форме знакомит читателей с прошлым Дербента и современными преобразованиями в нем³.

Трудно переоценить вклад азербайджанских ученых в разработку различных аспектов истории Дербентско-Кубинского владения.

¹ Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. Пути, закономерности развития города в VI – середине XVII в. М. : Наука, 1993; Он же. Мусульманский город Дагестана // Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала, 1994.

² Кудрявцев А.А., Шихсаидов А.Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента (VI-XVIII вв.). Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М. : Наука, 1979. С. 134-145.

³ Гусейнов Г.-Б.Я. Город тысячи легенд. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1982.

Ценные факты по проблеме мы обнаруживаем в работе В. Левиатова «Очерки истории Азербайджана в XVIII в.» (Баку, 1948). В целом интересная монография этого автора имеет познавательную ценность, содержит немало интересных наблюдений, оснащена богатым библиографическим справочником, однако она базируется в основном на литературных источниках, что снижает ее научную значимость. Кроме того, при освещении ряда вопросов истории Дербентского ханства им допущены субъективные суждения, а решение других – в какой-то мере устарело.

В 1958 г. в Баку была издана монография Г.Б. Абдуллаева «Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в.», где на большом фактическом материале освещена история образования ханств, в том числе и Дербентского, и его объединения с Кубинским ханством в период правления Фатали-хана. Хорошо показано, как и в каких условиях происходило укрепление союза Дербентско-Кубинского ханства с Россией. И, что особенно важно, в монографии обстоятельно раскрыты экономические взаимоотношения Дербента с Россией.

Значительно больше сведений о социально-экономической истории Восточного Кавказа содержит крупная по объему и по охвату затрагиваемых вопросов другая монография Г.Б. Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией» (Баку, 1961).

Следует быть отмеченной как по широте затрагиваемых вопросов, так и по глубине их освещения, вышедшая позже его фундаментальная монография¹, посвященная экономическим и политическим взаимоотношениям Азербайджана с Россией в XVIII веке и основанная на широком круге архивных материалов и литературных источников. Особенный интерес для нас представляют главы, посвященные истории Дербентско-Кубинского ханства, его роли и значению в борьбе держав за

¹ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

сферы влияния на Северо-Восточном Кавказе, показу объединительной политики Фатали-хана, его борьбы с политическими оппонентами, а также исследованию торговых связей Азербайджана с Россией, где значительное место отводится торгово-экономическим взаимоотношениям Дербента с Россией, освещению экономической политики России в регионе. В работе затронуты и многие социально-экономические проблемы истории Дербента изучаемого времени.

Интересные факты и верные наблюдения, позволяющие осветить внешнеэкономическое положение Дербентско-Кубинского ханства, содержат ценные исследования Ф.М. Алиева. В его работе, посвященной изучению внешнеполитической деятельности Азербайджана и Дагестана, имеются важные данные по интересующим нас вопросам. К ней приложены ценные архивные документы, позволяющие раскрывать внешнеполитическую обстановку на западном побережье Каспия¹. Существенное значение для полноты освещения ряда аспектов нашей темы имеет раздел его монографии, посвященный городам Северного Азербайджана во 2-ой пол. XVIII в. и описывающий возникновение самостоятельных феодальных образований в Азербайджане и Дагестане с середины XVIII в.

В 1985 г. было опубликовано еще одно исследование Ф.М. Алиева², где на основе разнохарактерного достоверного материала показаны глубокие исторические корни дербентско-русских отношений, прослежен процесс их развития и усиления в течение XVIII – нач. XIX в.

Немаловажный интерес для нас представляет и работа Дж.М. Мустафаева³, в которой на основе анализа многочисленных архивных материалов освещена внутривосточная об-

¹ Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во 2-ой половине XVIII в. Баку, 1990.

² Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.). Баку, 1985. Ч. 1.

³ Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и России (конец XVIII – нач. XIX в.). Баку, 1989.

становка Дербента и Дербентско-Кубинского владения на рубеже XVIII-XIX вв. и, что особенно важно, дана новая трактовка отдельных моментов политических связей Дербентско-Кубинского ханства с Россией.

В работе раскрывается отношение дербентских владетелей к походу русских войск в регион в 1796 г., когда исторически сложившаяся русская ориентация Дербента достигла кульминации в своем развитии, что и привело в начале XIX в. к присоединению Дербентско-Кубинского ханства к России.

Проблемам взаимоотношения, динамики развития, внутренней структуры экономического становления и культурной жизни города Северо-Восточного Кавказа феодальной поры посвящены работы С.Б. Ашурбейли, М.Х. Гейдарова¹, позволяющие выявить общее и особенное, провести весьма близкие, характерные параллели в структуре и динамике развития Дербента, Кубы и ряда наиболее значительных городов XVIII-XIX вв.

Огромный интерес для нашего исследования имеют работы О.А. Сухаревой, в которых исследуются проблемы «внутреннего строя» феодального города Средней Азии. Сюда входят вопросы этногенеза городского населения, исследование его занятий и всей организации производственной деятельности горожан, сословного и социального строя городского общества со свойственными ему противоречиями и борьбой, раскрытие своеобразных форм городского быта, истории и специфического быта жилых кварталов Бухары², представлявших в сущности своего рода цеховые объединения.

Близко к этим исследованиям примыкает работа грузинского ученого Ш.А. Месхиа «Города и городской строй феодальной Грузии XVIII в.» (Тбилиси, 1959).

¹ Ашурбейли С.Б. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964; Гейдаров М.Х. Города и городское население Азербайджана. Баку, 1982.

² Сухарева О.А. Бухара конца XVIII – пер. пол. XIX в. М. : Наука, 1976.

В работах грузинской историографии, освещающих русско-грузинские отношения, содержатся весьма полезные для нашего исследования данные¹.

Определенные итоги изучения истории Дербентско-Кубинского ханства в XVIII – нач. XIX вв. были подведены и в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа и Дагестана². Ценный фактический материал и теоретические выводы по проблеме нашего исследования содержатся и в обобщающих работах по истории Ирана, Азербайджана, Грузии.

Приведенный выше очерк историографии проблемы показывает, что работы досоветских и советских историков, востоковедов, археологов, а также исследования зарубежных авторов внесли весомый вклад в изучение ряда аспектов истории Дербентско-Кубинского ханства во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в., но решить узловые проблемы эпохи развитого феодализма, его внутривосточного и экономического развития до сих пор не удалось. Нет достаточно подробного освещения уровня торговли, ремесла, не подвергался специальному исследованию вопрос об образовании Дербентско-Кубинского ханства, его роли в международной системе Кавказа, Ближнего Востока и России.

Все эти вопросы требовали более полного исследования и освещения на основе достижений отечественной историографии и разнохарактерного фактического материала.

Для раскрытия данной темы нами будут использованы материалы из центральных и местных архивохранилищ, вошедшие в известные публикации или же извлеченные и введенные в научный оборот автором.

¹ Пайгадзе Г.Г. К истории русско-грузинских отношений XVIII в. Тбилиси, 1960; Он же. Русско-грузинские отношения в 1725-1735 гг. Тбилиси, 1965; Месхиа Ш.А., Цинцадзе Я.З. К истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958.

² Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М. : Политиздат, 1952; История Азербайджана в 3-х т. / под ред. И.А. Гусейнова и др. Баку : Изд-во АН АЗ ССР, 1958. Т. 1, 2; История Грузии. Тбилиси, 1946.

Особую ценность представляют архивные источники, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), архиве внешней политики России МИД (АВПР) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Самым важным и объемным является фонд 77 «Сношения России с Персией», размещенный частью в РГАДА, частью в АВПР, отражающий многосторонние взаимоотношения этих двух государств на протяжении нескольких столетий. В этом же фонде хранится журнал русского посланника в Персию А.П. Волынского.

Из материалов РГВИА особую ценность представляют документы фондов: «Военно-ученый архив Главного управления Генерального штаба» (ВУА); «Потемкин Таврический Г.И., князь, генерал-фельдмаршал» (ф. 52); «Воинская экспедиция Военной коллегии» (ф. 20). Нами использованы заверенные копии документов, извлеченные из этих архивохранилищ дагестановедцами и хранящиеся в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН. Следует отметить, что в этом фонде хранится большое количество материалов, выявленных как в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, так и в архивах Азербайджана и Грузии. Использованы нами и рукописные работы дагестанских историографов, хранящиеся в РФ ИИАЭ.

Ценнейшие документы местного происхождения хранятся в архиве Республики Дагестан. Наибольший интерес для нашего исследования представляет комплекс письменных источников «Кизлярского комендантского архива» (1720-1917 гг.), из которого нами использованы: ф. 18 «Дербентский комендант» (1723-1843 гг.); ф. 382 «Комендант крепости Св. Крест»; ф. 379 «Кизлярский комендант и уездный и окружной начальник» (1720-1877 гг.).

Извлеченные из этих фондов материалы, представляющие собой документальные источники по широкому кругу вопросов; рапорты комендантов Дербентской и Кизлярской крепостей в центр о политической обстановке в регионе, письма им-

ператрицы и представителей российской администрации к Фатали-хану Дербентско-Кубинскому и другим дагестанским владетелям, прошения дербентского хана к кизлярским комендантам о разрешении на приобретение в Кизляре различных товаров, записи в таможенных журналах Дербента и Кизляра о транзите шелка, хлопка через Дербент в Кизляр и Астрахань и т.п., опубликованы в сборнике документов, одним из составителей которого является автор¹.

Для исследования данной темы широко использовались публикации архивных документов. Особое место среди них принадлежит актам, собранным Кавказской археографической комиссией (АКАК), являющимся самой крупной публикацией документов в дореволюционный период. Непосредственный интерес в этом 12-томном издании для нас имеет том 1 часть 2, где нашел отражение широкий круг проблем российско-кавказских взаимоотношений. При этом нами отдается отчет в том, что документы АКАК (как, впрочем, и дореволюционная историография) отражают прежде всего военно-политические события, а информация о социально-экономических реалиях региона отражена в них в значительно меньшей степени.

Часть материалов аналитического характера дошла до нас в известных документальных публикациях, содержащих полные тексты русско-иранского петербургского договора 1723 г., об уступке Ираном Дагестана и Прикаспийских областей России, русско-турецкого константинопольского договора 1724 г. о разграничении сфер влияния между Россией и Турцией на Кавказе и в Прикаспии, русско-иранских договоров 1732 и 1735 гг. о поэтапном возвращении Ирану приобретенных Россией территорий в регионе, донесения французских послов своим правительствам о политической обстановке в регионе, а также мате-

¹ См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.; сб. док. / сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. / под ред. В.Г. Гаджиева. М. : Наука, 1988.

риалы государственного Тайного Совета по различным аспектам проблемы¹.

Некоторые сведения и материалы, хранящиеся в архивных фондах РГАДА и РГВИА, АВПр, вошли в сборник ИГЭД².

Особое значение для нашего исследования имеет фактический материал, вошедший в публикацию о русско-дагестанских взаимоотношениях в XVII – пер. четверти XVIII в.³ (РДО, 1988).

Несомненный интерес для нас представляет и публикация материалов, сообщений и наблюдений русских и западноевропейских путешественников о политических образованиях Северо-Восточного Кавказа, в частности о Дербенте и Дербентско-Кубинском ханстве, осуществленная профессором В.Г. Гаджиевым⁴. Это работы русских ученых, путешественников, представителей администрации, писателей, историков, описаний, воспоминания. Эти памятники представляют собой ценный и содержательный источник, требующий очень осторожного и строго критического отношения.

В 1763 г. был опубликован труд Ф.И. Соймонова⁵, содержащий важные сведения и по торговым связям России с Дербентом. По окончании Московской навигационной школы в 1719 г. и трехлетнего обучения морскому делу в Голландии

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). СПб., 1830. Т.4, 7; Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869; сборник императорского русского общества (сб. РИО). СПб., 1886-1891. Т. 52, 55, 58, 64, 66, 75 и др.; архив Российского государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1; 1888. Т. 2.

² История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.; архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М. : Изд-во Восточная литература, 1958. (Далее ИГЭД).

³ Русско-дагестанские отношения XVII – пер. четв. XVIII в. Док. и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. (Далее – РДО 1988 г.)

⁴ Гаджиев В.Г. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992.

⁵ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на нем российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763, январь.

Ф.И. Соймонов по приказу Петра I в 20-х годах XVIII в. обследовал Каспийское море и составил его карты.

В 1767 г. Русской академией наук было поручено обследовать Прикаспий С. Гмелину. С этой целью в 1769-1774 гг. им было предпринято несколько экспедиций в регион. Возвращаясь из последней своей экспедиции по кавказскому побережью Каспийского моря С. Гмелин был захвачен в плен узьмием Кайтага Амир-Гамзой и умер у него в плену в сел. Ахмедкент. Пяти томное описание его путешествия¹ представляет собой интереснейший исторический источник. Для нас важна часть III этого сочинения, где содержатся сведения экономического и политического характера о Дербентско-Кубинском ханстве.

Другим участником этой экспедиции был И. Гюльденштедт. Его целью было обследование всего Кавказа – от Черного моря до Каспийского. Из путевых записей этой экспедиции состоит его двухтомное сочинение, представляющее собой подробное, обстоятельное описание региона, где содержатся сведения и о Дербентско-Кубинском ханстве².

Внимание к Дагестану и, в частности к Дербентско-Кубинскому ханству, особенно усилилось к концу XVIII века, после персидской экспедиции В. Зубова в 1796 г., в результате которой Дербент вновь оказался под властью России. Этот поход русских войск в Прикаспие был связан с началом комплексного изучения истории, этнографии и экономики региона русскими чиновниками. Много фактических данных об экономике, торговле, ремесле, финансах, политических взаимоотношениях Дербентско-Кубинского ханства с соседними феодальными владениями содержатся в трудах Ф.Ф. Симоновича, И.Г. Дренякина, А.Г. Сереброва, П.Г. Буткова, датированных 1796 годом. Сведения из трудов А.И. Ахвердова, А.А. Кремского,

¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч. III, половина 1. СПб., 1785.

² Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809.

А.П. Тормасова, А.М. Буцковского, изданных в сборнике архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.», позволяют документировать историю Дербента и Кубы начала XIX в. Надо отметить особую ценность сведений П.Г. Буткова о торговых лавках, караван-сараях, шелкоткацких и хлопчатобумажных фабриках Дербента и Кубы, о количестве их населения и т.д. В его труде «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.» (СПб., 1869. Ч. 1-3) собран и систематизирован огромный фактический материал, выявленный им из различных архивов, прессы и других источников за 1722-1803 гг. Ему были доступны различные материалы, преимущественно дипломатические и военно-исторические, секретная переписка царских властей с кавказскими владетелями, мемуары и описания современников. Он использовал выдержки из официальных актов, записки Гербера, Лерха, Гмелина, Гюльденштедта и др. Особенно много ценных сведений о Дербентско-Кубинском владении в 1796 г., о политике России в регионе и др. содержится в его «Проекте отчета о персидской экспедиции в виде писем»¹. Однако, в принципе, эти ценные сведения и материалы требуют к себе критического подхода.

В труде А.И. Ахвердова², датированном 1804 годом и основанном на сведениях XVIII в., содержатся ценные для нашего исследования сведения о Дербенте и Кубе.

Сведения об ассортименте российских товаров, привозимых в Дербентско-Кубинское ханство, содержатся в «Выдержках из описания Дагестана и Ширвана 1806 г.» А.А. Крамского³.

Учитывая тенденциозность и субъективность отношения авторов к описываемым народам и политическим событиям Прикаспия, многие труды требуют к себе критического подхода, данные этих источников в сочетании с архивными материалами и данными местных источников помогают восполнить имеющиеся пробелы в изучении Дербентско-Кубинского хан-

¹ См.: ИГЭД. С. 200-212.

² Ахвердов А.И. Описание Дагестана 1804 г. // ИГЭД. С. 213-229.

³ ИГЭД. С. 234-236.

ства, экономических, политических отношений в тот сложный период в регионе второй половины XVIII – нач. XIX в.

Для изучения поставленной проблемы определенное значение имеет материал эпиграфики, собранный и изданный Л.И. Лавровым и А.Р. Шихсаидовым¹. Эпиграфические памятники Дербента, представленные многочисленными разнохарактерными надписями на его оборонительных стенах, гражданских и культовых сооружениях, являются важным источником для истории более раннего периода. В них содержатся сведения о социальном, экономическом, политическом и культурном развитии средневекового Дербента.

Поскольку имеющиеся в нашем распоряжении фактический материал, а также данные опубликованных письменных источников и сведения исторической литературы не всегда позволяли осветить достаточно полно многие аспекты поставленной проблемы, нам пришлось восполнить этот пробел данными топонимии и историко-этнографического характера, собранными нами в результате многолетних полевых экспедиционных исследований в Дербентском и Кубинском районах. Бесценно значение историко-этнографического материала при изучении хозяйства, ремесла, форм земельной собственности и землепользования. Полевые этнографические материалы используются в комбинации с письменными источниками, дополняя последние, помогая в проверке их данных.

instituteofhistory.ru

¹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа в 3-х ч. Ч. 1. Надписи X-XVIII вв. М., 1966; Ч. 2. Надписи XVIII-XIX вв. М., 1968; Шихсаидов А.Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI-XVIII вв.) / УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М. : Наука, 1984.

ГЛАВА I

Социально-экономическое положение Дербентского и Кубинского ханств накануне образования единого владения

В середине XVIII в., после распада государства Надиршаха, персидское владычество в Закавказье и Дагестане фактически пало.

Одним из наиболее сильных и влиятельных владений в Дагестане во 2-ой половине XVIII в. было Дербентско-Кубинское ханство. В середине XVIII в. Куба подчиняла себе Кулган и Шабран. В это же время происходили междоусобные войны между Кубинским и Ширванским ханствами.

Говоря об укреплении Дербентско-Кубинского ханства, нужно отметить его многолетние тесные связи с Россией. Этим связям благоприятствовало стратегическое и экономическое положение Дербентско-Кубинского ханства. Не случайно Гусейн Али-хан Кубинский, получивший ханскую власть по указу Петра I, всячески содействовал укреплению торговых и политических связей Кубы с Россией.

С.Г. Гмелин писал, что Гусейн Али-хан Кубинский «...Петром I, когда он в сей стране находился, объявлен владельцем сего уезда»¹. П.Г. Бутков приводит аналогичные сведения и добавляет, что «...во время постановления его (Гусейн Али – Н.М.) в ханы, призваны были жители из Кубы и Гулгана учинить в верности России присягу... Доходами сей земли пользуется хан, не давая казну государству ни мало. Только он

¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств по природе. Ч. III. СПб., 1785. С. 23.

обязан, когда потребно будет, со всеми подданными на войну идти»¹.

Русская ориентация Кубинского ханства, как и Дербентского, в первой четверти XVIII в. подтверждается и рядом архивных источников. В одном из них отмечается, что Гусейн Алихан всю свою жизнь был доброжелателем России. В другом документе говорится о благожелательном отношении, гостеприимстве и помощи, которую оказывало Кубинское ханство дипломатическим представителям, купцам, путешественникам, приезжавшим из России².

Кубинское ханство занимало выгодное географическое положение. Плодородие почвы и благоприятные климатические условия способствовали развитию здесь земледелия, садоводства и скотоводства. Путешественники, побывавшие в XVIII в. в Азербайджане, отмечали живописное расположение и прекрасные природные условия Кубы.

Большинство населения в Кубинском ханстве занимались сельским хозяйством, главной отраслью было земледелие. В горных деревнях крестьяне сеяли ячмень, пшеницу, коноплю. М. Биберштейн отмечал, что «хлебные злаки не только в долинах, но также и на высоких горах, крутых склонах». Он же писал, что Куба «снабжена пшеницей города Дербент и Баку, что из Кубинского ханства хлеб вывозили в Кизляр и Астрахань»³.

В Кубинском ханстве более чем в ряде других ханств были развиты ремесла и торговля. Этому способствовали довольно тесные связи Кубы с Россией.

Через Кубинское ханство проходили караванные пути из России в Шемаху, Тебриз и Исфаган. Близость моря и таких

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869. С. 97.

² Цит. по кн.: Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в. Баку, 1958. С. 16.

³ Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура. С. 13.

портов, как Баку, Дербент и др., увеличивала возможности транзитной торговли.

instituteofhistory.ru

Усилившись, Кубинское ханство сумело гарантировать безопасность своих границ от грабительских нападений персидских и турецких феодалов, а также от набегов соседних феодальных владетелей. Это способствовало увеличению численности населения за счет притока новых жителей из других ханств. М. Биберштейн считал Кубинское ханство наиболее населенным¹.

Жители граничащих с Кубой земель, а подчас и далеких областей юга страны, уходя от непрерывных опустошительных нашествий и междоусобных войн, селились в пределах Кубинского ханства. Так, в период правления Фатали-хана (1758-1789 гг.) в Дербентско-Кубинское ханство переселялись, избрав его своим постоянным местожительством, значительные группы крестьян, ремесленников и даже некоторые феодалы из Гиляна, Мугани, Ардебилля и других местностей. **В источнике говорится: «С позволения Фатали-хана в Шабране и Мускюре, составляя следующие деревни: Баиндурли, Чаемагли, Хисун, Чагатай, Усадчали и др.»**. Так же говорится о факте переселения жителей из южных ханств Азербайджана именно в Дербент².

instituteofhistory.ru

Приведенные и многие другие факты свидетельствуют о значительном притоке населения в Дербентско-Кубинское ханство. Большая плотность населения содействовала экономическому и политическому усилению ханства, возрастанию доходов казны, увеличению численности войск, что имело большое значение для расширения сферы влияния этого ханства. М. Биберштейн отмечал, что «жители этого округа имеют воинствующую репутацию, особенно те, которые живут в окрестностях Шахдага»³.

¹ Там же.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 17.

³ Биберштейн М. Указ. соч. С. 13.

Главным средством производства в рассматриваемое время, как Дербента, так и Кубы, являлась земля. Землевладение имело в основном пять видов. Две категории земель – государственные (дивани) и дворцовые (**хасеэ**) существовали с давних времен, еще с периода господства Сасанидов. При Сефевидах земли дивани и хасеэ выросли за счет частновладельческих и общинных земель, а при Надире этот рост получил свое развитие. Это делалось в целях усиления политической централизации, стремление к которой оказалось безуспешным.

В ханствах деление земель на дивани и хасеэ исчезло, те и другие стали называться ханскими землями¹. Происходил обратный процесс – рост частного землевладения. Ханские владения – земли и пастбища – были самыми крупными. В руках хана находились огромные материальные ценности.

«Помню, – писал личный ханский секретарь Мирза Джамал, – как-то однажды при подсчете оказалось, что у хана (Кубинского и Дербентского) столько скота и плугов, сколько у всего населения Дербента вместе взятого, и даже на две пары больше, чем у него... Тут содержатся около трех-четыре тысяч кобыл и соответственное число чистокровных производителей. Число же овец, коров и буйволиц было настолько велико, что не поддавалось учету»². Об огромных владениях кубинского хана также говорится и в другом источнике³. Одним из видов землевладения как в Дербентском, так и Кубинском ханстве до их объединения был мульк, т.е. земельная собственность феодала, не связанная с несением службы хану. Владелец мулька – мулькадар – распоряжался им по своему усмотрению: мог дарить, продавать, закладывать, передавать по наследству. «...В Персии

¹ Петрушевский И. Персидские официальные документы XVI – нач. XIX в. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. В кн. «Проблемы источниковедения». М.-Л., 1940. С. 34.

² Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 151.

³ Там же.

мюлькадарами называются помещики или владельцы недвижимых имуществ, приобретенных покупкою или наследством»¹.

Другой более распространенной и более характерной формой феодального землевладения Кубинского ханства был тиуль, т.е. условная собственность феодала, связанная с отбыванием у хана службы, чаще всего военной. Тиуль как феодальный институт был характерен для всех ханств Азербайджана, так же частично и южно-дагестанских владетелей. В тиуль, наряду с рентой-налогом, жаловалась и земля, населенная крестьянами (райятами), и хозяйство. Райяты как зависимые несли в тиульных владениях повинности, платили в пользу тиульдара разные налоги. Тиульдар пользовался налоговым и судебно-административным иммунитетом на пожалованных ему владениях, но не имел права распоряжаться последним как полной собственностью. Служилая знать и тиульдары имели право наследования должности и владения. Это право определялось и периодически подтверждалось ханской **талигой**.

Условия и размеры земли, отдаваемой в тиуль, были не одинаковыми в различных ханствах. Имелась разница и в правовом положении тиульдаров, их отношении к пожалованному владению. В Кубинском ханстве тиульдары пользовались широкими правами на все виды податей и повинностей в пожалованном им владении: указами хана райяты ставились в личную зависимость от тиульдаров и были обязаны нести повинности («службу»); тиульное владение было более или менее устойчиво.

Тиуль XVIII в. в азербайджанских ханствах имел некоторые преемственные связи с такими ранними феодальными институтами, как икта, сеюргал.

В период ханств происходило постепенное превращение условных землевладений (тиуль) в мульк. Этому способствовали как объективный процесс развития, так и стремление служилой знати расширить и закрепить за собой владения самих ха-

¹ Петрушевский И. Указ. соч. С. 233.

нов. Понятно, что процесс превращения условных землевладений (тиуль) в мульк происходил постепенно, в рост последнего, переход ханских земель в наследственный тиуль служил одной из экономических основ феодального сепаратизма.

В Кубинском владении имелось огромное количество земельных фондов – ханских и мульковых под пастбищами (кишлаги и яйлаги), где пасли свои стада кочевники – илаты¹. Землями, принадлежавшими мусульманским мечетям и другим религиозным учреждениям, под названием вакф, распоряжались духовные феодалы. Вакфами могли быть не только земельные угодья, но и дома, лавки, караван-сарай. Владения вакф находились на особом положении, пользовались всевозможными льготами и были освобождены от податей и повинностей в пользу ханской казны.

Сельская крестьянская община – джамаат торпаги – в Кубе в XVIII в. имела устойчивый характер. Земельная община как орудие восточного деспотизма, о котором говорил К. Маркс², была свойственна и Кубе. Община объединяла крестьян райятов по территориальному признаку и управлялась старшиной аксакалом или кендхудой, она находилась в феодальной зависимости. Община с ее круговой порукой была удобной для феодальной эксплуатации крестьянских масс феодальной единицей и продолжала оставаться основой застойности и косности сельского хозяйства, орудием феодального угнетения крестьян.

Классовая структура Дербентско-Кубинского ханства во второй половине XVIII в. определялась уровнем развития производительных сил, господствовавшими производственными отношениями. Основными антагонистическими классами были феодалы и крестьяне. В первый из них входили светские и духовные феодалы: ханы, султаны, мелики, беки, таифабаша, агалары, шейхи, ахунды, кази, муллы и др. Все они занимали различные места на феодальной иерархической лестнице в зависи-

¹ Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач. XIX в. Л., 1949. С. 342.

² К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинение Т. 21. 1932. С. 500-501.

мости от положения, сословного происхождения, размеров и характера своих владений, численности вооруженных дружин и т.д.

На вершине феодальной лестницы стоял хан, являвшийся верховным властителем в ханстве. После хана по значимости шли султаны. Анализ письменных источников показывает, что в XVIII в. дербентские султаны управляли значительной территорией Южного Дагестана, населенной персами, азербайджанцами, табасаранцами и лезгинцами.

Когда только власть Сефевидов в середине XVIII в. ослабла, дербентские ханы стали ~~полноправными~~ правителями на подвластной им территории, им была подчинена часть земель Кубинского ханства и южнодагестанских их обществ. Дербентский «султан», по сведениям авторов XVIII в., «... яко главный повелитель тамошнего места и окольных дистриктов»², имел «великую власть... над всеми к Дербенту принадлежащими уездами»³. Бывшие земли Сефевидов, пожалованные некогда дербентским правителям в качестве «улька», превратились в ханские, с которых дербентские правители в свою пользу стали собирать подати. «Доходы всех сих мест (уезды Шабран, Мушкур, Низабат, Рустау – Н.М.) отсылали к дербентскому султану»⁴, – отмечал еще П.Г. Бутков.

Более того, дербентские правители получали ежегодно 50 тыс. рублей от шаха, которые шли на подарки тем, «кого не по своей воле жаловать хотел»⁵. Необходимо отметить, что из доходов, которые собирали дербентские правители с подвластной им территории, в шахскую казну ничего не поступало⁶, они це-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 27-28.

² Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на нем российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763, январь. С. 88.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 85.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 27, 93.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 27.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. ИГЭД. С. 86.

ликом присваивались султанами. Доходы эти состояли из сборов пшеницы, ячменя, сорочинского пшена и прочего хлеба 10-я часть, шелку 5-ая часть. За всякого быка, который ходит в плугу, платит хозяин по полтине. За пастьбу в зимнее время, для которой размеривают место, смотря по величине оного, платят по 10 и по 50 руб. Больше число доходов наличными деньгами собирается вместо наказания, ибо ежели кто с кем поссорился, или в чем-нибудь проступился, то полагается на тако-го денежный штраф, который не бывает меньше 5 рублей, а простирается иногда и до 100 руб.¹ и т.д. Эти сведения красноречиво подтверждают тот факт, что дербентские султаны имели не только административную, но и судебную власть над своими подданными. Султаны Дербента являлись и военачальниками. Они располагали 600 конными и 100 пешими воинами. Однако они могли в случае надобности собрать и более значительное количество войск. Косвенно судить об этом позволяет и то, что в конце XVIII в. по настоянию графа Зубова городское население Дербента вместе с ханскими войсками сдало ружья, которых при подсчете оказалось 11 тыс.²

Дербентские султаны, опираясь на свои вооруженные силы, могли по своему усмотрению налагать «превеликие подати, и тех, кои платить оных не были в состоянии, наказывать «жесточайшим образом»³. Особенно угнетаемы и несправны были крестьяне Дербентского ханства.

Другой социальной категорией являлись беки и агалары. Беки были многочисленны, несли различную административную и военную службу ханам, являлись их социальной и политической опорой и служили войсковым ядром господствовавшего феодального класса. Беки делились на влиятельных и служилых (личных). Источники, говоря об их правах и положении в период ханств, дают следующие сведения: «Беки занима-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 178. Ч. 3. С. 23.

ли всегда высшие должности в ханстве и при дворе хана и получали или жалованье из казны ханской, или предоставленные доходы от полученных им частей управления, или, наконец, хан давал им пожизненное владение деревни. Они равно, как и другие свободные сословия, могли приобретать земли..., заниматься без всякого платежа хану торговлею, земледелием и другими промыслами. Обязанность беков состояла в том, что они должны были быть всегда готовы на всякую службу хану, на собственном иждивении...». «Гражданские права беков были потомственные, исключая изъятие от подати и повинности...»¹.

Имеются подробные сведения в документах АКАК о положении, правах и обязанностях кубинских и дербентских беков, для которых характерна некоторая разница с правами беков других ханств².

Владетельные беки были крупными землевладельцами-крепостниками. Большинство их являлось сторонниками феодальной децентрализации и противниками объединительной политики. Они представляли собой наиболее реакционную часть класса феодалов. В вопросах внешнеполитической ориентации они часто выступали против России на стороне Ирана и Турции³. Имена многих владетельных беков в Дербенте и Кубе упоминаются в числе феодальных заговорщиков, выступавших во имя своих личных корыстных целей против политики собирания земель в одно государство⁴. Крупные владетельные беки в ханствах часто занимали враждебную позицию по отношению к центральной ханской власти. Хань в свою очередь вели борьбу с непокорной знатью. Однако ханы порой вели по отношению к отдельным бекам осторожную политику, «довольствуясь изъявлением ими покорности, поступали с ними с большею

¹ АКАК. Т. 7. С. 430. Док. 373; Т. 8. С. 483-484. Док. 358.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 157.

⁴ Там же.

осмотрительностью и остерегались нарушать их [равно сложившиеся] права...»¹.

К социальной категории служилых беков относились: служилая знать, упомянутые тиульдары, мелкие беки, порой лица из придворного ханского окружения, отдельные ханские администраторы и военачальники, дослужившиеся до бекского звания.

Служилые беки несли военную и административную службу, за что получали пожалования в виде земельных угодий, населенных райятами и ранджбарами. Эти феодалы были заинтересованы в укреплении центральной ханской власти и служили опорой ее политики объединения земель вокруг одного политического центра².

Имели место случаи, когда условные владения отнимались у одних представителей служилой знати и передавались другим, заслужившим доверие и расположение хана. Кубинский Хусейн Али-хан в (1750 г.) отнял ранее пожалованное Мамед-Кули-аге зимнее пастбище Чаналлы и отдал его Амир Гуннебеку «за преданность и верность в вечное потомственное владение»³.

В талиге другого кубинского хана говорится, что по его приказанию дети Сулеймана владели кишлаком Коланы, но теперь этот кишлак отдан Кербалай Хусейн-аге⁴. Кроме того, как правило, переход управления какого-либо имения от отца к сыну никогда не совершался иначе как с утверждения хана. Все это не могло не вызвать осложнений. Отказ в признании прав служилой знати (беков) на наследственное правление, отнятие условных тиульных владений и передача их кому-либо другому, хотя бы родственникам, неизбежно сопровождалась недовольством, расколом, выступлением на защиту своих прав. По-

¹ АКАК. Т. 9. С. 201. Док. 218.

² Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1990. С. 102.

³ Там же.

⁴ Там же.

рой ханам приходилось силой подавлять сопротивление недовольных феодалов.

Большую часть духовенства в Дербенте и Кубе в рассматриваемое время составляли мелкие духовные лица – муллы, мудараси (т.е. толкователи догм мусульманской веры) и др. Они не имели крупных владений и являлись исполнителями воли феодальных верхов. Что касается высшего мусульманского духовенства, оно было тесно связано с правящими кругами ханства и занимало наиболее реакционную позицию во внутренних и внешнеполитических вопросах. Несмотря на разницу в социальном положении, духовные лица принадлежали к классу феодалов, интересы которого они отстаивали всеми силами, так как и сами жили за счет эксплуатации народных масс. По данным В.Н. Левиатова, численность представителей этого социального слоя была значительной¹.

Особую социальную группу составляли муафы. Таким термином в широком смысле называли лиц, освобожденных от налогов, податей и трудовых повинностей, но с обязанностью нести военную службу по призыву хана.

Муаф как особое льготное условие имеет свою давнюю историю. В XVI-XVII вв. муаф предоставлялся сефевидским шахом в силу особых соображений или чрезвычайных обстоятельств для успокоения недовольных из высшей племенной знати и из горожан². Муафы были многочисленными и по своему общественному положению стояли ниже беков, составляя ханские войска. «Муафы и юзбаши по данным от хана талагам (талиге) имеют регбаров и пользуются особыми участками земли, пожалованными от владельцев»³. Муафами считались и кендхуда, старшины сельских общин, даруга и другие игравшие роль агентуры класса феодалов в крестьянской среде. Ядро ханских войск составляли муафы-нукеры, которые несли одновременно

¹ Левиатов В.Н. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1949. С. 50-51.

² Петрушевский И. Указ. соч. С. 181-182.

³ АКАК. Т. 8. Док. 354. С. 474.

мелкую административную службу. «Муафы-нукеры составляли отличное войско хана, они не только не платили никаких податей и не несли повинностей, но еще получали от хана подарки лошадьми, оружием и другими вещами. Они также употреблялись ханом для разных посылок, поручений и вроде экзекуции, если требовалось от противящегося настоятельного взыскания»¹.

instituteofhistory.ru

В источнике даются следующие сведения об обязанностях и положении муафов: «Обязанность муафов состоит в том, что властью бывших ханов были они отправляемы в поход против неприятеля, исполняли распоряжение местного начальства и содержание караула, но не платили в казну податей на сем же основании»².

instituteofhistory.ru

О происхождении муафов в период ханств имеется следующее пояснение: «Право на муафство приобреталось при ханах или за особенные заслуги или по ходатайству беков, вступивших в родство с простолюдинами, которых они старались вывести из податного состояния или покупалось у самого хана за достаточные подарки»³.

Права муафов XVIII в. порой распространялись на целую общину. Число муафов могло быть больше или меньше, в частности в Дербентском и Кубинском ханствах, где потребность в надежных военных силах была больше, чем в Шекинском или другом ханстве. Институт муафства, как известно, существовал и раньше, он был органически связан с ханствами, вытекал из их социальной и военно-политической природы. Во второй половине XVIII в. крестьяне в Дербентском и Кубинском ханстве делились на несколько групп: райятов, ранджбаров и илатов.

Термин «райят» в широком смысле означал подданный. Райятами именовали самую многочисленную из социальных категорий крестьян, составляющую основную массу. Крестьяне-райяты имели свое хозяйство, собственный инвентарь и ра-

¹ АКАК. Т. 8. Док. 354. С. 474.

² Цит. по кн.: Левиатова В.Н. Очерки. С. 53.

³ АКАК. Т. 8. Док. 354. С. 474.

бочий скот, пользовались землями феодалов, отбывая повинность и выплачивая различные налоги и подати.

Тяжелые условия феодальной эксплуатации заставляли райятов зачастую бежать от своих владельцев. Тем не менее, на новом месте райяты попадали в такие же условия феодальной эксплуатации и бесправия, в каких находились раньше. Кроме того, феодалы разыскивали беглых райятов и жестоко расправлялись с ними. Розыск райятов временами производился по специальным указам ханов. Райяты сильно страдали от междоусобиц, подвергались насильственному переселению из владения одного хана к другому и зачастую превращались в ранджбаров.

Ранджбары составляли другую категорию феодально-зависимых крестьян. Они отличались от райятов главным образом тем, что были лишены орудий производства – инвентаря, тягловой силы, работали в хозяйстве феодалов в основном на пахотных землях, на шелковых, рисовых и других плантациях. Ранджбары являлись лично зависимыми крестьянами и находились в более тяжелых условиях, чем райяты; они были прикреплены к своему владельцу и подвергались жестокой эксплуатации. Ими владели не только ханы и беки, но и придворные муафы, юзбаши, кендхуры. Однако большинство ранджбаров принадлежали ханам и бекам и занимались принудительным трудом в их хозяйствах.

Ранджбары не имели права покидать владельца, к которому были прикреплены. «В ханские времена – писал С. Эсадзе, – одни регбары (ранджбар. – Н.М.) давались известному лицу потомственно, другие – пожизненно, третьи – составляли принадлежность какой-либо должности... и лицо это пользовалось услугами регбара, а с прекращением его обязанностей, услугами регбар начинало пользоваться вновь назначенное лицо»¹.

¹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 597.

В ранджбаров обращали разорившихся «свободных» крестьян. Феодалы, опираясь на внеэкономическое принуждение, отбирали у райятов имущество, а их самих превращали в ранджбаров. Владельцы-тиульдары и мулькадары переселяли ранджбаров из одних своих владений в другие, а ханы специальной талигой (указом. – Н.М.) закрепляли их за владельцами.

В указе дербентского хана Керим-ага Алиджи говорится: «Мы пожаловали ширванцев, называемых Аскер и Малик, его высокостепенству... Согласно высокому приказу он может переселить обоих вышеназванных людей в любое селение и место..., поселить и устроить, дабы они спокойно могли служить его высокостепенству...»¹.

Крестьяне в Восточном Закавказье не подлежали отчуждению путем купли-продажи и не являлись объектом внешнего права собственности ханов, беков и агаларов, но их положение было лучше, чем крепостных в Грузии или в России².

Однако факты свидетельствуют о сильном угнетении и бесправном положении крестьян той эпохи, о розыске и возвращении беглых крестьян к прежним хозяевам. Существовали невольничьи рынки в Дербенте и Шемахе, о которых упоминают очевидцы-путешественники³.

Во второй половине XVIII в. в рабов обращали похищенных людей, которых продавали в центральной части Дагестана и в самом Дербенте. С.Г. Гмелин свидетельствовал, что горцы похищают людей «как весьма престижную себе добычу, с собою увозят и как невольников продают»⁴.

Экономика Дербента и Кубы во второй половине XVIII в. характеризовалась специфическими формами феодальной эксплуатации, соответствовавшими уровню развития производи-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 164.

² Фадеев А. Россия и Кавказ в первой четверти XIX в. М., 1961. С. 89.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935.

⁴ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 17.

тельных сил и антагонистическим отношениям двух основных общественных классов – феодалов и крестьян.

Налоги, подати и повинности крестьян в Дербентско-Кубинском ханстве были сходны между собой. Однако размеры налогов и податей как прямых и косвенных, так и чрезвычайных были для отдельных частей ханства различны. Выражались они в натуральной и денежной формах, хотя порой назывались по-разному. Землевладельцы присваивали значительную часть прибавочного продукта, созданного непосредственными производителями-райятами. Часть эта колебалась от до $\frac{1}{10}$ доли урожая – пшеницей, ячменем, галтыком, шелком и пр. Этот вид подати в Дербентском и Кубинском ханствах назывался мал-у-джахат.

Существовали многочисленные другие виды податей: тоуджи – в пользу хана деньгами; доругалыг – для управителя; сборы ихраджат, угир – в основном с урожая риса; багпулу – с сада; ат-арпасы – поставка корма для ханских и бекских лошадей. Существовала издольная аренда, в которую передавались земли, рисовые поля, шелковичные сады и пр.

Гудольщики-ранджбары платили владельцам от $\frac{1}{5}$ до $\frac{2}{3}$ валового урожая; порой издольщики пользовались семенами, инвентарем, скотом владельца-хозяина. Существовал бияр, т.е. барщинная повинность: виды и размеры бияра были различными. Обычно бияр как отработочная рента отбывался крестьянскими дворами каждого селения несколько дней в году; райяты должны были сообща работать на хана, бека, управителя, выполняя тяжелые работы, требующие большого труда¹. Эксплуатации подвергались и крестьяне-илаты. Они пасли стада, платили подати овцами, шерстью, маслом, сыром.

Размеры повинностей илатов зачастую определялись местными обычаями – адатами.

¹ Богданов А. К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников. Т. 2. 1939; Полевой материал, собранный автором в Дербентском и Кубинском р-нах в 2009 г.

Натуральные сборы с зерновых культур в Кубинском и Дербентском ханствах были почти одинаковы и составляли: $\frac{7}{30}$ урожая себе, $\frac{2}{30}$ они сдавали в казну¹.

Верховными распорядителями сбора налогов были ханы. «Хан распоряжался сам в сборе всех податей, жители доставляли все продукты куда им было приказано, сборы не имели строгой регламентации, стабильного порядка. Дербентский хан подати накладывает смотря по обстоятельствам»². В Кубинском ханстве с магалов Рустов, Мюшкура, Шабрана и прочих «подати хану в год собираются по прежним обыкновениям с каждого двора от урожая хлеба десятая мера, шелку – десятая часть, баранов – с каждой сотни по два барана». С деревень Кубинского ханства «хотя и на службы употребляющих жителей, получается в год с каждого двора с имеющих баранов... с каждой сотни по два барана (масла по $\frac{1}{4}$ батмана)»³. Податные сословия «дают хану сложную сумму со двора по три рубля ханскою монетою... или по 170 фунтов всякого хлеба... каждую весну и осень по одной овце от ста, десятую долю и всех прочих зеленых произведений»⁴. Значительные поступления в ханскую казну отчислялись из Дербента, Самана и Баку. «Все сии денежные сборы простираются до 54000 российской серебряной монеты, да около 3800 четвертей муки и около 650 четвертей ячменя, не полагая в счет скота, масла и прочие»⁵.

В описании Южного Дагестана и Азербайджана говорится: «От Кубы получают доходы в год около 11000 своими деньгами»⁶. Там же перечисляются различные виды податей, вносимых натурой.

В условиях феодальной борьбы средства на войну часто брались за счет чрезвычайных податей и налогов, добавочных

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 184.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 32.

³ Там же.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 171.

⁵ Там же.

⁶ Левиатов В.А. Указ. соч. С. 89.

обложений. Особенность такого вида обложения заключалась в том, что они распространялись не только на податные сословия, но иногда и на самих феодалов, которые обычно пользовались особыми привилегиями.

Путешественники XVIII в. отмечали огромные размеры ханских податей. Однако несмотря на большое число податей и налогов, чрезвычайные и дополнительные обложения составляли такую же сумму, как прямые и косвенные сборы, а иной раз, смотря по обстоятельствам, превосходили их.

В доходных статьях Дербентского ханства значительное место занимали подушные подати, размеры которых были не одинаковы не только в различных селах, но и в отдельных местностях в зависимости от специализации и плодородия земли. Объектом обложения было лицо мужского пола, иногда двор. В Кубе подати взимались с двора в размере трех рублей ханскими деньгами¹. В Дербенте армяне и евреи платили подати наравне с азербайджанскими податными сословиями². «Женатые платили по одному рублю, а холостые по пятидесяти пяти копеек ханской монетою»³.

С. Гмелин отмечал, что с армян торговых взимается подушная подать (поголовные деньги) в следующих размерах: в год женатый платил 2 рубля 40 копеек, холостой – 1 рубль 20 копеек⁴.

В магалах Рустове, Шабране, Саадане, Мюшкуре, отчасти в Кубе женатые платили «подушные деньги» по два рубля по десяти копеек, холостые по рублю по пяти копеек⁵. С. Гмелин отмечает далее, что по дороге из Баку в Шемаху он встретился с крестьянами, подвластными дербентскому хану, они занимались скотоводством и хлебопашеством, перевозкой товаров между

¹ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 1. Казань, 1849. С. 24.

² Там же.

³ Алиев В.Ф. Указ. соч. С. 128.

⁴ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 96.

⁵ Там же.

Дербентом и Баку, и каждый из них был обязан платить подать, доходившую до 15 рублей в год¹.

Таким образом, в Дербентском и Кубинском ханствах, подушная подать с женатых мужчин взималась в большем размере, чем с холостых, видимо, по той причине, что в семьях женатых было больше рабочих рук. Подростки мужского пола, не достигшие 20 лет, не облагались подушной податью. Подушная подать взималась лишь деньгами, причем размеры ее колебались. При взимании податей (как подушных, так и других) в ханствах не проводилось различия между национальностями. В Дербентском и Кубинском ханствах армяне и евреи платили такие же подати, как и азербайджанцы и дагестанцы.

До присоединения Кубинского ханства к Дербенту сбор подушных податей имел свои особенности. Под этим названием здесь производился сбор не только с лиц мужского пола, но и с домов: «подушные с домов, со скота, с семян, с бостонов, с деревьев, с хлопчатой бумаги, проса и гамона взыскивались деньгами..., доставлялись в казну деньгами, пшеница и ячмень собирались и отдавались в казну натурою». Сверх того взыскивалось при взносе податей с каждого тумана в пользу начальника².

Сбор податей в Дербентском ханстве

<i>Место сбора</i>	<i>руб.</i>	<i>коп.</i>
Селение Сабнава		
С пшеницы, с населения		
С душ мужского пола и домов	1573	32
С крупного рогатого скота	120	-
С садов	248	-
С шелковицы	194	
С ореховых деревьев	30	
С шелкомотальных станков	38	40
С посевов хлопчатой бумаги, проса и батманов	115	20

¹ Там же. С. 87.

² Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства. Баку, 1961. С. 105.

С самана	8	80
«Куллух» в пользу сборщика денег	18	-
С жителей, имевших сад	140	-
Сбор на подарки	60	
Селение Рукель		
С пшеницы и ячменя	656	
С душ мужского пола и домов	656	
С разного рогатого скота (кроме баранов и овец)	100	
С садов	60	
С шелковичных деревьев	60	60
С баранов и овец	9	-
С посевов хлопчатой бумаги, проса (кроме пшеницы и ячменя)	896	-
С самана	144	
В пользу сборщика	90	
За дрова	48	40
Сбор для Мирзы	116	
Селение Митяги		
С пшеницы и ячменя	624	
С душ мужского пола и домов	624	
С разного рогатого скота (кроме баранов и овец)	160	
С садов	532	
С шелковичных деревьев	144	
С ореховых деревьев	80	
С баранов и овец	120	60
С шелкомотальных станков	9	
В пользу сборщика	75	
С посевов хлопчатой бумаги, проса и бостанов	480	
Селение Падар		
С пшеницы и ячменя	-	-
С душ мужского пола и домов	400	-
С рогатого скота (кроме овец)	64	-
С садов	80	-
С шелковичных садов	52	-
С ореховых деревьев	28	
С баранов и овец	14	60
С самана	14	60
сборщику	9	
С посевов хлопчатой бумаги	57	60

С мельницы	32	
С дров	54	
Сбор Мирзы ¹	40	

В Дербентском ханстве XVIII в. отработочная рента существовала в весьма слабой форме. Крестьяне должны были отбывать в пользу феодалов-землевладельцев отработочные повинности – бигар и эврез. Эврезом называлась обязанность крестьян всего селения трудиться сообща в феодальном хозяйстве и на домашних работах у феодалов. На рубеже XVIII и XIX вв. бигар составлял 3 дня на каждого райята, а эврез – 2 дня в году². «Каждые 10-15 домов должны были дать одного человека для домашних услуг беку»³. Принудительный крестьянский труд в качестве бигара использовался для создания водоемов, нехризов (т.е. подземной водяной галереи с выводом наружу), рытья и очистки каналов, уборки и перевозки урожая и пр. Вдобавок к этому податные люди были обязаны доставить по требованию хана нужное число рабочих, в надобности давать подводы и вьюки. Перечисленными поборами далеко не исчерпывались существовавшие в Дербентско-Кубинском ханстве подати, налоги и повинности; мы отметили лишь наиболее общие и типичные из них. Размеры феодальной ренты, как уже отмечалось, не были точно регламентированы. Корыстолюбивые феодалы, сборщики налогов и другие представители администрации, пользуясь бесправием крестьян и ремесленников, наживались за их счет, произвольно увеличивая размеры сборов. В актах Кавказской археографической комиссии приводится следующий факт: «Хан призвал магального наиба, приказывал ему собрать 500, 1000 или более червонцев; магальный наиб удваи-

¹ Эфендиев О.А. Указ. соч. С. 178.

² Петрушевский И. Ранджбары и крепостничество в Азербайджане в конце XVIII – нач. XIX в. Научный архив ИИАЭ Азерб. ССР. Д. 540. Л. 55.

³ Там же.

вал требование хана; одну половину собранных денег оставлял у себя, другую представлял своему владыке»¹.

Взимание податей и налогов носило классовый характер. Если крестьяне-илаты и ремесленники облагались все большими налогами и податями, то духовные лица, сеиды были освобождены от поборов. Различными льготами пользовались муаффы и все должностные лица. Источники сообщают о том, что «жители кубинской провинции, исключая духовенство, шихов, то есть людей, удаленных от мирских сует, деревенских старост и десятских, дают хану сложенную сумму со двора по три рубля ханскою монетою, по одному рубу или по 170 фунтов всякого хлеба»². Из упомянутых же доходов большая часть отводится на содержание хана, его служителей, а другую часть получают его родственники, чиновники и наибы.

Ханы, пользуясь внеэкономическим принуждением, принимали строгие меры для взимания налогов и податей, в том числе чрезвычайных. Это видно на примере Дербента и Кубы. «Если хану понадобятся деньги, съестные припасы, скот, лошади или в прочем другое то, все оное собрать должно, откуда б только достать ни можно было»³.

И далее: «он подати накладывает смотря по обстоятельствам и состоящие в лошадях, скоте, всяком жите, пшенице, сорочинском пшене и других плодах...»⁴

За неуплату налогов плательщиков жестоко наказывали. Если хан у кого из своих подданных требует денег, а тот не в самой скорости заплатить, то уже обнадежен, быть может, что жестоко наказан будет⁵.

¹ АКАК. Т. 7. С. 462-463. Док. 412.

² Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 117.

³ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – пер. пол. XIX в. (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. С. 41.

⁴ Там же.

⁵ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 97-98.

Во второй половине XVIII в. в связи с ростом товарного производства и рыночных отношений возросли денежные сборы налогов и податей. Денежная рента была развита в городах и Прикаспийских областях, где торгово-денежные отношения сравнительно глубоко проникали в экономику. Однако исследуемый нами период были еще значительными подати натурой. Из трех форм ренты преобладающее место занимала продуктовая, возникающая на базе феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от феодалов. Эта форма ренты была тесно связана с застойным, натуральным характером хозяйства.

Наряду с многочисленными неосильными для населения поборами, развитие экономики страны тормозилось также отсутствием единой монетной системы, единых мер веса и пошлин. Феодалы опирались на публичную власть, на аппарат, вооруженные дружины, выкачивали у народно-хозяйственного организма огромные материальные ценности, присваивая не только неоплачиваемый прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта крестьян и ремесленников.

В этих условиях шла классовая борьба между двумя основными антагонистическими классами — феодалами и крестьянами. Источником борьбы являлось коренное различие в социальном положении, материальных и политических условиях жизни феодалов и крестьян. Борьба двух классов в Дербентско-Кубинском ханствах XVIII в. принимала самые разнообразные формы, вплоть до вооруженных столкновений. В дошедших до нас источниках антифеодальные выступления упоминаются очень редко, вскользь и тенденциозно. Поэтому мы не располагаем необходимым материалом для характеристики классовой борьбы в широком плане. Этот вопрос является предметом специального исследования.

Однако есть сведения о выступлении кубинцев с помощью лезгин против ханской власти в 1736 г. Они осадили Худат — первую резиденцию кубинских ханов. На помощь кубинскому хану пришли шамхал Тарковский и дербентский правитель, они

отразили мятежников, которые потеряли 300 человек убитыми и пленными¹.

В консульском донесении из Салъян от 3 сентября 1769 г., наряду с другими данными, приводятся сведения о том, что в городе Шемахе последовал мятеж, и что кубинский и дербентский правители огорчены возмущением шемахинского народа². Чтобы прекратить недовольство, кубинский правитель, «снисходя к сему бедствующему народу», приказал раздать натуральные сборы пшеницы в размере «четыре тысячи тагар»³. Это не великодушные правителя, а страх перед растущим возмущением податных сословий и боязнь, как бы этим не воспользовались феодальные противники как внутри, так и за пределами ханства.

Нашло свое отражение в источниках и литературе и возмущение податных сословий в Дербенте. По этому поводу мы имеем информацию в рапорте майора Фрам Гольда, который был начальником русского отряда, находившегося в то время недалеко от Дербента. Майор пишет: «27-е число ночью приехал ко мне Мирза-бек, сын Ахмед-бека, с объявлением, что в оную ночь из города бежало человек до шестидесяти жителей, а с каким намерением, того не знает»⁴. Майор отправил к ним прапорщика Паробига с предложением вернуться в город. «Они на то объявили, что ни возвратятся ни под каким видом до тех пор, пока хана совсем в Дербенте не будет, не могут они за его к ним притеснения и наглые обиды над собою иметь не желают, в чем между собою и присягаю утвердились, что ево хана совсем в город не допускать или на дороге захватя убить»⁵. Упомянутого ханского чиновника Мирза-бека «бунтовщики перехватая на дороге увезли к себе»⁶.

¹ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 172.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 180.

³ Там же.

⁴ АВПР. Ф. Персидские дела. Д. 478. ЛЛ. 104-106.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 207.

⁶ Там же.

Русское командование призвало их к спокойствию, предупредив, что если они будут противиться, то к ним примут меры наказания: «устраивал их гневом ея императорского величества, однако в... ответ получил, только то..., – писал майор, – что они довольно от хана терпели нужды и обиды, а ныне повиноваться хану не желают»¹.

Восставшие горожане соединились с отрядом юзбаши Хаджи Бала-бека, бежавшего за год до этого из Дербента в Табасаран. Они «прибыли к Дербенту и расположились выше Нарын-калы, начали подготовку к активным действиям. Майор утверждает, что в «... бунте весь город согласен, но только не подают к тому наружного вида, другие не закрыто о том говорят»². В этих условиях, в целях устранения опасности, грозившей дербентским властям, майор Фрам Гольд принял меры. «Я, видя такое в народе возмущение, – пишет он, – нашелся принужденным командировать при одном офицере человек до 50 пехоты и занять все ворота Дербента своим караулом»³. Если бы «не были в прошедшие две ночи ворота заняты нашим караулом, – утверждает он, – возмущение приняло бы серьезный оборот»⁴. Факт этот говорит не только о русской помощи Дербентскому ханству, но и о классовой природе царской и ханской властей, направленной против движений социальных низов.

Стихийные протесты податных сословий как в Дербенте, так и в Кубе имели целью уничтожить «плохого хана» и избрать «хорошего». Так, например, в Дербенте вопрос сводился к тому, чтобы «хана свергнуть или убить», а на его место поставить кого-нибудь другого. Возмущения нередко провоцировались феодалами, враждебными местными правителями. Так, в возмущении в Дербенте участвовал юзбаши Бала-бек.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 274.

² Магомедов Н.А. Дербент... С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же.

Таким образом, факты говорят о классовой ограниченности сознания податных сословий, обусловленной историческими условиями, которые порой шли на поводу отдельных сепаратистски настроенных феодалов. Несмотря на это, возмущение в Дербенте и Кубе носило характер стихийного выступления народных масс – крестьян и ремесленников – против феодальной эксплуатации и угнетения.

Одной из своеобразных форм классовой борьбы, своего рода социальным протестом являлось бегство крестьян от землевладельцев. В условиях феодального угнетения рагбары весьма часто искали себе избавления от притеснения в бегстве¹.

Исходя из фискальной заинтересованности в увеличении числа податных, порой и сами феодалы поощряли бегство и переселение крестьян.

Итак, XVIII в. был одним из сложных, своеобразных периодов истории Дагестана. Шла борьба трех держав – России, Турции и Ирана – за Закавказье и Дагестан. В этот период Турция и Иран сильно отставали в экономическом, политическом и культурном отношении от уровня всемирного исторического развития передовых стран. Турецкая империя по своему характеру была военно-феодальной, находилась на низкой стадии феодализма и переживала упадок. Иран также находился в состоянии глубокого экономического и политического упадка.

В России господствовали феодально-крепостнические отношения, но наряду с тем шел процесс нарождавшегося капиталистического развития. Русская культура стояла выше, она вносила свой вклад в сокровищницу мировой науки.

Вторая половина XVIII – нач. XIX в. была ознаменована началом формирования передовых общественных и политических идей русского просветительства. Дагестанцы ближе познакомились с русскими. Усилился процесс формирования прогрессивных общественных сил русской ориентации. Вместе с тем царизм вел там скрытую колониальную политику.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 274.

Турецкие и иранские вторжения в Дагестан были варварски жестокими. В 30-40-х годах XVIII в. в Дагестане развернулась народно-освободительная борьба, направленная против иранского владычества. Военно-феодальное государство Надира разрушало города Дагестана, беспощадно истребляло население.

После падения власти Надира Дагестан завоевал себе независимое положение от Ирана. На его территории возникли феодальные ханства. Образование ханств являлось, прежде всего, результатом дальнейшего развития феодальных отношений.

В дальнейшем шел процесс укрепления ханств. Классовая борьба эксплуатируемых масс в основном протекала в форме активного протеста против господствующей феодальной системы. Классовый антагонизм во второй половине XVIII – нач. XIX в., выразившийся в выступлениях податных сословий против феодальной эксплуатации, проявил себя в Дербенте и Кубе.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II

Образование Дербентско-Кубинского ханства

Во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в. Кубинское ханство состояло из 100 деревень с 2600 дворами¹. Ханство было восстановлено в прежних своих границах и продолжался процесс дальнейшего его укрепления. Ранее отторгнутые Куман и Шабран вновь были присоединены к Кубе². Шабран имел для Кубы экономическое и политическое значение. Вверх по течению Самура по обе стороны реки с Шекинским и Казыкумукским ханствами граничили так называемые «вольные» кубинские общины³ из лезгин и азербайджанцев, которые жили в многолюдных селениях. Вольные общины составляли «три округа, заключающие в себе 30 деревень». Эти общины находились наследием начальства и носили название: Ахты-пара, Доггуз-пара и Алты-пара⁴. Вначале они подчинялись дербентскому правителю, а в середине XVIII в. оказались под властью Кубинского ханства.

С. Гмелин, побывавший в тех местах, свидетельствует, что Кулган, Ахтыпара и некоторые другие соседние места были владениями кубинского хана⁵.

Издавна под властью кубинского хана находились Сальяны, о чем свидетельствует одно из сообщений второй половины XVIII в. Полковник С. Бурашов отмечает⁶, что Сальяны переда-

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869. С. 249.

² Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. С. 127.

³ Сумбат-заде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 230; История Дагестана. Т. 1. С. 372-373.

⁴ Там же.

⁵ Гмелин С. Путешествие... Ч. 3. СПб., 1785. С. 50.

⁶ Бурашов С. Описание областей азербайджанских в Персии и их политическое состояние. Курск, 1793. С. 4.

ны иранскими шахами во владение предкам Фатали-хана. О зависимости Сальян от Кубинского ханства в прошлом говорится у Гмелина¹.

В 1711 г. Сальяны были отторгнуты от Кубинского ханства и до 1757 г. переходили из рук в руки. Управление Сальянами ширванский беглярбек возложил на Хасан-бека. После убийства группы русских офицеров в 1724 г. Хасан-бек бежал из Сальян и скитался в Муганской степи и «передался под протекцию Порты»².

Некоторое время Сальянами распоряжалось русское комендантское управление. В 1732 г. Сальяны на непродолжительное время отошли к Али Кули-хану, который ориентировался на Россию³.

После вступления в силу Гянджинского трактата 1735 г. Сальяны вместе с Прикаспийскими областями Азербайджана перешли под власть Ирана. Надир-шах направил в Сальяны Мухаммад-хана, а кубинскому правителю Хусейну Али «указано было владеть только в Кубе»⁴. Этот факт подтверждается Биберштейном, который пишет, что «Сальяны и его городской округ были отделены от Кубинского ханства»⁵. В середине XVIII в. Сальяны, как и другие земли Азербайджана, стали независимым от Ирана ханством. Власть была захвачена местным феодалом Ибрагимом Рудбарским, который «объявил себя независимым владетелем онога»⁶. О самостоятельности Сальян в тот период упоминает также П.Г. Бутков⁷.

¹ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 58.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1. С. 91.

³ Гербер И. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях и об их состоянии в 1728 году. ИГЭД. М., 1958. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798. С. 14.

⁶ Бакиханов А. Указ. соч. С. 129.

⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 249.

Феодалы Сальян, недовольные правлением Ибрагим-хана Рудбарского, тайно связались с кубинским ханством и просили своего Усейн Али-хана о том, «чтоб оного Ибрагима от правления Сальянами извергнуть, а определить на его место другого»¹. Эти просьбы послужили предлогом для вооруженного вмешательства в сальянские дела. Кубинское войско в 1757 г. во главе с наследником Фатали-хана напало на Сальянское ханство и «принудило Ибрагим-хана оставить то владение, так что он едва мог бегством скрыться в своем владении в местечке Рубари»².

Таким образом, Сальянское ханство, лишившись самостоятельности в 1757 г., было присоединено к Кубе. Сальяны во второй половине XVIII в. оставались неотъемлемой частью Кубинского ханства, важнейшей его политической опорой и источником значительных доходов.

Присоединению Сальян к Кубе способствовали раздоры между феодалами внутри ханства и равнодушие народных масс. В источниках нет упоминания об оказании сопротивления жителями Сальян вторгнувшимся кубинцам. Присоединив Сальяны, Кубинское ханство получило важные хозяйственные районы: сальянский порт, устье Куры и другие места, ранее входившие в состав Сальянского ханства. Тем самым Кубинское ханство вышло в тыл Бакинского и Шемахинского ханств и, следовательно, получило возможность оказывать на них давление. В дальнейшем Сальяны служили надежной опорой объединительной политики Кубинского ханства.

С присоединением Сальян к Кубе Сальянское ханство было упразднено, а его наследственный правитель, назначенный кубинским ханом, получил звание султана. В системе объединенных земель Кубинского ханства Сальянам всегда придавалось первостепенное значение, поэтому они управлялись султаном,

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 249.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 187.

занимавшим особое положение в системе управления Северо-Восточного Азербайджана.

В рассматриваемое время Кубинское ханство продолжало оставаться небольшим, но достаточно беспокойным политическим объединением.

В дальнейшем продолжалась борьба между Кубинским и сильным Шекинским ханствами из-за влияния на Шемаху. Кубинское ханство поддерживало шемахинцев в борьбе против экспансионистской политики сильного и влиятельного шекинского Хаджи-Челеби-хана¹.

Двор Кубинского ханства превратился в сборище для перебежчиков из Ирана. В частности, убежище было представлено Сулейману Мирзе, выдававшему себя за сына Тахмасипа II.

Это был период острой междоусобной борьбы феодалов, переплетавшейся с династической борьбой за центральную власть в Иране.

В нашу задачу не входит установление личности Сулеймана Мирзы и выявление его связей с Сефевидами. Для нас важен тот факт, что кубинские правящие круги не ограничивались восстановлением силы Кубинского ханства в пределах его прежней территории и стремились к экспансии.

В период нашествий Надир-шаха на Азербайджан и Дагестан и в последующее время, когда разгорелась борьба между феодалами, Кубинское ханство пострадало меньше других, так как после возвращения Прикаспийских областей Ирану Хусейн Али и другие правители, подчиненные Надир-шаху, приняли меры, чтобы избежать разорения ханства и сохранить свою власть. Кроме того, в Кубинском ханстве имелось много неприступных горных крепостей со своим имуществом и скотом, чтобы организовать оборону.

В 1796 г. в связи с походом русских войск и временным подчинением России ряда ханств Дагестана и Азербайджана русскими чиновниками были составлены краткие описания Ку-

¹ Бакиханов А. Указ. соч. С. 29.

бинского, Дербентского, Шемахинского и Бакинского ханств. В этих описаниях отмечены существовавшие крепости и остатки крепостных сооружений в пределах Кубинского ханства, к которым относилась Чирах-кала – старинная крепость, построенная на горе. Крепость эта хорошо снабжалась водой, скрытыми подземными каналами, имела 12 сводов, проход под которыми был затруднен: к ней вела труднопроходимая тропинка.

«От подошвы гор идет она многими изгибами, поворотами по труднейшим каменистым крутизнам... Со стороны гор крепость защищается... старыми башнями и вновь построенною поперечною стеною, а от стороны подошвы, она защищается через крутизну каменистых утесов и пропастью. От предгорий до левого берега Гилгингая со стороны северного Дагестана был устроен возвышенный вал, Алгун и Бару называемый, расстоянием до семи верст до самого моря. В сторону от Кубы по шемахинской дороге в Бешбармаке имелась старая крепость, которая во время нападения неприятельского укрыть может до 500 семей»¹.

Эти немногие примеры свидетельствуют о том, что в Кубинском ханстве, помимо естественных укрытий, были построены искусственные оборонительные сооружения, имевшие большое значение для защиты населения от внезапных нападений. По всей территории ханства были расставлены сторожевые посты. Население, не раз испытывавшее нашествие врагов, приобрело навыки борьбы и было воинственным.

«Жители этого округа имеют военную репутацию, особенно те, которые живут в окрестностях Шахдага», – писал Биберштейн².

Отметим также, что Кубу богато одарила природа лугами, пастбищами, здесь развиты земледелие и садоводство.

Совокупность всех указанных факторов способствовала притоку в Кубинское ханство населения из южных и юго-

¹ Биберштейн М. Указ. соч. С. 13.

² Там же.

восточных степных районов Азербайджана, наиболее пострадавших от вражеских нашествий и феодальных междоусобиц. Увеличение количества податного сословия удовлетворяло интересы кубинских феодалов, поэтому Гусейн Али неусыпно старался об умножении подданных. Он поселил в Шабранской округе много жителей, «перешедших из Муганской степи, а также из Дербентского и Ширванских владений, население было густым во всех местах сей провинции»¹.

В 1757 г. были переселены в Кубинское ханство из Муганской степи «несколько кочевых Шайсевенов (Шахсеванов). Сим случаем ханы кубинские приумножили свои силы...»² Приток населения в Кубинское ханство продолжался и в последующий период. Небезынтересно остановиться и на некоторых других вопросах, в частности, истории центра ханства – города Кубы.

По свидетельству автора XVIII в. М. Чулкова, Худат – первоначальная резиденция кубинских ханов, был многолюдным «изрядным и веселым»³. По другим данным, Худат представлял собой слободу, в нем первым кубинским ханом Хусейном была построена крепость⁴. Бакиханов пишет, что по наущению тестя Хаджи Гариба и племянника Хаджи Дауда Незира «крепость Худат была взята и султан Ахмед-хан со своими приближенными убит мятежниками»⁵.

Бутков видит причину разгрома Худата и убийство хана в том, что султан Ахмед-хан принадлежал к шиитам, «а тесть его, отец жены, кубинский бек Аджи-Али Каморовой (суннитам), от сего родилось между ними несогласие, то есть тесть убил зятя, а Худат от бунтовщиков разорен и Сурхаем введен в управление сей области»⁶.

¹ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Лл. 44-45.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 249.

³ Чулков М. исторические описания российской коммерции. М., 1785. Т. 2. Кн. 2. С. 249.

⁴ Петрушевский И. Указ. соч. С. 40.

⁵ Бакиханов А. Указ. соч. С. 102.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 9.

В другом источнике имеется запись, не подтверждающая высказывание Буткова: «Сей (Султан Ахмед) отцом жены своей Кубинским беком Аджи наибом убит с намерением присвоить власть его»¹.

В кратком историческом описании северного и южного Дагестана, составленном в 1796 г., указано, что «у убитого остался сын, малолетний Гусейн Али, который... взят тайно преданными отцу его чиновниками в деревню Таирджар, в вершинах Самура»². В работе Бакиханова отмечается, что некоторые приверженцы спасли малолетнего сына Гусейн-Али-хана и увезли в Ахты.

В приведенных сообщениях имя убийцы Султана Ахмед-хана Кубинского называется по-разному: Гаджи Гаиб, Аджи Али или Аджи наиб. Однако все сообщения единодушно подтверждают, что убийца был тестем самого хана, одним из кубинских беков, причем убийство совершено с корыстной целью: для захвата власти. Ныне нас интересует не сам факт убийства – обычного для того времени явления, а связанное с этим делом установление резиденции ханства, возможный перевод ее в Кубу и некоторые другие детали.

Междоусобицы и внешние нападения вызвали необходимость перевести резиденцию из открытого и легко уязвимого Худата в место, имеющее естественное укрепление.

О переводе столицы из Худата в Кубу сообщается в заметке, напечатанной в «Кавказском календаре»: «Гусейн Али-Хан Кубинский в 1747 году перенес город на то место, где он находился теперь, на левом берегу речки Кудвял»³. У И. Петрушевского приводится иная дата: «резиденцией кубинских ханов был Худат, а с 1735 года – вновь основанный город Куба»⁴. Су-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 191.

² Бакиханов А. Указ. соч. С. 102.

³ Кавказский календарь на 1847 г. С. 57.

⁴ Петрушевский И.П. Очерки... С. 140.

дя по хронологии событий, имеющейся в работе Бакиханова, перевод резиденции из Худата в Кубу относится к 1748 г.¹

Академик И. Березин писал, что «основание этого города исторически известно и принадлежит новому времени»².

«Жители Худата, уstraшенные общими смятениями, покинули свою маленькую столицу и переселились в сторону от большого тракта, в те самые болота, в которых ныне утопает Куба. Вот когда основался этот знаменитый город»³.

В предисловии к «Гюлистан-и Ирам» А. Бакиханова Мухаммад Хасан Бахарлы (Велиев), принимая во внимание легенду, искусственно связывает основание города Кубы с именем Надир-шаха. По его версии, Надир-шах в одном из своих походов в Дагестан остановился в месте «богатая природа и чудный климат которого среди малярийных местностей до того понравился Надир-шаху, что он приказал беклербеку наместнику Ширвана Мирзе-Мехти-Хану основать здесь город, который назвал Кубэ (Куба) в память купола своего шатра»⁴.

Рассказ этот остается необоснованной легендой и не может быть принят всерьез. Вызывает возражение и высказывание Березина о возникновении города Кубы в новый период, так как противоречит другим, более достойным сведениям.

Бакиханов, проживший большую часть жизни в Кубе и знавший историю Кубинского ханства, не связывает основание города с именем Хусейна Али-хана, который был его прадедом по матери. Он отмечает лишь, что при Хусейне Али-хане резиденция была перенесена из урочища Худата в «крепость Кубу на нынешнее место Гудьял»⁵.

Ценные сообщения дают А. Лопухин и В. Бартольд. В 1718 г. посланник Петра I в Иране А.П. Волынский отправил дворя-

¹ Бакиханов А. Указ. соч. С. 127.

² Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е. Казань, 1850. С. 66.

³ Там же. С. 65.

⁴ Бакиханов А. Указ. соч. С. 12.

⁵ Там же. С. 127.

нина Андрияна Лопухина из Шемахи в Россию через Дагестан, дав ему инструкцию вести путевые записки от Низабада до российских границ. В записках Лопухина говорится: «...Проехали мы две деревни, одна того ж господина Хаджи Дауд бека, где мы кочевали, имя ей Качмасс. В город Кубу приехали за полчаса до полудня, где нас приняли ласково и отвели нам квартиру в доме юзбаши, имя ему Русланбек»¹. Туда он прибыл с провожающими 18 марта 1718 г. Под рубрикой «Известие о городе Кубе», Лопухин пишет: «...В городе... и слышали дворов с 600. И народ очень вольный и своего государя не почитают и не слушают»². Если принять условно по 5 человек на двор, то можно полагать, что в 1718 г. в городе жило примерно 3000 жителей. Из записки Лопухина видно, что Куба в то время еще не имела замкнутых укреплений для прочной обороны. Город управлялся юзбаши³.

Академик В.В. Бартольд, говоря об оккупации турецкими войсками при Султан Мураде III Азербайджана, отмечает, что в 1578 г. турками были заняты восемь городов Азербайджана, в том числе Шабран. Шабран в то время «еще не уступил своего значения Кубе»⁴.

А. Лопухин свидетельствует, что в 1718 г. резиденцией кубинского хана был город Куба. Кубинский хан вежливо и учтиво принял свиту Лопухина. «Нынешний хан султан Ахмет, – пишет Лопухин, – по наследству от тутошних жителей выбран еще молодым, больше ему нет как 14 лет. Владение его в пространстве не велико, иных городов не имеет, кроме деревень и тех немного. Войска при нем содержится готового в 500 человек»⁵.

¹ Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. ИГЭД XVIII-XIX вв. М., 1958. С. 7.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924. С. 145.

⁵ Лопухин А. Указ. соч. С. 7-8.

Таким образом, противоречивость данных затрудняет установление точной даты основания города Кубы. Однако приведенные факты позволяют заключить, что дату появления города Кубы следует искать не в период Надир-шаха или Хусейн Али-хана, а в более раннее время, не путая при этом основание Кубы с превращением города в резиденцию хана.

Резиденция Кубинского ханства, вопреки утверждению Березина, не была перенесена из Худата на пустое болотистое место. Город Куба существовал гораздо раньше и был небольшим. Хусейн Али-хан и его преемники лишь отстроили и укрепили город, превратив его в дальнейшем в административный и политический центр Северо-Восточного Азербайджана.

Сообщение А. Лопухина опровергает многие версии, утвердившиеся в литературе. Получается, что осада и разгром крепости Худата и связанное с этим убийство самого Султана Ахмед-хана не состоялось в 1711 г. Возможно, это произошло, но позднее, примерно накануне похода Петра I в Прикаспийские области в 1721 г., и не в Худате, а в Кубе. В рассматриваемый период административным центром была Куба. У нас имеются основания не соглашаться с рядом авторов по многим указанным вопросам, так как они черпали сведения из рассказов более позднего времени, порой из легенд и вместе с тем относиться с доверием к сведениям очевидца А. Лопухина. Вопрос же о значении Худата и времени превращения Кубы в центр ханства остается пока открытым.

В городе Кубе в 1770 г. побывал академик Российской Академии наук С.Г. Гмелин, который дал краткое описание города и характеристику ханского дворца. Ссылаясь на сведения местных жителей, Гмелин писал, что 30 лет тому назад город был обнесен каменными стенами¹. Другой источник отмечает, что город укреплен стеной из кирпича с трех сторон, окружен рвом и стеной, а с четвертой стороны защищен обрывистым берегом реки Кудиалгай².

¹ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 48-49.

² Там же.

Число домов в Кубе доходило до двух тысяч, а жителей – до семи тысяч человек¹. В XVIII в. такое количество населения характерно для больших городов. Нам трудно установить социальный состав населения, так как статистические сведения XVIII в. не сохранились. Факты показывают, что Куба была значительным торговым городом. По словам Гмелина, город Куба невелик, на его окраинах жили евреи (таты), занимавшиеся в основном торговлей. «По ту сторону реки находится просторная слобода, в которой по большей части живут только жидаы. По сю сторону близ города есть несколько армянских изб»².

Во второй половине XVIII – нач. XIX в. в Кубе побывали многие русские путешественники, оставившие различные сведения о городе, окружающей местности. Куба расположена в долине, окруженной «амфитеатром гор... чело в облаках, а ребра в густом лесу, змеится речка: на обрывистом берегу речки рассеяны дома, домики разных цветов, мечети с четверугольными крышами и все строения для разнообразия переплетено земными деревьями...»³ Так пишет о городе Березин. По свидетельству Гиббелштейн, «кубинское государство заключает в себе часть Ширвана, находящегося между Рубас и Ага-чаем, т.е. кроме части гор до границ с Лезгистаном, главным образом прекрасную и плодородную равнину... Оно бесспорно самое лучшее и более населенное из мелких государств Ширвана, Куба, ее столица, представляет собой маленький город, укрепленный восточным способом – стеной, фланкированной башнями».

Построенный Хусейном Али-ханом ханский дворец был реконструирован и декоративно расписан его преемниками. Этот дворец изящен, построен из кирпича, потолок расписан цветами. Щебалкин, изучавший архитектурные памятники Азербайджана, отмечает, что кубинский дворец по своей богатой але-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 195.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 49.

³ Березин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 64.

бастровой декорировке и росписи стен характерен для группы дворцовых сооружений в XVIII в.¹

К 50-м годам XVIII в. Кубинское ханство значительно укрепилось в военно-политическом отношении. «Куба при появлении своем на историческую сцену, ознаменовала себя в летописях... властолюбием»². Она начала играть важную роль во внутренней и внешнеполитической истории Азербайджана.

Говоря о Кубинском ханстве во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в., нам не безынтересно сказать несколько слов, касающихся исследуемой темы, и о Бакинском ханстве, которое являлось связующим звеном между Азербайджаном и Дагестаном, в частности с Дербентским и Кубинским ханствами.

Бакинское ханство в рассматриваемое нами время было экономически наиболее богатым.

Город Баку являлся лучшим и наиболее укрепленным портом Каспийского моря. Крепостные сооружения Баку уступали только дербентским. С суши город окружала двойная стена, перед которой находились глубокие рвы. Он был хорошо защищен и со стороны моря.

Английский путешественник и коммерсант Дж. Ханвей в середине XVIII в. писал, что вокруг Баку на возвышенных местах «построены крепкие дозорные башни: по-видимому, они предназначаются для подачи тревожных сигналов во время войны, при приближении турок или же горных татар, набегам которых часто подвергался этот город»³.

По своему устройству Баку мало отличался от Дербента. В нем такие же типичные для восточных городов узкие кривые улицы с примыкающими друг другу домами. По словам Березина, в Бакинском ханстве насчитывалось всего 8350 душ населения, оно имело более 39 селений⁴.

¹ Щебалкин И. Архитектурные памятники Азербайджана в XVIII в. Баку, 1958. С. 21

² Березин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 66.

³ Ханвей Дж. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море. Баку, 1960. С. 94.

⁴ Березин И. Указ. соч. Ч. 3. С. 18.

В военно-политическом отношении ханство было слабым: «войск у него более 500 человек не будет»¹.

Многочисленность населения и войска Бакинского ханства не могли обеспечить защиту его от внешних врагов. Крепостные сооружения Баку в лучшем случае могли оградить знать, причем периодические осады изнуряли жителей. Вызывали в них постоянное чувство страха и тревоги. Плохо или совсем незащищенные городские предместья и селения подвергались частному разорению.

Пользуясь слабостью Бакинского ханства, соседние феодалы часто совершали набеги на его территорию. Особенно серьезную опасность представляли вторжения южнодагестанских войск, большей частью заканчивавшиеся поражением Бакинского ханства. Эти нападения наносили значительный ущерб основным отраслям хозяйства, добычи нефти и соли, скотоводству, разведению ценной культуры – шафрана. В результате частого закрытия путей затруднялась торговля, что в свою очередь ставило в тяжелое положение ремесла. Все это сильно отражалось на казне бакинского хана и ущемляло интересы феодалов и купцов. В таких условиях Бакинское ханство нуждалось в сильном покровителе, способном оградить его от грабительских набегов соседних феодалов.

Воспользовавшись этими обстоятельствами, правящие круги Кубы подчинили себе Бакинское ханство. Кубинское ханство зажало Баку в экономические клещи, направило русскую торговлю через морские порты Дербента. Этот факт признал сам бакинский хан в беседе с Гмелиным весной 1770 г.²

Наряду с экономическими санкциями, Кубинское ханство приняло на себя защиту Баку от внешних врагов. «Залив, над которым стоит Баку, может служить нарочным убежищем для судов. Владетель сего места находится под защитой и покрови-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 207.

² Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 62.

тельством хана дербентского, ибо собственными силами безопасности своей утвердить не может»¹.

С.Г. Гмелин, побывавший в Баку 1770 г., спустя три года после присоединения его к Кубе, пишет, что сильный кубинский правитель, вмешавшийся в дела Баку под видом «защитника» этих ханств от внешних врагов, «за сие оберегательство с Бакинского и других соседних ханов берет обыкновенную годовую подать»². Говоря об охране Бакинского ханства и торговых путей кубинцами, Гмелин добавляет, что «недалеко от города Баку, в селение Сарай, расположен гарнизон Кубинского ханства, и Бакинское ханство находится под защитой Кубинского ханства»³.

Переходу Бакинского ханства под покровительство Кубинского ханства способствовало еще то обстоятельство, что бакинский хан не пользовался поддержкой торгово-ремесленных слоев населения. По словам Гмелина, бакинские жители «жалуются, что хан всегда на них накладывает такую сумму денег, которой они почти собрать не могут, в Баку слух носится, что никогда правосудия не получишь»⁴. Сторонники Кубы были в Баку внушительной силой. Видимо, бакинские торгово-ремесленные и другие слои населения предпочитали относительно сильную власть. При этом население исходило из интересов защиты их мирного труда и охраны имущества, развития ремесла и торговли.

Бакинский хан уплачивал подать деньгами и съестными припасами, а также выставлял кубинским властям дружинников. При необходимости кубинский хан мог потребовать дополнительного провианта для снабжения войск, а во время военных действий бакинский хан должен был во главе своего войска являться по призыву кубинского хана⁵.

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 208.

² Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 83.

³ Там же.

⁴ Гмелин Указ. соч. Ч. 3. С. 84.

⁵ Там же.

В титулярных обращениях главу феодального объединения Фатали-хана называли «Дербентским, Кубинским, Бакинским и Сальянским начальником»¹.

Таким образом, факты свидетельствуют, что Бакинское ханство, хотя формально сохраняло свою форму управления, однако фактически находилось на правах вассала. Кубинскому правителю удалось овладеть Бакинским ханством не силой оружия, а благодаря искусному маневрированию, умелому использованию различных политических средств, экономического давления и брачной дипломатии. Успеху политики Кубинского ханства содействовало внешнее и внутреннее положение Бакинского ханства.

Овладением Бакинского ханства завершается первый этап объединения Дербентско-Кубинского ханства.

* * *

Дербент играл важную роль в истории Кавказа и пользовался широкой известностью. Как мы знаем из истории, Дербент стоял на пути, по которому шла торговля, и в то же время занимал важную стратегическую позицию.

Внутри- и внешнеполитическое положение Дербентского ханства во второй половине XVIII в. определялось начавшимся после смерти Надир-шаха в 1747 г. процессом распада его империи и образованием на ее окраинах целого ряда новых феодальных государственных образований – ханств, претендовавших на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

С середины XVIII в. Дербентское ханство с присоединением Кубинского ханства, которое состояло из ста деревень с 2600 дворами², значительно окрепло. Усилилась в нем и власть хана, проводившего активную внешнюю политику.

¹ Абдуллаев Г.Б. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли. «Изв. АН Азерб. ССР». 1960. № 6. С. 24.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 1. С. 240.

Ранее отторгнутые от ханства Кулган и Шабран вновь были присоединены к нему. Шабран имел для народов Южного Дагестана важное экономическое и политическое значение, особенно для живших по обе стороны реки Самур многолюдных «вольных общин» лезгин Ахты-пара, Докуз-пара и Алты-пара. Эти «вольные» общины заключали «в себе до 30 деревень»¹, находились под наследием начальства.

В середине XVIII в. оказались под властью Дербентско-Кубинского ханства²

После военного вмешательства Фатали-хана в 1757 г. Сальянское ханство было присоединено к Кубинскому ханству, чему способствовали раздоры между феодалами внутри ханства и равнодушие к ним народных масс.

Сальянский порт, устье Куры дали возможность Дербентскому ханству выйти в тыл Бакинского и Шемахинского ханства и оказывать на них давление. В дальнейшем Сальяны служили надежной опорой в объединительной политике Фатали-хана, который упразднил Сальянское ханство, а его наследственного правителя назвал султаном.

Политика правящих кругов Кубинского ханства, направленная на объединение земель Северо-Восточного Азербайджана, встретила противодействие со стороны соседних феодальных владетелей.

Что же касается южнодагестанских феодалов, то, как мы уже подчеркивали выше, они хорошо понимали значение Дербента, знали о положении дел внутри Дербентского ханства и отношениях дербентцев к кубинским правителям. Знали они и о стремлении Фатали-хана овладеть Дербентом. Это не входило в политические расчеты южнодагестанских феодалов, так как захват Дербента привел бы к усилению Кубинского ханства.

Вмешательство Фатали-хана в дербентские дела могло стать причиной возникновения антикубинского блока дагестан-

¹ См.: Сумбат-заде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 251.

² Там же.

ских феодалов и срыв экспансионистских замыслов Кубы¹, тем более что Кубинское ханство находилось в состоянии вражды с Шемахинским ханством. Вторжение шемахинских войск в Кубинский Бешбармаг в 1758 г. было успешно отражено². Но шемахинский хан не хотел мириться с этим поражением и выжидал удобного момента для реванша. В этих условиях только осторожная, умелая политика могла устранить опасность создания антикубинского блока южно-дагестанских и северо-азербайджанских феодалов и в то же время противостоять нападению со стороны Шемахи. Имелся разногласия и в лагере противников Кубинского ханства, который очень умело и ловко были использованы Фатали-ханом. Кубинскому хану удалось установить союз с дагестанскими правителями: шамхалом Тарковским, уцмием Амир Гамзой, табасаранским кадием.

В 50-х годах XVIII в. Дербентом правил Мухаммад Хусейн-хан. Внутри- и внешнеполитическое положение ханства было шатким, его раздирали острые внутренние противоречия. Царил произвол чиновников и феодалов. Широкие слои населения страдали от тяжелых поборов и податей. Они искали способа освободиться от Мухаммада Хусейн-хана и это им скоро удалось. О произволе правителей Дербентского ханства и недовольстве народных масс правлением дербентского хана говорят многие другие источники³.

Но не только народные массы, но также часть дербентских чиновников и феодалов стремилась присоединиться к Кубинскому ханству⁴. В Дербенте существовали две политические группировки. Одна из них в основном состояла из небольшого числа крупных феодальных владетелей, поддерживавших Мухаммада Хусейн-хана. Они противодействовали присоединению Дербента к Кубе. Другую группу приверженцев присоеди-

¹ Мурадов В. Средневековые города Азербайджана. Баку, 1983. С. 78.

² Джафаров Г.Д. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. Баку, 1984. С. 113.

³ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 23; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 250.

⁴ Козубский Е. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1896. С. 82.

нения к Кубинскому ханству составляли преимущественно городские ремесленники, купцы и мелкие служилые феодалы. Эта группа была многочисленной.

Правящие круги Кубинского ханства умело воспользовались сложившейся ситуацией. «Недоброе расположение к своему хану дербентского народа»¹ было важным козырем правителей Кубы, решивших вмешаться в дела Дербентского ханства.

К осаде Дербента Фатали-хан приступил в заранее установленное время. Союзным войскам помогло городское население, открывшее ворота Дербента. Ремесленники и мелкие торговцы сыграли решающую роль в сдаче города. Тем не менее, союзники, опасаясь измены, не сразу ввели свои войска в Дербент. По приказу Фатали-хана первым в город вступил уцмий Амир-Гамза с небольшим отрядом, в составе которого были взятые в ополчение в основном из Дербентского ханства. Вслед за этим отрядом в город вступила часть кубинских воинов.

Остальным войскам было приказано оставаться на прежних позициях у стен Дербента. Дербентский хан со своим войском отступил в цитадель Нарын-кала и продолжал обороняться. Овладев большей частью города, союзники предложили Мухаммаду Хусейн-хану добровольно отдать верхнюю крепость, на что хан не согласился, а «после третьей посылке требовал к себе для переговоров и учинения присяги, дабы ему по сдаче города ничего учинено не было, хайдацкого владельца, который потому послан был»².

Союзники Кубинского ханства были вознаграждены деревнями, населенными крестьянами, и доходами с торговых пошлин в городе Дербенте. В сообщениях современников приводятся данные, что Кубинским правителем пожаловано ему, уцмию, три армянские деревни... да еще приказано от кубинского хана с проезжающих в Дербент и из Дербента в «одни ворота, называемые Курымкляр (Гырхлар), чтобы пошлины зби-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 250.

² Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства. Баку, 1962. С. 26.

рать, а поскольку с чего о том неизвестно»¹. Однако уцмий недолго пользовался этими привилегиями. Как только Дербентское ханство несколько окрепло и правитель его узнал о враждебной деятельности уцмия, у него были отняты ранее «пожалованные ему деревни и запрещен сбор пошлин»². От дербентских ворот отстранили сборщиков пошлин. Он был лишен права сбора. Это действие дербентского хана против уцмия послужило одной из основных причин длительной вражды между двумя правителями в последующее время.

Кавказоведы в своих работах лишь бегло упоминают о присоединении Дербента к Кубинскому ханству. Больше других этому событию уделил внимание Бутков в своем трехтомном труде, но у Буткова оно занимает не более полутора страниц. В двух частях работы Березина присоединение Дербента к Кубе посвящены всего две-три строки. Советский историк В.Н. Левиатов отвел этому вопросу столько же места. Все авторы допустили при этом неточности в деталях и ошибки.

Изучив имеющуюся историческую литературу и достоверные сообщения современников, мы можем с уверенностью сказать, что после двухмесячной осады Дербента сдача города состоялась в ноябре 1759 г.³

В отношении политики и метода присоединения Дербента к Кубинскому ханству в источниках говорится, что присоединение произошло, скорее всего, вследствие измены дербентских чиновников и осуществлено с помощью хитрой политики и т.д.

В обоих этих утверждениях есть правда. Однако наиболее важную роль в присоединении Дербента к Кубинскому ханству сыграла не столько сила оружия, сколько тяготение упомянутых слоев населения Дербента к Кубе.

Переход части дербентских служилых беков на сторону Кубинского ханства и активная поддержка торгово-ремесленного населения Дербента, оказанная союзным войскам при осаде го-

¹ Цит. по кн. Магомедова Н.А. Дербент... С. 112.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 25-26.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 86.

рода, способствовали успешному и бесправному завершению присоединения Дербентского ханства к Кубе.

Важным фактором оказалась умелая и искусная политика правителей Кубинского ханства, которым удалось использовать недовольство горожан Дербента, противоречия между различными слоями населения и ссоры между феодалами в интересах усиления своей власти и расширения территории ханства. Кроме того, правящие круги Кубинского ханства сумели привлечь на свою сторону южнодагестанских феодалов и использовать их вооруженные силы против Дербентского ханства.

Успехи в этой политике нельзя приписывать Фатали-хану. Политика Кубинского ханства направлялась группой договорившихся между собой опытных правителей, стоявших у власти. Правильно определяя политику, эта влиятельная группа в сложной обстановке наметила основную линию направления деятельности Кубинского ханства.

После присоединения Дербента значение Кубинского ханства в политической жизни Азербайджана еще более возросло. Дербентское ханство было упразднено. Город Дербент, управляемый наибом, стал вторым политическим и административным центром Кубинского ханства, надежной опорой его объединительной политики.

Как позднее отмечал М. Биберштейн, Фатали-хан и его преемники «... всегда смотрели на Дербент, как на самое важное владение, он являлся их обычно резиденцией»¹.

Благодаря присоединению Дербента, Кубинское ханство в значительной степени усилилось. «Соединяя две провинции, Кубинскую и Дербентскую, Фатали-хан сделался против других в Дагестанской Персии ханом сильным, как по власти, так и по доходам»².

¹ Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. СПб., 1798. С. 3.

² Цит. по кн. Магомедова Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1998. С. 104.

Для Фатали-хана Дербент в дальнейшем играл роль важной стратегической позиции, опоры враждебных ханств: он имел значительные преимущества по сравнению с владениями южнодагестанского и других ханов. Находясь на торговом пути, город стал важным фактором в расширении связей с Россией, как через Каспийское море, так и сухопутно – через Кизляр.

Таким образом, часть территории Дагестана, лежащая на западном побережье Каспийского моря, за сравнительно короткое время была включена в состав Дербентско-Кубинского ханства, которое к концу 60-х годов значительно укрепилось, расширилось и стало играть одну из ведущих политических ролей в регионе.

Однако по мере расширения и укрепления ханства оно встречало все более ожесточенное сопротивление со стороны сил феодальной оппозиции. Владетели соседних ханств оказывали яростное сопротивление объединительной политике Дербентского ханства. Понимая неизбежность столкновения с ними, Фатали-хан в 1764 г. заключил союз с шекинским Гусейн-ханом и двинул войска на Шемаху. Одновременно с ними в Шемахинское ханство вторглись войско и шекинского Гусейн-хана.

Управляющие Шемахинским ханством братья Магомед-сеид хан и Агаси-хан вынуждены были начать переговоры с Фатали-ханом и согласиться стать его данниками. Однако через три года они отказались от выплаты дани. Тогда Фатали-хан направил в Шемаху 12-тысячное войско из Дербента, Баку и Сальян. Старая и новая Шемаха (Ахсу) покорились войскам Фатали-хана¹, который отдал два западных магала и Ахсу Гусейн-хану Шекинскому за его помощь, а всю остальную часть Шемахинского ханства с его старой столицей Шемахой присоединил к своему владению.

В том же году, видимо по подстрекательству Гусейн-хана Шекинского, его наиб Манаф-бек, правивший в Ахсу, задумал совершить поход на старую Шемаху и овладеть ею. Узнав об этом, Фатали-хан тут же направил 15-тысячное войско в Ахсу,

¹ Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1985. С. 36.

взял в плен Манаф-бека и присоединил к своему государству Ахсу¹.

Не желавший примириться с таким положением Гусейн-хан Шекинский организовал поход на Старую Шемаху. Но Фатали-хан с помощью подоспевших войск шамхала Тарковского сумел одержать победу над Гусейн-ханом Шекинским, который еле успел спастись от плена.

Так победно завершились более чем десятилетние усилия Фатали-хана по объединению значительной части территории Южного Дагестана и Северо-Восточного побережья Азербайджана.

Вторая половина 60-х гг. XVIII в. была отмечена не только междоусобной борьбой азербайджанских ханств. Именно в эти годы на территории Дагестана образовалась упомянутая выше антикубинская коалиция, которую возглавил Амир-Гамза – кайтагский уцмий. Недавний союзник Фатали-хана, щедро награжденный за помощь, оказанную в период борьбы за Дербент, ставший родственником Фатали-хана, женившегося на его сестре Тутубике, действовавший в союзе с ханом против шамхала Муртузали Амир-Гамза, скоро оказался в числе его противников.

Произошло это в силу ряда причин. Усиление кубинского хана, как уже отмечалось выше, не могло не беспокоить уцмия Кайтага, как и других владетелей Дагестана. Второй причиной был отказ Фатали-хана отдать Амир-Гамзе в жены свою сестру, Хаджи-бике, как это было обещано и обговорено ранее. Кроме того, Фатали-хан отказался в 1767 г. пропустить отряды уцмия и других дагестанских владетелей через Кубинское ханство в Шемаху.

К окончательному разрыву привело то обстоятельство, что Фатали-хан, как известно, лишал уцмия наград, данных за помощь, оказанную при взятии Дербента.

Все это вместе способствовало сближению уцмия с теми кубинскими феодалами, которые были недовольны политикой Фатали-хана. В 1765 г. с их помощью уцмий овладел Дербен-

¹ Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1985. С. 36.

том, но удержать его не смог. С этого времени и начинается междоусобная борьба уцмий с Фатали-ханом¹.

С середины 60-х гг. началось сближение Фатали-хана с шамхалом Тарковским и его братом Бойнакским владельцем Бамматом. Они довольно активно поддерживали Кубинско-Дербентское ханство, против которого выступали уцмий Кайтага, аварский Нуцал-хан, казикумухский Магомед-хан и дженгутайский Али-Султан.

На протяжении всего периода междоусобной борьбы в 70-х гг. между Фатали-ханом и дагестанскими феодалами российские власти внимательно следили за событиями в регионе, посылая своих лазутчиков во все дагестанские владения. Их многочисленные донесения и письма отложились в фондах Кизлярского комендантского архива и дают нам интересные сведения².

Так, в одном из архивных документов сообщается, что в 1769 г. шекинский Гусейн-хан обратился к казикумухскому Магомед-хану и аварскому Нуцал-хану с предложением о совместных действиях против Фатали-хана и послал им, как сказано в источнике, «пешкеш» – подарки, пообещав к тому же заплатить каждому конному 50 руб., а пешему – 30³.

Итак, Дербентско-Кубинское ханство в рассматриваемое время играло руководящую роль в объединении земель, к нему тянулись нити управления всем Северо-Восточным Азербайджаном и Дагестаном, Сальянское, Дербентское и Шемахинское ханства с присоединением к Дербенту и Кубе были упразднены и управлялись администрацией, назначенной Кубинско-Дербентским ханом. Сальяны управлялись султаном и пользовались правами султаната.

¹ См. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во 2-ой пол. XVIII в. – нач. XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971. С. 193-194.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2922. Л. 4; 2929 Л. 21; 2943. Л. 94; 2960. Л. 51, 60; 3028. Л. 106; 3055. Л. 12; 3056. Л. 37, 38, 64 и т.д. 3111. Л. 103, 104, 109, 125; 3137. Л. 100; 3156. Л. 103, 142; 320; 112-19.

³ Там же. Д. 3132. Л. 45. Феодаева Ф.З. Указ. соч. С. 207.

В Шемахе был особый правитель, который представлял собой промежуточную инстанцию между центральной кубинской властью и местной администрацией – наибом. Особое положение в системе кубинского правления занимал Дербент, являвшийся второй резиденцией хана. Его правитель пользовался значительными правами.

В Шемахе сохранялось правление хана. Однако он, как и все другие правители отдельных областей Северо-Восточного Азербайджана, находился под властью кубинского хана. Бакинские и джавадские ханы сохранили прежнюю форму правления, но как вассалы дербентского хана они выполняли военно-административную службу. Сохранив свои войска, таможенные порядки, права чеканки монеты, взимания податей и пошлин с денежных и торговых операций, вместе с тем бакинские ханы находились под властью Фатали-хана.

Гмелин С.Г. свидетельствует, что Фатали-хан, во всем использует бакинского хана в своих интересах¹. В аналогичном положении находилось Джавадское ханство.

С объединением земель Северо-Восточного Азербайджана и переходом этих ханств под власть Дербентско-Кубинского ханства создались реальные предпосылки для эксплуатации его богатейших материальных ресурсов. В целях централизации своей власти, а также пополнения казны дербентский Фатали-хан попытался изменить порядок поступления пошлин, передав сбор части налогов своим чиновникам. Первоначально же каждый наиб имел право собирать подати и требовать повинности от жителей по своему усмотрению. Фатали-хан приказал, «чтобы старшина каждой деревни, следующие с ним подати вносил в казначейство и магазины, ханские и даже велел требовать некоторые повинности чрез ханских есаулов и сверх того, сделал некоторые, другие не менее важные перемены»². По свидетельству И.Березина, глава феодального объединения Северо-

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 84.

² Там же.

Восточного Азербайджана Фатали-хан, «уничтожив многие права наибов, сосредоточил... управление в своих руках и приступил к устройству внутреннего управления»¹. Территория ханства охватывала в рассматриваемое время бывшие Прикаспийские области, что позволило ханству приобрести хозяйственно-экономические преимущества среди других частей Азербайджана. Более того, владея морскими путями, связывающими Россию с Ираном и другими восточными странами, ханство приобрело первостепенное значение для русской торговли, что содействовало росту городов, населения, сосредоточению в руках социальных верхов большого богатства. Надо учитывать и природные богатства Северо-Восточного Азербайджана, подвластного Дербентско-Кубинскому ханству, что позволило ему стать одним из богатейших сельскохозяйственных, промышленных и торговых районов. Имели значение и торговые порты – Баку, Дербент, Ленкорань на Каспийском море и Сальяны на нижнем течении Куры, связанные с морем. Эти порты во второй половине XVIII – нач. XIX в. связывали внутренние рынки Дагестана с Закавказьем, Россией и восточными странами.

Дербентско-Кубинское ханство широко использовало материальные и морские ресурсы Дагестана и Азербайджана. В пользу казны взимались подати и налоги. С Бакинского ханства, по свидетельству Гмелина, правительство Фатали-хана «берет обыкновенно годовую подать, а в случае необходимости с Бакинского хана требовали провиант для войска»². «Сее выгодою пользуются... от тридцати пяти до 40 тысяч руб. простирающимся доходами от нефти и соли»³, по-видимому, это имело место ежегодно. По тому времени названные суммы были значительными. Как указывал Гмелин, бакинский хан взимал сборы с белой нефти лишь с разрешения Фатали-хана⁴.

¹ Березин И. Указ. соч. С. 173.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 83-84.

³ Там же.

⁴ Указ. соч. С. 71.

Откуп от рыболовных промыслов в устье Куры приносил хану ежегодно до 8 тыс. рублей. Соли добывалось до 20 тысяч пудов в год¹.

Дербентские власти покрывали военные расходы за счет поступления с подданных. «На случай же военных пособий и других непредвиденных надобностей, дербентский хан брал... войска, а с каждого двора, как в городе, так и в деревнях, от 20-ти до 30-ти рублей и с каждой семьи по потребностям»²

Авторы второй половины XVIII – нач. XIX в., описывающие хозяйственное положение ханства, как правило, не приводят данных о динамике и размерах общих поступлений и доходов Дербентско-Кубинского ханства. Более того, они отмечают, что во всех владениях узнать о доходах не возможно³. «Власть хана не ограничена, – пишет С.Г. Гмелин, – в доходах точно определить нельзя»⁴.

Характерной особенностью ханства в рассматриваемое время, являлась большая плотность населения, которая отмечается почти всеми путешественниками, побывавшими здесь. М. Биберштейн говорит, что Дербентско-Кубинское ханство является «бесспорно, самым лучшим и наиболее населенным», хотя никаких цифровых доказательств он не приводит. Население ханства увеличилось за счет переселенцев. Феодалная раздробленность, участвовавшие разорительные походы иранских правителей вызвали отлив населения с юга на северо-восток в города, морские порты, селения, в которых условия для трудовой и коммерческой деятельности были относительно лучше. Источники свидетельствуют, что в Дербент переселялись из Персии, из Южного Азербайджана, большею частью из Муганской степи⁵.

¹ Бутков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 249.

² Магомедов Н.А. Дербент... С. 105.

³ Там же.

⁴ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 23.

⁵ См. Магомедов Н.А. Дербент... С. 89-90.

Много крестьян бежало также и из Дагестана. Они стремились стать под защиту сильного Дербентско-Кубинского ханства, которое лучше других могло гарантировать населению защиту от нападения извне. Переселенцев привлекали оживленные торговые и портовые города и богатые плодородные земли.

Точные сведения о численности населения, его социальном составе, распределении по роду занятий и профессиям, по ханству отсутствуют. Во второй половине XVIII в. общей переписи населения и хозяйства в ханстве не производилось.

После вхождения ханств Дагестана и Азербайджана в состав России в начале XIX в. русские чиновники, по поручению правительства, составили списки населения, собрали сведения о природных ресурсах ханств.

В одном из списков XIX в.¹ численность населения в ханствах исчисляется следующими цифрами: по описанию 1796 г., в южном Табасаране проживало 21 тысяч душ, Дербент имел 10 тысяч душ². Таким образом, если пользоваться не совсем полными сведениями, в то время население Дербентско-Кубинского ханства вместе с подвластными и зависимыми территориями составляло около 345.764 душ.

Следует при этом учитывать, что в этой цифре отсутствует население подвластных и зависимых от Дербентско-Кубинского ханства.

Приведенные данные позволяют в какой-то мере судить о численности населения Дербентско-Кубинского ханства, которое составляло около двух третей территории Азербайджана и Дагестана.

Население ханства составляли азербайджанцы, лезгины и др. Гмелин С., побывавший в 1770 г. в Дербенте, свидетельствует, что в городе 4000 семей, среди которых сто армянских, армяне были заняты «отчасти рукоделием, отчасти хлебопаше-

¹ Магомедов Н.А. Дербент... С. 89-90.

² Там же. С. 102.

ством и скотоводством»¹. По сведениям Гмелина, армяне, жившие в Дербенте, не платили хану никаких податей. За это их обязывали нести полицейскую службу².

Население Северо-Восточного Азербайджана издавна обитало на одной и той же территории и под влиянием общих исторических, географических и социально-экономических условий выработало сходный образ жизни, общность нравов, традиций и обычаев. Их территориальная и культурная общность раскрывается на примере населения Дербента и Кубы, имеющего во многом один и тот же этнический состав.

Рост населения способствовал увеличению средств, поступавших в казну, повышению экономического и военного потенциала Дербентско-Кубинского ханства. Северо-Восточный Азербайджан и Южный Дагестан служили для ханства источником, откуда черпались средства, необходимые для осуществления политики собирания земель. Скотоводческие районы Северо-Восточного Азербайджана поставляли коней, вьючный скот для войска, продукты питания; земледельческое население доставляло съестные припасы; города и промышленное население поставляло вооружение и некоторые другие изделия ремесленного производства. Население платило подати и несло воинские повинности. Гмелин свидетельствует, что «каждая семья по требованиям его (хана) должна давать исправного человека в военную службу»³. Бакинское ханство, как подвластное Дербентско-Кубинскому ханству, в нужное время собирало от 800 до 1000 человек воинов. В походах у Фатали-хана участвовали шекинские, джавадские, тамышские войска, как и войска из прочих мест Северо-Восточного Азербайджана и Дагестана. Численность вооруженных сил Дербентско-Кубинского ханства колебалась между 12-25 тысячами в зависимости от потребностей и обстоятельств. Фатали-хану в 1780 г. в связи с подготов-

¹ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 87.

кой похода против Карабахского ханства и Картли-Кахетинского царства было собрано 25-тысячное войско¹.

Немногим меньше было войско, участвовавшее в походе на Ардебиль в 1784 г. Заявление Гмелина о том, что войско кубинского хана простирается до 40000 человек², не подтверждается другими данными. Дербентско-Кубинские власти постоянно использовали также наемников из Дагестана³.

Казна Фатали-хана, получая немалые доходы, несла и большие непроизводительные расходы на наемное войско, ложившиеся тяжелым бременем на плечи податных сословий. Военный быт ханства требовал строительства крупных крепостных сооружений, имевших важное военно-оборонительное значение.

Прикаспийские города впоследствии оказались значительными стратегическими центрами объединительной политики Дербентско-Кубинского ханства в борьбе с внутренними и внешними врагами. Наиболее ярким примером могут служить события 1774 г., когда в Гавдушанской битве Дербентско-Кубинское ханство потерпело сильное поражение в результате внезапного и согласованного наступления противников.

В этот период Дербент, Баку и Сальяны сумели оказать активную поддержку дербентским властям. Более того, эти города-крепости стали источником материальных ресурсов и людских резервов Дербентско-Кубинского ханства, которые позволяли ему преодолеть огромные трудности и добиться ряда политических и военных успехов. О возросшем влиянии Дербентско-Кубинского ханства можно судить хотя бы по консульскому отчету в коллегия иностранных дел за 1796 г., в котором говорится о необходимости уделить особое внимание во внешней политике российского правительства Дербентскому ханству,

¹ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 74.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 87.

³ Магомедов Н.А. Дербент... С. 89-90.

исходя из интересов российской торговли в Дербенте, Кубе, Шемахе, Ардебиле и других местах¹.

О политике Дербентско-Кубинского ханства, его планах разгрома соседних ханств, имевших целью распространить власть Фатали-хана и раздвинуть границы объединенных земель за счет ханств Азербайджана и Дагестана, говорят многие источники². Политика дербентского хана в части объединения земель объективно была направлена на ликвидацию феодальных междоусобиц. Борьба Фатали-хана с феодальными сепаратистами и собирание земель должны были создать условия для мирного труда населения, роста торговли, привести к оживлению жизни городов. В этом отношении небольшой опыт уже имелся. Так, окончание войны между Шемахинским, Бакинским и Дербентским ханствами привело к устранению одной из основных причин, мешавших развитию внутренней и внешней торговли и общению населения ханств. Купеческие караваны получили возможность беспрепятственно передвигаться по дорогам Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана.

Исторический опыт и существующее положение одинаково диктовали необходимость создания единого государства, способного бороться с иноземными захватчиками и устранять междоусобицы. В своей объединительной политике дербентско-кубинские правящие круги использовали широкие массы сельского и городского населения, объективно заинтересованного в создании сильного единого государства для ликвидации феодальных неурядиц.

После объединения Дербентско-Кубинского ханства жизнь населения начала улучшаться. Это вызвало сочувствие у различных слоев населения других ханств и порождало у них стремление к объединению. Факты неоспоримо свидетельствуют, что кроме субъективного момента политики расширения и собирания земель сверху, со стороны правящих кругов Дер-

¹ Магомедов Н.А. Дербент... С. 89-90.

² См. Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 242.

бентско-Кубинского ханства, у определенных слоев населения Азербайджана и Дагестана имелось стремление к объединению снизу.

О поддержке городским и сельским населением ханства и служилыми феодалами объединительной политики Дербента и Кубы, о стихийной борьбе ханства за собирание земель и противодействии антиобъединительных сил в конце 60-х – начале 70-х годов XVIII в. свидетельствуют многочисленные сообщения очевидцев, русских чиновников. Источники отмечают участников движения за объединение с ханством: купцы, служилые феодалов или старшины простого народа. Антиобъединительные силы были представлены владетельными беками, крупными феодалами, отдельными должностными лицами, занимавшими высокие места на иерархической лестнице ханств. В источниках они зачастую называются знатными старшинами, кадиями и др. Это происходило в силу исторической и классовой ограниченности современников, которые не поняли и не разобрались в этих социальных силах. Они иной раз в своих рапортах и донесениях называли те или социальные группы старшинами. Небезынтересно остановиться на них подробнее.

В рапорте чиновника русского консульства Ивана Матвеева, астраханского купца Степана Шарипина, приказчиков Егора Замятина и Ивана Рябцева от 10 сентября 1768 г., говорится о том, что ардебильские и тебризские старшины приехали в Шемаху с прощением от Фатали-хана, «чтобы он их со оными городами принял в свою протекцию и имел бы над ними главное правление». Фатали-хан, по словам указанных лиц, дал согласие, но на каких условиях – пока неизвестно¹.

Кизлярским комендантом генерал-майором Потаповым был послан терский мурза Казбулат с письмом в Дербент к Фатали-хану и в Сальяны к русскому консулу, а также в Шемаху. Ему было поручено составить путевые записки, в которые он должен был вносить свои заметки и впечатления. В записке Казбу-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 244.

лата от января 1769 г. говорится: «В Дербенте видел я трех человек, знатных купцов, приехавших к объявленному Фет-Алихану с подарками из Гилянской провинции из городов Ардевиля, Тавриса, Генжи, Эривани, которые с согласия всего тамашнего народа, а потаенно своих ханов просили его, дабы он те места взял под свою власть», обещая отдать ему эти города без всякого сопротивления, но так как Фатали-хан воевал с шекинским Хусейн-ханом, он решил вначале разбить его, а потом уже занять указанные города»¹.

Те же Матвеев, Шарипин и приказчики сообщают, что в городах Ардебиле и Тебризе имеет место замешательство, вызванное фактами неподчинения населения городов своим ханам. «В ту нашу бытность от многих мы слышали, что в... городах Ардебиле и в Табризе бывшие ханы учинились пред своими подчиненными в немалых нестерпимых народу грабительствах и притеснениях, почему те ханы с некоторыми старшинами из их мест для разобрания справедливости взяты к персидскому везиру Керим-хану... Старшины после отъезда их ханов к Керим-хану, знатные ехали к Фетали-хану и именем всего жительствающего в вышеописанных городах народа просили дабы он, Фатали-хан принял их под свою протекцию, в чем и подпискою утвердились и потому из оных городов Ардевиля и Табриза некоторые старшины приехав к Фатали-хану, просили, что он их со оными городами принял в свою протекцию и имел бы над ними главное правление, на что от него Фатали-хана и тем ардебильским старшинам объявлено, что он по окончанию своей комиссии (войны) с шекинским ханом отправится к ним в Ардебиль»². Затем хан отослал их обратно с немалыми наградами. Тебризским посланникам было сказано, что если Фатали-хану удастся справиться с неприятелями «он им даст знать, а ныне точно их уверить, не может» и поэтому, наградив их, от-

¹ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3139. Ч. 3. Л. 45.

² Иванов И. Материалы для истории Закавказья. Сведения о Фатали-хане. Баку, 1954. С. 94.

правил обратно. Кроме того, указанные выше лица узнали, что Фатали-хан намеревается идти в Тебриз, но когда – неизвестно¹.

Из этого сообщения можно заключить, что при выборе политической ориентации общественные слои городов Ардебилля и Тебриза разделились. Феодалная верхушка, включая ханов и их приближенных, державшая в своих руках бразды правления, вопреки интересам политического объединения придерживались иранской ориентации, но большая часть населения Тебриза и Ардебилля проявила нежелание подчиняться ханам, предавшим интересы страны в угоду правителю Ирана Керим-хану Зенду. На этой почве произошел раскол. Хань обратились к Керим-хану за помощью для усмирения населения. В то же время купцы, служилые беки, а также другие сословия городского населения отправили посланцев к Фатали-хану с просьбой избавить их от своих ханов и принять Ардебиль и Тебриз под свою власть.

В донесении русского консула из Сальян в коллегияю иностранных дел от 6 февраля 1769 г. приводятся сведения, подтверждающие тяготение городов к Дербентскому ханству, причем указывается, что, кроме Тебриза и Ардебилля, обратились также Гянджа и Ереван. «Что же касается до здешних мест, – говорится в этом донесении, – то многие совершенно утверждают как Ардебиль, Тебриз, как Гянджа и Иреван желают быть в ведении Фатали-хана. И для прощения о покровительстве его тех городов... присланы к нему именитые старшины с знатными подарками, что он прошение их не оставил»². Далее говорится, что после закрепления за Фатали-ханом Шемахинского ханства, дербентские власти займутся удовлетворением прошений, поступивших из этих городов.

Из изложенного очевидно усиление политического влияния Дербентско-Кубинского ханства. Исключение составляли круп-

¹ Иванов И. Материалы для истории Закавказья. С. 102-103.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 245.

ные феодалы и ханы, опасавшиеся ограничения или лишения власти и потери влияния.

Как свидетельствуют приведенные факты, Дербентское ханство также искало сближения с общественными силами других ханств и стремилось использовать силы как опору для осуществления политики собирания земель. Тяготение городов к Дербентскому ханству согласуется с его активной внешней политикой и широкими планами действий. Как видно из сообщений современников, в то время как Дербентско-Кубинское ханство сделалось могущественнее других ханств Азербайджана и дагестанских феодалов, дербентский хан «собирая каждого сверх своего в нужном случае наемное у горцев войско, притеснил других ханов и... мечтал не только учиниться абсолютным владельцем как-то по сю сторону..., но утвердить себя над всею Персиею»¹. Об этом свидетельствует то, что «Фатали-хан, видя себя господином ханства Дербентского, Кубинского и Сальянской области, имея союзников шамхала, с одной, а бакинского Мелик-Магомед-хана с другой стороны... Сделался в Дагестане и Ширване сильнейшим по силам воинским и доходам..., стремясь быть не только владельцем всего Ширвана и Карабаха, но мечтал даже сделаться владельцем Персии»².

Нам кажется, что Бутков П. допустил неточность. Он слишком преувеличил конечные цели дербентского хана, спутал Азербайджан с Ираном. Намерение «сделаться владельцем Персии» следует понимать лишь как объединение всех азербайджанских земель как северных, так и южных, а не притязания на весь Иран. Это неточность – результат ошибочной трактовки официальных источников, юридически считавших Азербайджан принадлежащим Ирану и не желавших замечать коренных изменений в Азербайджане и Дагестане во второй половине XVIII – нач. XIX в.

¹ Бутков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 203.

² Бутков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 252-253.

Дербентско-кубинские власти учитывали необходимость ликвидировать угрозу с тыла и обезопасить Дербент и Кубу от феодалов Южного Дагестана. Решено было поставить ханом над Казыкумыком ставленника Фатали-хана, упомянутого выше шемахинского правителя Эльдар-бека. Этим преследовались цели: во-первых, утвердить в Южном Дагестане власть Дербентско-Кубинского ханства, во-вторых, иметь там опору для дальнейшего вмешательства с тем, чтобы Фатали-хану можно было бы усилить свое влияние как в Азербайджане, так и в Дагестане¹. Действия Фатали-хана были связаны с планом похода на Тебриз.

Об этом ясно говорится в рапорте Филатова от сентября 1770 г.² Осуществление этого плана дало бы ему возможность укрепиться и отправиться в Тебриз, жители которого прежде, в обстановке феодальной анархии, просили его покровительство. Два последних встречных стремления имели политический смысл.

Как отмечается выше, дербентско-кубинский хан уверял посланцев от населения Ардебиля и Тебриза, что как только он закончит войну с шекинским ханом, то примет меры для присоединения этих городов. Твердость описанной политики дербентского хана подтверждается всем дальнейшим ходом событий.

Азербайджанские города в рассматриваемое нами время испытывали тяжесть междоусобных войн, произвол феодалов и оккупационный режим ирано-турецких захватчиков. Большие затруднения претерпевала торговля. Купцы, передвигаясь по территории раздробленного на множество ханств Азербайджана и Дагестана, платили неимоверно высокие пошлины и различные сборы. Они должны были приспособливаться к различным системам мер и весов, принятым в отдельных ханствах. В пути

¹ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 117-118.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 247.

на купцов часто нападали разбойники, скитавшиеся по дорогам Азербайджана и Дагестана.

В это время в Азербайджане шла разрушительная, неутрахающая междоусобная борьба отдельных ханств. Все это сильно препятствовало развитию производительных сил, городской жизни, росту сельского хозяйства, ставило в тяжелое положение городских ремесленников, суживало рынок сбыта их изделий. Этим и объясняется стремление торгово-ремесленных слоев населения изжить феодальные раздоры и установить порядок. Поэтому города сочувственно относились к формированию сильного Дербентско-Кубинского ханства, собиранию политических сил.

instituteofhistory.ru

Еще больше, чем городское население, испытывали на себе бедствия междоусобных войн крестьяне. Они несли тяжелую воинскую повинность, служили в ополчении, участвовали в чуждых им феодальных войнах. Во время войн вытаптывались поля, огороды, вырубались сады, сжигались селения. Тысячи крестьян уводили в плен, их заставляли в чужих местах нести тягостные повинности.

Хотя сильное государство способствовало усилению эксплуатации, но крестьянам было относительно легче жить под его властью, ограждающей их мирный труд от разорений и способной преодолеть тяжесть междоусобных войн. Поэтому крестьяне, несмотря на эксплуатацию, не могли не понять значения для них создания в стране единого государства.

Важной в военном отношении силой, поддерживающей объединительную политику Дербентско-Кубинского ханства, были муафы. Муафами в основном были служилые люди. Институт муафа – общераспространенное явление в социально-экономической жизни Закавказья. Муаф, распространенный на отдельную крестьянскую общину независимо от сословной принадлежности ее членов, обнаружили в Дербентско-Кубинском ханстве.

instituteofhistory.ru

Некоторые крестьянские общины указами дербентско-кубинского хана освобождались от налогов, податей и сбора в

пользу сборщика подати от десятины. Члены такой привилегированной общины составляли значительную часть важных кадров Дербентско-Кубинского ханства.

Указы Фатали-хана и его преемников относительно коллективного муафа, распространенные на крестьянские общины, пока еще не обнаружены. Возможно, что такие указы и были, ведь многие официальные ханские документы, связанные с управлением ханств, до нас не дошли, за исключением отдельных случайно сохранившихся материалов.

Наряду с крестьянами, основу вооруженных сил Дербентско-Кубинского ханства составляла значительная часть кочевников илатов. Но классовой опорой Дербентского ханства, определяющей силой его политики, являлись феодалы, в ней участвовала и городская верхушка.

Служилые феодалы составляли социальное ядро ханской власти, без них невозможно было вести войну и править страной. Они были заинтересованы в получении земель, населенных крестьянами, и службе одному могущественному хану. Сильная государственная власть до некоторой степени гарантировала расширение территории за счет захвата новых владений, а это увеличивало фонд земельных пожалований для раздачи их служилым феодалам, на правах тиулей за несение службы. Кроме того, борьба за объединение открывала широкие возможности большому количеству служилых феодалов для приложения своих сил в войне и в органах административного управления.

Вместе с нукерами эти феодалы составляли личную гвардию хана и занимали должности в промежутке от юзбаши до назиря.

Классовые интересы феодалов требовали установления сильного феодального государства, способного обеспечить более интенсивную эксплуатацию непосредственных производителей материальных благ – крестьян. В этом отношении классовые интересы служилых феодалов не отличались и не могли отличаться от интересов дербентско-кубинской власти.

Служилые феодалы щедро награждались за службу хану: им раздавались большие земельные угодья в виде лена. Например, за проявленную феодалами верность дербентский хан указом 1774 г. пожаловал Малику Хаджи-беку пять селений¹, Мутазе Али-беку, после смерти последнего его сыну Яхья-беку, была передана община Дэдэли «за преданность и исправное несение службы»². Число подобных примеров множество.

Награждая преданных людей землями, Фатали-хан в то же время лишал владений своих противников, крупных владетельных беков. У Буткова приводятся сведения о том, что дербентско-кубинский хан выколол глаза Агаси и отнял у него все имущество³. Об эксплуатации дербентско-кубинскими властями имений крупных шемахинских феодалов свидетельствует и Гмелин⁴. Земли были отняты у дербентского Мухаммада Хусейн-хана, а позднее и у крупных феодальных владетелей Шемахи в связи с поражением шемахинских серкеров. Так, в 1768 г. были отняты земли, принадлежавшие группе сосланных шемахинских феодалов во главе с Манаф-аги, и часть их попала в ханскую казну. Так же поступили и с владениями 76 феодальных семейств, сосланных из Шемахи в Кубу и Дербент в 1769 г. Конфискацией земель и переселением крупных феодалов дербентские власти, видимо, преследовали цель разрушить экономическую основу сепаратистки действующих феодалов, сопротивлявшихся объединительной политике Дербентско-Кубинского ханства.

В период объединения Дербентско-Кубинского ханства широко распространялась поместная форма землевладения (тиуль). Тиульдары получали во владение земли, экспроприированные у крупных феодалов, что, несомненно, вело к усилению феодальной опоры ханства и созданию его руководящего ядра.

¹ Гаджинский И. Указы кубачинских ханов. Баку, 1956. С. 150.

² Там же.

³ Бутков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 253.

⁴ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 97.

Социальные силы объединения не были однородными по классовому составу и целям. В процессе объединения земель каждый преследовал свои выгоды, поэтому и самый подход к объединению был различным. Однако у них имелось и много общих интересов, все они были кровно заинтересованы в ликвидации сил. Общие интересы, возникавшие в ходе исторического развития, сближали эти силы.

Вместе с тем общественные силы объединения были недостаточно развитыми и мощными для разрешения коренного вопроса – ликвидации феодальной междоусобицы в сложной внутренней и внешней исторической обстановке XVIII – нач. XIX в. В рассматриваемое время, по мере расширения и укрепления объединенного Дербентско-Кубинского ханства, усилилось и сопротивление со стороны сил феодальной децентрализации. Господство отсталых производственных отношений, слабое развитие производительных сил, экономическая и политическая раздробленность Азербайджана и Дагестана, недостаточная развитость городов в социально-экономическом отношении, отсутствие у них органов самоуправления и войск, а также внешнеполитическое положение страны – политика Ирана и Турции, с одной стороны, и русского царизма – с другой, создавали серьезные трудности на пути объединения земель в одно государство.

Крупные феодальные владельцы, оказывавшие яростное сопротивление объединительной политике Дербентско-Кубинского ханства, пытались вернуть потерянное, уничтожить все новое в политической жизни Дербента и Кубы. На этой почве шла острая борьба между двумя общественно-политическими силами – централизации, с одной стороны, и сепаратизма – с другой.

Владельцы беки для достижения своих целей применяли различные методы: подкуп, измена и т.д. Так, в начале 1765 г. группе феодалов во главе с Ильяс-беком, Хасаном-Кули и Хаджи Зиадали, которым была доверена охрана города Дербента, изменила Фатали-хану и пошла на сговор с уцмием Амиром

Хамзой¹. Уцмий с отрядом подошел к городу Дербенту, ему открыли крепостные ворота и сдали город. В целях оказания помощи уцмию из Каракайтага в Дербент были посланы вооруженные силы «отряд этот был до основания разбит и в Дербент не допущен»². Уцмий вместе с частью своих сторонников успел скрыться и бежать из города. В освобождении Дербента от войск уцмия большую помощь оказал союзник Тарковский шамхал. Когда Дербент был занят неприятелем, тарковцы нанесли удар по противнику с тыла, напав на Каракайтаг, тем самым не давая времени уцмию сосредоточить в Дербенте новые силы и соединиться с отрядами союзных южнодагестанских феодалов.

Сразу после освобождения Дербента от войск уцмия заговорщики понесли тяжелую кару, дербентский правитель велел казнить Ильяс-бека и его сторонников³.

В источниках приводятся некоторые детали иного плана, например о роли аварского Нуцал-хана, который стремился к примирению уцмия с Фатали-ханом, старался установить мир в Дербенте. Современник пишет, что аварский Нуцал-хан «в примирении просил Фатали-хана, вошедшего с уцмием в единомыслие дербентскому чиновнику Ильяс-беку даровать жизнь». Фатали-хан, хотя и дал обещание, но спустя некоторое время «пожелал сего чиновника убить»⁴. Казнь Ильяс-бека враждебно настроила аварского хана против Фатали-хана.

Следует отметить, что аварский хан принял на себя роль посредника, будучи уверен, что уцмию «трудно удержать за собой Дербент»⁵. Действительно, уцмий со своими сторонниками находился в окружении, отряд его был разгромлен, его брат,

¹ Магомедов Н.А. Дербент... С. 89.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 252.

³ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Гулиев А. Из истории азербайджано-русских отношений XV-XVIII вв. Баку, 1958. С. 117.

возглавлявший две другие каракайтагские части, идущие на выручку уцмию в Дербент, также был разбит с войском.

В то же время союзник Дербентского ханства Тарковский шамхал успешно действовал в тылу против Каракайтага. Таким образом, исход борьбы решился в пользу Дербентско-Кубинского ханства. В таких условиях посредничество аварского хана было равносильно попытке поддержать, спасти противника Дербентского ханства и выручить заговорщиков.

Борьба сторонников консолидации политических сил во главе с Дербентско-Кубинским ханством с приверженцами удельной раздробленности продолжалась и в других районах Азербайджана и Дагестана.

Разгромленные в 1768 г. шемахинские феодалы не желали мириться с поражением и продолжали борьбу в самых различных формах. Эти внутренние враги, будучи не в состоянии вести самостоятельную политику против превосходящих сил противника, искали поддержки извне. Шемахинские сепаратисты, поддерживаемые карабахским, ошскинским, аварским и некоторыми другими правителями, оказали сопротивление дербентским властям. Они тайно продолжали искать средства для свержения дербентско-кубинской власти и восстановления удельного порядка в Шемахинском ханстве. Практически это означало выход Шемахи из состава объединенных земель.

Силы шемахинских приверженцев удельной системы были разбиты в 1768 г., но не окончательно. Бывшие крупные шемахинские феодалы и богатые купцы – сторонники династии серкеро́в – оказались ограниченными только в правах, но и в их руках оставались земли и имущество. Следовательно, они имели экономические средства для организации сопротивления дербентско-кубинским властям. Дербентские власти приняли меры для ослабления позиций феодалов и крупных купцов, в прошлом тесно связанных с династией серкеро́в и пользовавшихся большим влиянием и привилегиями. При дербентском хане многие из них были отстранены от административных и ведомственных должностей, от участия в ханском совете (ди-

ване). Самые богатые купцы, крупные феодалы после путешествия в Мекку и Медину получали звание «хаджи» и не имели никаких других преимуществ, кроме того, что хан почитал их только за богатство. «При прежних ханах были они в толь великой силе, что те без их согласия ничего важного предпринять не смели, но нынешний лишил их всего имущества»¹.

В Сальянах прежде многие знатные люди из Шемахи имели свои угодья, подаренные им шахом. При Надир-шахе шемахинская феодальная знать лишилась этих угодий. После поражения, нанесенного Шемахе Дербентско-Кубинским ханством в 1768 г., мечта шемахинских феодалов о возвращении своих владений не могла осуществляться. Оставалась одна надежда – добиться этого путем ослабления и расчленения объединенного Дербентско-Кубинского ханства.

Крупные купцы и торговцы подвергались большим налоговым обложениям. Вся тяжесть налоговой политики Дербентско-Кубинского ханства ложилась на плечи народных масс. Шемахинские феодалы также облагались налогами, хотя к ним был особый подход – они участвовали лишь в уплате чрезвычайных налогов, шедших на покрытие особо важных военных расходов².

С включением Шемахинского ханства в состав Дербентско-Кубинского владения имущество и жизнь шемахинцев стали охраняться лучше, грабительские набеги случались реже, расширился рынок сбыта товаров. Торговцы и ремесленники получили свободный доступ к ранее закрытым морским портам – от Дербента до Ленкорани и дальше. Начали развиваться торговые связи с зарубежными странами. Но налоговое обложение, социальный и политический гнет сельских сословий и городских тружеников все усиливались.

Продолжительная вооруженная борьба между Шемахинским и Дербентско-Кубинским ханствами дала повод Фатали-

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 96-97.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 103.

хану рассматривать Шемаху как ханство, доставшееся силой оружия, поэтому Фатали-хан взимал налоги и подати в любых размерах.

Жестокая политика и произвольные действия дербентских властей по отношению к Шемахе использовались шемахинскими феодалами как средство для усиления недовольства. Кроме того, шемахинские феодалы для достижения своей цели стремились использовать испытанное средство из арсенала турецких и иранских властителей – разжигание религиозной нетерпимости между шиитами и суннитами. Владетельные беки направляли шемахинцев, исповедующих суннизм, против дербентцев, придерживавшихся шиитского направления ислама.

При таком противоречивом и сложном внутреннем положении крупным шемахинским феодалам удалось подготовить заговор. Выступление возглавил бывший шемахинский хан Мухаммад Саид и его приближенные, поддерживавшие тесный контакт с шекинским ханом. Заговор намечено было осуществить в июле 1769 г. Они намеревались, соединившись с шекинскими войсками, выступить с фронта и тыла и уничтожить воинские части Дербентско-Кубинского ханства, дислоцированные в Шемахе. После победы предлагалось восстановить в Шемахе власть прежней династии серкерров, причем часть ханства – новую Шемаху – намечалось передать шекинскому хану. Таким образом, при успехе заговора Шемахинское ханство должно было быть раздроблено на две части в противовес объединению земель вокруг единого политического центра.

Заговорщики приурочили выступление к началу военного столкновения между Шемахинским и Дербентско-Кубинским ханствами. Этот план заговора раскрывается в сообщениях современников-очевидцев, например, в письме дербентского купца Джафара, в разведывательном донесении майора секретной экспедиции при астраханской губернской канцелярии Мирзыбека Ваганова, русского консула в Сальянах М.Е. Сулякова, в секретном рапорте астраханского губернатора Бекетова и в дру-

гих официальных документах персидского фонда Архива внешней политики России¹.

В секретном рапорте Бекетова сообщается о согласии крупных шемахинских феодалов с шекинским ханом, сведения о котором он получил у Джафара, приехавшего из Шемахи сухим путем. Далее говорится, что Дербентское и Шекинское ханства стягивают войска, чтобы начать между собой войну. В консульском донесении из Сальян от 16 августа 1769 г. говорится о намерении заговорщиков – «Фатали-хана и при нем дербентцев, кубинцев, сальянцев и всех тех, кои состояли в шекинском законе, порубить без остатку, а потом овладеть Шемахою, да и теми местами, кои под властью Фатали-хана»².

Таким образом, готовилось расчленение объединенных земель Северо-Восточного Азербайджана и Дагестана. В этом же донесении сказано, что «всему тому злу начало суннитского закона аджи»³, т.е. что организаторами заговора являлись крупные шемахинские феодалы и часть богатого купечества, которых привлекли к политической борьбе. В том же донесении отмечается, что дербентский правитель старался внимательно наблюдать за Шемахой, чтобы «склонить всех к единодушному спокойствию..., однако все его полезные опыты не произвели желаемого действия и дела дошли до такой крайности, что шемахинцы не только выразили недовольство политикой кубинского хана, но таки покусились приступить к бывшему бунту»⁴.

Хотя со слов консула видно его сочувствие политике дербентско-кубинского хана, называемого «благодетелем», в то время как народные массы характеризуются «злонравными», эти документы все же раскрывают интересные подробности событий и дают возможность их понять. При изучении источников можно заметить, что участие в этом выступлении народных

¹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 131.

² Там же.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. // под ред. проф. В.Г. Гаджиева. С. 54 (Далее РДО). М., 1988.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 257.

масс являлось результатом недовольства социальной, налоговой политикой дербентского хана. Что касается влияния на ход событий религиозно-идеологических разногласий, то они играли лишь третьестепенную роль.

Шекинский Хусейн-хан решил использовать благоприятную обстановку внутри Шемахи и, установив тесный контакт с этими силами, вступил в пределы Шемахи.

Находившиеся в Шемахе дербентско-кубинские войска насчитывали 15 тысяч человек, в том числе 5 тысяч шемахинского войска, «на коих Фатали-хан не полагал доброй надежды»¹. Видимо, недоверие шемахинским вооруженным силам объясняется тем, что Фатали-хан имел сведения о готовящемся заговоре. В секретном донесении Ваганова говорится, что «дербентский хан о сем совете (т.е. о тайном сговоре между шемахинскими феодалами и шекинским ханом) уведомился»². К началу военных действий Фатали-хан для предосторожности оставил в Шемахе пятьсот человек своего войска, а главные силы двинул к месту готовящегося заговора – в Новую Шемаху.

Фатали-хан усмотрел во всем этом действия своих внутренних недоброжелателей и, ожидая решительного сражения, дал приказ выступить своему войску. Шемахинские феодалы, участвовавшие в тайном сговоре, старались склонить Фатали-хана к поспешностям. На самом же деле они желали, что как только Фатали-хан откроет военные действия, напасть на него с тыла. Однако Фатали-хан не согласился с их советами и бездействовал в тот день. Перед началом сражения под покровом ночи Фатали-хан вызвал к себе главных хаджей и Мухаммад Саида под предлогом тайного совещания и арестовал их. К утру дербентско-кубинские войска вблизи Новой Шемахи стремительно напали на вражеские части. Фатали-хан, немедленно атаковал врагов и как только неприятель понял, что Фатали-хан перехит-

¹ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 77.

² Там же.

рил их, решил вступить с ним в мирные переговоры. Не выдержав атаки, шекинский хан решил сдаться Фатали-хану.

После безоговорочной капитуляции шекинского ханства и ликвидации заговора в июле 1769 г. между Кубинским и Шекинским ханствами было заключено новое соглашение. Фатали-хан обязал присягой Хусейн-хана к следующим условиям: первый пункт обязывал, если потребуются вспомогательные военные силы, то Хусейн-хан «во всем том всевозможными силами будет способствовать». Данный пункт соглашения носит характер военного обязательства. Во втором пункте соглашения сказано об обязательстве Шекинского ханства не вмешиваться во внутренние дела Шемахи и воздержаться от «неприятельских набегов, охранять целостность шемахинских границ»¹.

В результате поражения шекинское правительство было вынуждено отказаться от своих притязаний на Новую Шемаху с магалами – Каасаном и Сааданом. Дербентский хан добился успеха в подчинении Шеки не столько силой оружия, сколько умением быстро ориентироваться в сложной политической обстановке, вовремя разгадать замыслы врага и своевременно ликвидировать очаги опасности внутри ханства.

Дербентско-кубинские власти сурово расправились с организаторами и участниками заговора – владельческими шемахинскими беками и крупными купцами, связанными в прошлом с династией серкеров.

«Бывшего хана Шемахи Мухаммад Сеида и двадцать шесть человек хаджей» отправили в Дербент под арест. По этому поводу в секретном рапорте Бекетова в коллегия иностранных дел сказано, что дербентский правитель «призвав к себе шемахинских хаджиев из первостепенных своих людей всех посадя под караул и с некоторых взыскав штраф и пятьдесят знатных управителей и старшин со всем семейством и экипажем выслал из города в Кубу и Дербент»². Упомянутые в рапорте хаджи в основном были из Новой Шемахи, а знатные управители и

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 225.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 93.

старшины, «причастные к заговору», являлись шемахинскими феодалами, владетельными беками, оставленными после присоединения на службе у дербентско-кубинского правителя.

Таким образом, сведения из различных источников о существовании заговора, разгроме последнего и ссылке его участников в основном совпадают. Есть различия лишь только в некоторых деталях, например о количестве высланных шемахинских феодалов и купцов, участвовавших в заговоре или подозреваемых в нем. По сообщению Бекетова, шемахинские владетельные беки, знатные правители и купцы подвергались аресту не накануне дня заговора, а после перемирия. Он также пишет, что, узнав о заговоре, дербентский правитель заключил с шекинским ханом мир. В результате шекинские войска отошли в Шеки, дербентские – в Новую Шемаху, а Бакинские – в Баку. Когда все успокоилось, Фатали-хан призвал к себе шемахинских хаджиев, арестовал их и выслал из города¹.

Сведения Бекетова противоречивы. Упомянутое сражение – итог военно-политического поражения Шекинского ханства. Официальный отказ от Новой Шемахи с прилегающими к ней магалами и обязательство подчиняться интересам Дербентского ханства явились результатом провала ставки шекинского хана. Выступление шемахинцев было предотвращено своевременными мерами дербентско-кубинских властей, в том числе арестом вожаков заговора, располагавших значительной военной силой – пятью тысячами вооруженных человек. Не вызывает сомнения данные русского консула в Сальянах, который в своем донесении пишет, что если бы Фатали-хан не предпринял аресты и заговорщики остались в прежней своей силе, «то неминуемо последовало ужасное междоусобие..., но промысел Всевышнего без всякого кровопролития Фатали-хану поручил трудные следствия решить в краткое время»². По-видимому, в рапорте Бекетова спутаны два факта: время ареста вожаков заговора и

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 260.

² Юзефович П. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 189.

переселение их в Кубу и Дербент. Это вполне возможно, так как он сам не был очевидцем событий, а сведения заимствовал от других лиц, которые могли ошибиться, неправильно записав устные рассказы купца Джафара.

Небезынтересно отметить, что политика репрессий дербентских властей по отношению к внутренним врагам проводилась и в последующий период. Дербентский правитель при взятии городов, по отношению к которым он имел малейшее недоверие, переселял подозрительных лиц в Кубу и Дербент. Третье переселение из Шемахи состоялось летом 1770 г. «При выезде моим из Шемахи, – пишет Гмелин, – Фатали-хан сих аджиев лишил всего достоинства, из города выгнал, как пленных в Дербент и Кубу привел»¹. Такая политика ослабления позиции сил и предупреждения заговоров на время могло упрочить положение Дербентского ханства и его власти.

В результате этой борьбы и подчинения Шемахи на народные массы были наложены большие налоги и поборы. Так, дербентский правитель «взыскивал страхом и побоями» до ста тысяч рублей, ухудшив этим положение шемахинских податных сословий². Эти деньги были выплачены в основном наемному войску. Фатали-хан расплатился, таким образом, за службу с наемным войском и распустил их по месту жительства³.

В июле 1769 г. Новая Шемаха была разрушена, а жители насильственно переселены в Старую Шемаху. В исторических документах имеются сведения о решении переселить из Новой Шемахи в Старую всех жителей.

Разрушение Новой Шемахи и переселение ее жителей в Старую Шемаху произошло после разгрома шемахинских бунтарей и ссылки их в Кубу и Дербент.

Первым объяснить причину разрушения Новой Шемахи дербентско-кубинскими властями попытался Гмелин. Под влиянием рассказов он свел дело к тому, что в Новой Шемахе, яко-

¹ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 99.

² Алиев Ф.М. Указ. соч. С. 103.

³ Там же.

бы, существовали нездоровые климатические условия, ощущался недостаток воды и, наконец, к необходимости обеспечить безопасность жителей¹. Действительно, Новая Шемаха испытывала недостаток в питьевой воде и население пользовалось грязным арыком, что служило причиной разных заболеваний. Однако истинным поводом для разрушения города были другие причины. Дербентские власти опасались восстаний, «от которых из своих подданных бунтовщиков»², поэтому Фатали-хан считал целесообразным поселить жителей Шемахи вместе³. Это соображение Гмелина наиболее близко к истине. В Новой Шемахе, как указывалось, дважды подготавливались тайные антидербентские выступления.

В Шемахе продолжалось социальное угнетение, росли налоги и поборы. Такая политика вызвала большое недовольство широких масс. В одном источнике, датированном 1773 г., сказано, что шемахинские жители уже давно были недовольны проявлением дербентско-кубинских властей и завели сношения с их противниками⁴. По свидетельству Гмелина, шемахинцы были против деспотизма кубинского хана⁵. Такая политика вызывала протест и возмущение, проявлявшиеся в различных формах. В этих условиях часть народных масс, недовольная усилением налогов и другими ограничениями, налагаемыми дербентско-кубинскими властями, поддерживала феодальных владетелей, хотя преследовала иные цели, отличные от задач шемахинских феодалов. Разрушением города и насильственным переселением дербентско-кубинские власти обрекали жителей Шемахи на бедствие. Такой репрессией Фатали-хан стремился вызвать страх у врагов, обеспечить повиновение народных масс и предостеречь их от выступлений.

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 94.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 263.

⁵ Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 97-98.

Кроме того, разрушая Новую Шемаху и переселяя ее жителей в Старую Шемаху, дербентско-кубинские власти, возможно, хотели лишить опоры своих внешних врагов.

Говоря о недовольстве феодалов, направленном против политики объединения земель Дербентско-Кубинского ханства, следует остановиться на двух феодальных группировках, возглавляемых бывшим шемахинским ханом Агаси и упомянутым Абдулла-беком. Агаси, воспользовавшись свободой, представленной ему Фатали-ханом, вместе с группой своих сторонников бежал из Кубы в Карабахское ханство. Под покровительством хана он поселился между Шекинским и Карабахским ханствами, на границе бывшего Шемахинского ханства, в селении Котеван на реке Куре. Место, где обосновался Агаси со своими приверженцами, Бутков называет «Еловле»¹. Такое же название мы находим у майора Аверьяна Сереброва, побывавшего одновременно с П. Бутковым в Азербайджане в составе русских войск в 1796 г. Возможно, Бутков заимствовал это название из указанного описания или наоборот. У Гмелина вместо Елавле пишется «местечко Карабав»². А.А. Бакиханов называет упомянутую резиденцию Агаси укреплением Котеван, расположенным на берегу Куры³. Следует отнестись с доверием к названию, приведенному Бакихановым, так как он прекрасно знал географию и топонимику Азербайджана и Дагестана.

В течение шестнадцати лет Котеван служил местом, откуда феодалы, поддерживаемые правителями Карабаха, Шеки, аварского и других ханов, устраивали набеги на Шемаху и другие земли с целью помешать осуществлению политики объединения земель и возвращения утраченных уделов. Агаси, находившийся в изгнании в местечке Котеван, в популярной исторической литературе без всяких оснований иногда именуется шемахинским ханом.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 253.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 93.

³ Бакиханов А. Указ. соч. С. 132.

Шемахинские серкеры и многие крупные феодалы в борьбе против политики Дербентско-Кубинского ханства опирались на поддержку иностранных держав, в частности, они были связаны с турецкими правителями.

О попытках Агаси вернуть себе шемахинский удел и помешать объединению земель свидетельствуют многие источники¹.

В 1770 г. в поездке из Шемахи в Сальяны, Реши и далее на юг Гмелина сопровождал вооруженный канвой во главе с юзбаши для охраны при разъездах по территории Шемахи и Мугани².

Разбойники «...особливо убежавший слепой нешастного в Дербенте в плену сидящего последнего шемахинского хана Мухаммада Сеида здесь разбивает целые караваны»³. Гмелин отмечает опасность, грозящую путешественникам, и говорит: «Итак, подлежало мне всячески остерегаться»⁴. Набеги Агаси и других феодалов на Шемаху, Мугань, Сальяны продолжались и в последующие годы. Хотя в этой борьбе феодальная верхушка потерпели поражение, однако борьба эта дорого обошлась феодальному объединению ханств.

Между Дербентско-Кубинским и Аварским ханством установилась кровная вражда, продолжавшаяся во второй половине XVIII в. Эта вражда помешала Фатали-хану продолжать свою активную политику, в частности, захватить Карабахское ханство. В 1773 г. в Южном Дагестане сколотился антикубинский феодальный блок. Поводом послужило убийство в Шемахе кубинцами аварского Нуцал-хана и его братьев – Булача и Магомеда Мирзы во время их набега на город. Развязанная феодалами вражда тяжело отразилась на хозяйственной жизни и торговле Шемахи и Сальян. В Сальянах в 1773 г. в период этой борьбы некоторые места опустели.

¹ Бакиханов А. Указ. соч. С. 132; Гаджинский И. Указ. соч. С. 218; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 253; Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 93.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же.

Потерпев поражение, Агаси при поддержке аварцев и других союзников организовал отряды, которые совершали набеги на Мугань и Сальяны. В декабре 1773 г. Гмелин, возвращаясь из Ирана в Россию, проездом побывал в Сальянах. Он свидетельствует, что эта война воспрепятствовала ему продолжать путь. Во время этого путешествия он едва не погиб. С 1 по 24 декабря Гмелин вынужден был оставаться в Сальянах из-за того, что дороги были перекрыты.

«Сообщение сухим путем набегами лезгинцев и маганцев было прекращено»¹. При этом по всей области имели место «многие стычки и грабежи. Местные и русские купцы были разграблены. Более пятьсот кочующих муганских семей убежали в Сальяны. Неприятели Фатали-хана преследовали их и перед Сальянами старались воспрепятствовать их переправе через Куру. «Сие случилось при нас, – писал Гмелин, – так, что мы подвержены были всем опасностям войны... Дома, принадлежащие к Сальянам и стоящие на Северном берегу Куры, разорены, богатые жители живут взаперти»².

Все это ярко свидетельствует о том, какой вред несли феодальные силы объединенной земле Северо-Восточного Азербайджана и насколько положительным явлением была ликвидация этого очага.

Внутри ханства в 1769-1771 гг. Фатали-хану пришлось вести борьбу с другими сторонниками децентрализации – кучкой феодалов, группировавшихся вокруг Абдулла-бека и получивших поддержку извне. Абдулла-бек потребовал от своего брата Фатали-хана раздробить только что объединенные земли на вотчины и разделить управление государством. В сообщении русского консула Гаврилы Боголюбова говорится, что брат Фатали-хана в 1769 г., не имея на то никакого права и основания, потребовал от Фатали-хана «уделы и бежал в горы к усмийцам для возмущения против его горских владельцев»³.

¹ Алиев Ф. Указ. соч. С. 112.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 117.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 267.

Факты о феодальных происках Абдулла-бека описаны в разведывательных донесениях майора Вагапова, который черпал их из сообщений дербентца Ага Киши и армянского купца, жившего в Грузии, Пати Саганова, который в то время торговал в Баку и Дербенте. Все эти данные совпадают с сообщениями русского консула в Энзели Боголюбова и Гмелина. «Родной брат Абдулла-бек, – пишет майор Ваганов, – претендует от него Фатали-хана из всего его достатку, включая в завоеванных им городов Дербента, Ширвана и прочих местечек половинной части»¹. Это требование Абдулла-бека было отвергнуто. Фаталихан заявил, что собранные земли разделить на уделы он не соглашается, так как «означенные города взял он силою оружия... и не уступает он ему брату из тех городов и местечек ни малейшей части»².

Глава феодального объединения Фатали-хан согласился уступить Абдулла-беку лишь незначительную часть земель, называемых «низовыми». Абдулла-бек в борьбе со своим братом, опираясь на помощь сторонников, попытался действовать силой. В то время претендентом на отцовский удел – Новую Шемаху – был шемахинский Манаф-бек, находившийся в Кубе под арестом после феодального заговора 1768 г. Абдулла-бек тайно сговорился с ним о выступлении, но не найдя в Кубе опору, заручился поддержкой уцмия Каракайтагского и кадия Табасаранского. По этому поводу астраханский губернатор Бекетов, пользуясь сведениями своих служащих, писал в коллегии иностранных дел: «Абдулла-бек, взяв с собою из Кубы сына бывшего Шемахинского Аджи Мамед Али-хана с тридцатью человеками выехал в Усмийское владение в местечке Карака (Каракайтаг – Н.М.), сделался братом своим неприятелем, далее сказано, что Абдулла-бек, покинув Фатали-хана, ушел в горы к дагестанским князьям и, угрожая ему силою оружия, полагаясь

¹ Цит по кн. Абдуллаева Г.Б. Указ. соч. С. 267.

² Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 103.

на помощь горских феодалов»¹. Некоторые южно-дагестанские феодалы присоединились к Абдулле-беку. Среди них выделялся старый недруг Кубинского ханства уцмий Каракайтагский. Однако заговор оказался безуспешным. По просьбе кубинских властей союзник и друг Дербентско-Кубинского ханства шамхал Тарковский заставил уцмия не вмешиваться в кубинские дела, а Абдулла-беку велел прибыть к шамхалу для отправления его к Фатали-хану. В противном случае он со своею армиею пойдет на него войною. Абдулла-бек был выдан шамхалу и отправлен в Кубу.

В конце 1769 г. Абдулла-бек вновь был назначен Фатали-ханом правителем Шемахи, однако он недолго удержался на этом посту. Абдулла-бек по своему усмотрению накладывал на жителей большие налоги. Действия его вызывали недовольство у населения. Поэтому его отстранили от занимаемой должности. С. Гмелин, побывавший в это время в Шемахе, пишет: «С Абдуллы-бека чин его снят и отдан Фатали-ханом Бакинскому хану, который его в бытность мою и принял»².

Борьба между сторонниками объединительной политики Дербентско-Кубинского ханства продолжалась и в последующее время. Так, в донесении от 10 августа 1769 г. российского консула М.Н. Сулякова в Государственную коллегию иностранных дел о разгроме группы ширванских феодалов против власти Кубинского ханства говорится: «Что, после овладения Фатали-ханом города Шемахи последовало народное возмущение, ибо Фатали-хан по вступлении в Шемаху всячески старался того наблюдать, чтоб склонить всех к единодушному спокойствию, однако все его полезные опыты не произвели желаемого действия, а пришли дела до такой крайности, что злонравный шемахинский народ недоволен оказался поступком благодетельного хана, но и таки покусился приступить к бывшему бунту приглася к своему единомыслию бывшего шемахинского

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 270.

² Гмелин С. Указ. соч. Ч. 3. С. 97.

Сеит-хана, да шекинского Гусейн-хана и других однозаконцев. А всему тому начало суннитского закона Аджи, причем положили с таким намерением, чтоб Фетали-хан и при нем дербентцев, кубинцев, сальянцев и всех тех, кои состоят в шекинском законе, порубить без остатку, а потом овладеть Шемахой да и теми местами, кои под властью Фатали-хана, для чего Усейн-хан без всякого умедления собрал десять тысяч военного народа и выступил из своих границ в минувшем июне месяце и расположился лагерем в предместье Шемахинском, что Фатали-хан усмотря в его границы вступившего неприятеля, то вменил как причиною тому внутренние его недоброжелатели, однако на все то ожидал решительного сражения, чего для приказал выступить своему войску и стал в виду неприятеля, а в Шемахе для предосторожности определил пятьсот человек кубинского войска. А при нем лагерь состоял в пятнадцати тысячах человек, но в том числе пять тысяч шемахинского войска, на коих Фетали-хан не полагал доброй надежды, кои в самый тот день как Фетали-хан выступил из Шемахи всячески старались недоброжелательством своим склонить к тому, чтоб того дня вступил с неприятелем в военное действие, будто бы тою поспешностью возможное неприятелю привести во изнеможение, а в самом деле, того желали, как Фетали-хан вступить в военное действие, то шемахинскому войску на Фетали-хана напасть с тылу и порубить без остатку. Однако Фетали-хан не приняв от них совета, оставил тот день без всякого действия. Напоследок как покрыла глубокая ночь, то Фатали-хан призвал к себе первенствующих аджей, а потом и бывшего шемахинского Сеит-хана, якобы о предприятии некоторого тайного Совета, как все собрались, то приказал его Сеит-хана с последующими ему арестовать и послать в Шемаху. Потом, как наступил день, то Фатали-хан немедленно неприятеля атаковал и как сверх всякого чаяния неприятель усмотрел, что Фатали-хан гораздо искуснее себя поправил, нежели как он, Усейн-хан, думал, что не в силах стал вступать в баталию с Фатали-ханом. И так принужден был без всякого сопротивления сдаться на произволение Фатали-

хана, который при таком счастливом своем случае того Усейн-хана обязал присягою с таким договором ежели в военное время потребует от него вспомогательного военного народа, то Усейн-хан во всем том всевозможными силами способствовать; в прочее же время от нечаянных неприятельских набегов охранять целость Шемахинских границ. По окончании сего, того бывшего Шемахинского Сеит-хана и с ним двадцать шесть человек армий послал в Дербент под крепкий арест. А если бы Фатали-хан не упредил арестом, остались в прежней своей силе те неблагодетельные люди, то б неминуемо последовало ужасное междоусобное погромысел всевышнего без всякого кровопролития Фетали-хану поручил трудные следствия решить в краткое время.

Посем пользуясь Фатали-хану спокойствием за полезное признал из Новой Шемахи переселить в Старую всех обывателей, чего для определил шесть тысяч человек, как городовые строения в Новой Шемахе, так и обывательские дома разорить, почему все то в краткое время разорено до основания и все обыватели переселены в Старую Шемаху и когда Фатали-хан исполнил желаемое, то многие были тех мыслей, что будучи Фатали-хан огорчен возмущением Шемахинского народа, то неминуемо употребит вместо снисхождения и умеренности совсем отменной от прежнего поступок, но Фатали-хан не так поступил, как думали, но все то предал забвению.

В притом видя всех в крайнем недостатке хлеба, то снисходя к сему бедственному народу приказал раздать собственной своей пшеницы четыре тысячи тагар, в коей считается десять тысяч российских четвертей, а по здешней цене на сто пятьдесят тысяч Рублев и сверх того Фатали-хан поступает с подвластными с крайним великодушием, да и все его обращения отменны от здешний варварских ханов, кои подают добрую надежду к долговременной тишине. А ныне здесь носится слух, что Фатали-хан приказал военнотружущим быть в готовности для произведения некоторого тайного предприятия в действие, почему многие здесь думают, что оно клонится до Мурынского

Ибрагим-хана, а что впредь последует, то о всем Государственной коллегии иностранных дел всепокорнейшее от меня преднесено быть имеет»¹.

Группа владетельных беков, называемых в источниках старшинами, вступив в соглашение со своими людьми, связалась с казикамукским Мухаммад-ханом. Был составлен план выступления, они были выданы и понесли тяжелую кару. Генерал-майор якобы свидетельствует, что глава феодального объединения «всего 12 человек приказал удавить и тем их от того успокоил»².

Сохранилось также донесение российского чиновника А. Филатова кизлярскому коменданту полковнику Штендеру о поражении Фатали-хана в районе Шемахи, где говорится: «Аварскому хану царь Ираклий дал в помощь своих подвластных татар, называемых боргалы казак, а сколько неизвестно, будто сын царский при нем же, между тем аварский хан согласился персицкаго города Шеки с Усейн-ханом и ганшинским ханом за бывшим шемахинским Агаси-ханом (которого выгнал из Шемахи Фатали-хан – А.М.) и все совокупя свои войска пришли нечаянным образом к Шемахе, где тамошние жители без всякого сопротивления город отдали, а Фатали-хан и кумыцкой при нем находящейся владелец Эльдар хотя и были в то время в Шемахе и войска с ними маое число, однако оба с небольшими людьми ушли Фетали-хан в Кубу, а Эльдар в Баку, причем убили союзника Фетали-хана владеющего кочевными народами, называемые шасеин, живущими по ту сторону Шемахи по реке Кур, Аса-хана.

Услышав сие доброжелательные аварскому хану Хайдацкий уцмий, Женгутейской владелец Али-Сайан и Казанышевский Баммат собирают своих людей и хотят ехать к нему, а Фетали-хан прислал нарочно своего человека к Тарковскому и Шемхалу Муртазали с тем, чтоб он сколь можно старался набирать

¹ Цит. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII века. Баку, 1958. С. 163-164.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 106.

войско из горцев и давать платы каждому по тридцати рублей и более, почему шемхал далее в горы, намерен Фетали-хан набрав войско идти противу Аварского хана¹.

Таким образом, Фетали-хан ревностно оберегал политическую власть и свою жизнь. Особую осторожность он проявлял в Шемахе, где у него было много тайных врагов. «Там живет он весьма тихо, – пишет Гмелин, – и иногда не дает знать, что он там находится... Ночью не смеет еще вдруг и огня для того за-свечать, чтобы место его пребывания совсем было неизвестно...»²

Фатали-хан хорошо понимал политический характер заговоров и предательств и их связь с внешними врагами его объединительной политики. Эти внутренние реакционные силы являлись орудием в руках внешних врагов. Правящие круги, владельческие беки и их сторонники не желали мириться с установлением и укреплением единовластия, с ограничением своих прав, отнятием земель. Поэтому они часто выступали против дербентско-кубинского хана и сотрудничали с внешними врагами. Но эти силы шаг за шагом терпели морально-политическое поражение и несли тяжелую кару. Открытые выступления становились все менее возможными. Новые условия, в которых осуществлялись административные и политические репрессии, заставляли реакционных феодалов изменить приемы борьбы. Они временами притихали, стараясь оставаться в тени, однако их тайная деятельность не прекращалась.

Но борьба с этими силами велась непоследовательно и поэтому они не были окончательно сломлены.

Например, крупные шемахинские феодалы во главе с Мухаммад Саидом, выступавшие против объединительной политики Фатали-хана, находились под надзором в Дербенте, затем Махаммад Саиду и его сторонникам разрешили идти, куда они хотят. Фатали-хан имел возможность окончательно ликвидиро-

¹ Абдуллаев Г.Б. Из истории... С. 167.

² Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 92.

вать наиболее опасные группы, которые шли против его политики. Иранское правительство Керим-хана Зеида было недоволио политикой Фетали-хана, в усилении независимости Дербентско-Кубинского ханства.

Итак, в 60-х – начале 70-х годов XVIII в. столетняя борьба между двумя направлениями – силами консолидации и централизации, с одной стороны и децентрализации – с другой, окончилась победой первых. Это было не личной победой Фатали-хана, а победой прогрессивных сил над консервативными, стремившимися сохранить феодальную обособленность. Для того времени эта победа имела положительное значение в процессе объединения прогрессивных сил и поражения антиобъединительных элементов – владетельных беков.

Победа содействовала росту Дербентско-Кубинского ханства, повышению его политического значения и развитию его объективно прогрессивной роли. Но как показывает последующая история, победа эта была непрочной.

Феодальным объединением и внешней политикой Дербентско-Кубинского ханства руководила сплоченная группа феодалов, что имело большое значение для достижения военно-политических успехов.

В руководящую верхушку ханства, которая вела политику собирания земель и придерживалась русской ориентации, входил дербентский Мирза-бек Фархарбеков. Прежде он был правителем Дербента. Мирза-бек дважды был посланником Фатали-хана к русскому двору.

Объединительную политику Дербентско-Кубинского ханства возглавили довольно сильные и сплоченные феодалы, во главе которых стоял дальновидный и энергичный Фатали-хан.

Объединение земель в период феодальной раздробленности, в условиях бесконечных междоусобиц способствовало развитию экономических и культурных связей между отдельными ханствами. Серьезные хозяйственные и культурные достижения невозможны без ликвидации феодальной раздробленности и ханских междоусобиц.

В собирании земель вокруг Дербентско-Кубинского ханства значительную роль играли социальные силы городов, их тяготение к относительно сильному Дербентско-Кубинскому ханству, что отвечало коренным экономическим и политическим интересам городов, потребностям торгово-ремесленных слоев населения и служилых феодалов. Объединение земель не было случайным явлением, оно имело свои общественные силы и политическую направленность.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

Внутри- и внешнеполитическое положение Дербентско-Кубинского ханства во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в. объединенное Дербентско-Кубинское ханство значительно укрепилось в военно-политическом отношении и начало играть важную роль во внутри- и внешнеполитической жизни Восточного Кавказа. Административным и хозяйственно-экономическим центром ханства являлся город Дербент. Исходя из этого, нам представляется более правильным, вопреки утверждениям отдельных азербайджанских исследователей, называть данное ханство Дербентско-Кубинским, а не Кубино-Дербентским или просто Кубинским.

Дербент и его округа имели большое военно-стратегическое и хозяйственно-экономическое значение в системе политических структур Дагестана и ханств Северо-Восточного Азербайджана. Поэтому кубинский правитель Фатали-хан направил свои основные усилия на завоевание и последующее присоединение Дербентского владения к Кубинскому ханству.

В 50-х годах XVIII в. правителем Дербента был Мухаммад Хусейн-хан, чьим правлением были недовольны широкие народные массы города. Это было время произвола чиновников и правителей города, когда городское население страдало от тяжелых поборов и податей. Сложившейся ситуацией умело воспользовался кубинский Фатали-хан, давно вынашивавший план захвата Дербента. Он вступил в тайное сношение с дербентскими беками, которые были недовольны своим владельцем, одаривал и ласкал их до того, что некоторые из них переселились в Кубу, и посредством их-то приобрел он значительное число приверженцев в самом Дербенте, а в 1760 году со-

брал сильное ополчение, двинул к этому городу и при содействии преданных ему дербентцев занял его без выстрела. Мухаммад Хусейн-хан, лишившись владения по воле Фатали-хана, со всем семейством отправился в Баку, где и жил до смерти своей.

Как справедливо заметил П. Бутков, «недоброе расположение к своему хану дербентского народа было важным козырем правителей Кубы, решивших вмешаться в дела Дербентского ханства»¹.

Дагестанские феодалы трезво оценивали значение Дербента, расположенного на стыке Дагестана и Азербайджана, знали о слабости дербентских властей, осведомлены были о тяготении отдельных слоев городского населения к кубинскому правителю. Для них также не было тайной экспансионистские планы кубинского Фатали-хана. Среди дагестанских феодальных владетелей не было единства по отношению к политике Фатали-хана, направленной на расширение своих владений за счет Дербентского ханства.

Фатали-хан, как человек дальновидный и благоразумный, понимал, что вмешательство в дербентские дела может привести к созданию антикубинской коалиции дагестанских правителей и срыву экспансионистских замыслов Кубы. Более того, положение Фатали-хана осложнялось тем, что он находился в состоянии вражды с шемахинским ханом. В этих нелегких условиях кубинский хан старался действовать очень осторожно, не вызывая своей политикой гнева дагестанских владетелей и не давая возможности шемахинскому хану выступить против себя.

Кроме этого, уцмий, кадий и шамхал за услуги свои получили доходы с некоторых деревень Кубинского и Дербентского ханств, а именно: шамхал с 6 деревень, уцмий – одну деревню

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 1. С. 250.

Малакалыль в Дербентском ханстве, кадий – денежное вознаграждение, которыми «пользовались они еще в 1796 году».¹

Желая укрепить свою дружбу с Амир-Гамзой, уцмием Кайтагским, как с соседним владельцем, узами родства, Фатали-хан в 1766 году женился на его сестре, Тути-Бике, которой поручил управление Дербентом, назначив ей в помощь одного из дербентских беков, оказавших ему важные услуги при занятии этого города. Уцмий со своей стороны также отправил почетных лиц к Фатали-хану просить руки сестры его, Хадиже-Бике; но посланные возвратились без успеха, потому что кубинский хан давно имел намерение выдать сестру за бакинского владельца Мелик Магомет-хана. Это обстоятельство дало повод к вражде между этими владельцами, недавно вступившими в родство, от которого Фатали-хан ожидал больших содействий, но которое впоследствии сделалось источником большого несчастья, чуть-чуть не стоившего ему как приобретенного, так и наследственного владения.

В итоге Дербентское ханство было присоединено к Кубинскому, после чего значение объединенного ханства в политической жизни региона возросло. Как отмечает современник, «соединяя две провинции, Кубинскую и Дербентскую, (Фатали-хан – Н.М.) сделался против других в Дагестанской Персии ханом сильным»². Дербент для Фатали-хана в дальнейшем играл роль важной стратегической позиции, опорного пункта против врагов и связующим звеном для расширения экономических и политических связей с Россией. Как позднее отмечал М. Биберштейн, кубинский хан и его преемники «... всегда смот-

instituteofhistory.ru

¹ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 183.

² Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1778. Ч. III. С. 25.

рели на Дербент, как на самое важное владение, он являлся их обычно резиденцией»¹.

В середине 70-х годов XVIII в. политика российского правительства по отношению к объединенному Дербентско-Кубинскому ханству несколько изменилась. Отношения между ними развивались неравномерно, временами возникали противоречия, переходящие в конфликты. Однако дружеская политика с Россией продолжала оставаться главной во внешнеполитическом курсе Фатали-хана.

В 1769 г. турецкие посланцы с фирманом Мустафы III побывали в Дербенте, у дагестанских феодалов шамхала и уцмия, призывая мусульман «всею силою ему султану вспоможение учинить и определить от себя войско при Каспийском море во всех портах»². Турецкие власти пытались спровоцировать так называемую «священную войну» мусульман против России, скрывая истинные цели своей феодально-грабительской политики. В турецком послании на имя дагестанских правителей, перехваченном и доставленном в 1770 г. кизлярскому коменданту полковнику Немигу, говорилось о том, «чтоб они однозаконию с турками в нынешнем военном действии чинили им (туркам – авт.) вспоможение против России поступали военной рукой»³.

В другом документе Коллегии иностранных дел (март 1770 г.) имеется запись следующего характера: «Оттоманская Порта не оставляет употреблять свое приласкание как дагестанских владельцев равно же, так и сдешних окрестностей персидских ханов, дабы преклонены были к ее стороне, к тому же что

¹ Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура / пер. С.Б. Ашурбейли. Баку, 1963. С. 128.

² Джафаров Г.Д. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. Баку, 1984. С. 113.

³ Там же.

те ханы сунни, то одинакой их закон служить к большому крепленю»¹.

По сведениям секретной службы Астраханской губернской канцелярии, турецкий султан обращался со специальным посланием к тарковскому шамхалу, уцмию каракайтагскому, аварскому и казикумухскому ханам, акушинскому кадию и кубинским властям с призывом выступить против России².

Документы того периода говорят, что турецкая дипломатия старалась разными приемами и обещаниями оторвать христианскую Грузию от России.

Так, в донесении 1770 года российского консула М.В. Сулякова в государственную Коллегию иностранных дел об отношении Дербентско-Кубинского ханства к готовящемуся нападению Казикумухского ханства на Восточную Грузию говорится: «Казыкумыцкий владелец Сурхаев сын желает учинить нападение на Грузию, чтобы тем отметить кровь брата своего, который убит принцем Ираклием в нынешнюю с турками и в рассуждении том чтобы здешния ханы не пришли и в единомыслие с Сурхаевым сыном с того письма чрез персидского писца скопировав, ко всем тем ханам, до коих подлежит, свиты моей с толмачем отправил, во-первых к дербентскому Фет Али хану, о намерении российского двора и о сохранении миролюбия и соседской дружбы»³.

Правящие круги Турции особенно стремились привлечь на свою сторону Дербентское ханство, учитывая военные силы и политическое влияние его правителя Фатали-хана. Посланники от султана «с его письмом прибыли к Фатали-хану», чтобы он «имея поблизости к России свои владения старался как морем,

¹ Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов. Баку, 1962. С. 24.

² Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в. Баку, 1958. С. 165.

³ Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в. Баку, 1958. С. 165.

так и сухим путем российское войско внутрь не допускать, а в случае приближения туда русских знать дал ему»¹.

Таким образом, эти планы турецких правящих кругов не оставались тайной для царских властей, которые полагали, что готовятся военные действия для удара в районах Кизляра и Терека, что могло поставить под угрозу Астрахань и южные границы Российской империи. Для выяснения характера отношений дагестанцев и азербайджанцев к призывам Турции из Закавказья в Дагестан был посланно направлен Василий Князев «под предлогом своего дела»². Он установил связи с многочисленными сторонниками России в Закавказье, в частности, в Северо-Восточном Азербайджане собрал ряд тайных сведений и представил их в Коллегию иностранных дел. Князев подтвердил существование турецкого плана о нападении мусульманских феодальных правителей на Кизляр и Грузию. Аналогичные данные содержались в рапорте капитана Языкова на имя главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина³.

Озабоченность и беспокойство российских властей усугублялись дополнительными сообщениями с мест о якобы скором осуществлении турецкого плана нападения на Кизляр при участии дагестанских и азербайджанских правителей.

Губернатор Бекетов писал в Коллегию иностранных дел: «В августе (13 числа 1770 г.) уведомился, что горские владельцы под отзвывы Оттоманской Порты положили намерение учинить нападение на Грузию или на Кизляр»⁴. Губернатор указывал, что «по известию от шемахинского жителя армянина Арютюна Кондратьева уведомился яко Фатали-хан назначил от-

¹ Иванов А.К. Материалы по истории Закавказья. Сведения о Фаталихане Кубинском. 1854. С. 94.

² Иванов А.К. Материалы по истории Закавказья. Сведения о Фаталихане Кубинском. 1854. С. 94.

³ Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 74.

⁴ Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. С. 148.

править султану турчанина Касым Ага ко истребованию обещанной от него ему Фатали-хану денежной суммы»¹.

Далее в рапорте говорилось, что бывший кизлярский комендант полковник Немиг на основании сообщения консула Сулякова дал «знать о происходимых от турецкого через присланных турок, горских владельцев шамхала Тарковского и Акушинского, а также известного к российской стороне доброжелательного Фатали-хана ко учинению ему султану, против России в военном действии».

Все эти действия побудили российское правительство принять некоторые контрмеры. Астраханский губернатор внес предложение о немедленном укомплектовании и вооружении группы ботов для курсирования вдоль западных берегов Каспия. Он рекомендовал сделать это под прикрытием торгового флота, якобы для перевозки товаров «реченного консула Сулякова», а на самом деле использовать это вооружение суда «по нынешним обстоятельствам» для особого назначения².

В этой обстановке необходимо было убедить дагестанских феодалов в том, что война с Турцией и действия русских войск в Грузии против турок не затрагивают интересы ханств. Россия не намерена посягать на их территориальную целостность, а отношения ее с Грузией остаются союзническими.

Однако, как показывает содержание ряда документов по истории русско-турецких войн, высказывающиеся опасения и меры предосторожности, проведенные на Каспии, были не безосновательны. Необходимо отметить, что в основе указанных рапортов и донесений, которые ввели в заблуждение правительственные верхи России, лежали непроверенные слухи и произвольные пристрастные сообщения рассказчиков. Бекетов черпал свои сведения из недостоверных источников, не заслуживающих доверия сообщений.

¹ Там же.

² Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 500.

В 1770 г., когда войска Ираклия II вместе с русскими действовали на турецком фронте, тыл Грузии был открыт. Этим воспользовался казикумухский хан, намеревавшийся «учинить нападение на Грузию». Он собрался «провести намерение в действо», однако убедился, что не в силах это сделать «без помощи других владельцев». Казикумухский хан «всячески старался склонить к своему намерению окрестных, дербентского, шемахинского и карабахского ханов, причем требовал от них вспомогательного войска; но как первый, так и последние в том требовании ему отказали, Фатали-хан напоследок предложил добрый и для него весьма полезный совет, чтоб он от сего намерения держался...»¹. Этот факт подтверждает особое положение Дербентского ханства, игравшего в то время важную роль в Закавказье и использовавшего свое влияние в пользу России.

Консул Суляков пришел к заключению, что в вопросе о Грузии «здешние ханы не пришли в единомыслие с Сурхаевым сыном, то есть упомянутым казыкумыкским ханом». Таким образом, этот план провалился в результате усилий дербентского хана, который исходил как из своих, так и из интересов России.

Царские власти были заинтересованы в сближении и дружбе ханств с Грузией. В 1770 г., когда турецкий султан Мустафа III, обращаясь к ряду мусульманских феодалов, просил сделать «ему вспоможение, обещания при том снабдить их довольным числом деньгами, шамхал и протчие феодалы, по получению писем, тем присланным сказали, что они без Фатали-хана ничего не токмо сделать, но и на письма султанские отвечать не могут, а в чем он Фатали-хан согласиться, по тому они исполнять должны». Этот факт свидетельствует о том, что Дербентско-Кубинское ханство, ориентировавшееся на Россию, было в состоянии удержать на своей стороне и ряд других мусульманских правителей.

В архивных фондах, источниках и исторической литературе сохранилось множество документов, свидетельствующих о

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 164-165.

пророссийской политике и антитурецких настроениях дагестанских владетелей, в том числе Фатали-хана. Хотя многие из этих документов, характеризующих внешнюю политику Дербентского ханства в соответствии с духом эпохи, связаны с личностью и именем Фатали-хана, однако это не снижает их значения, если принять во внимание, что дербентско-кубинский хан был главой государства и выражал его интересы. Кроме того, в этих документах раскрывается отношение народных масс к интересующему нас вопросу.

Многие факты подтверждают готовность широких народных масс перейти в российское подданство и свидетельствуют о большом удовольствии, с которым они встретили сообщение о приходе российского войска.

Сведения о политике правителя Дербентско-Кубинского ханства в период русско-турецкой войны были подытожены в секретном указе Коллегии иностранных дел в феврале 1770 г.: «Хан стараясь всего ненарушимо соблюдать к российской стороне благонамеренность и предать пренебрег учиненное ему от турецкого двора для здешней империи вредное, а для него выгодное предложение и как доньше наблюдал интересы здешнего двора, так и впредь общаться во всяких случаях свое доброжелательство продолжать, что сходствовать будет с дружбою и может служить к угодности здешней империи»¹.

В правящих кругах России стали рассматривать политику Фатали-хана как дружескую. Признавалось, что он оказывает большие заслуги доброжелательства и во время войны Всероссийской империи с Оттоманскою Портою проявляет всякое благодеяние к российской стороне.

Все приведенные официальные свидетельства первоисточников ясно говорят о дружественных добрососедских отношениях объединенного Дербентско-Кубинского ханства с Россией в период первой русско-турецкой войны. Правительство Фатали-хана и в дальнейшем, вопреки стараниям Турции и

¹ Джафаров Г.Д. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. Баку, 1984. С. 110.

Ирана, ориентировалось на Россию. Эта внешнеполитическая тенденция развивалась без отклонений и в последующие 80-е годы XVIII в.

§ 1. Внешняя политика Фатали-хана

На рубеже 70-х годов XVIII в. под властью Дербентско-Кубинского ханства находилась почти половина территории Северного Азербайджана с богатейшими прикаспийскими районами. Фатали-хан решил превратить Шемаху в центр своего государства. По свидетельству источника, Фатали-хан «предпринял намерение подкрепить благонадежностью Шемаху чего ради имеет он со всею своею фамилиею выступать из Дербента и расположиться в Старой Шемахе, а для безопасного пребывания определил для переселения туда подвластных ему дербентских, кубинских и сальянских жителей»¹. Он решил перевести в Старую Шемаху до тысячи домов, из которых уже многие поселились. Хан «не продолжится бытность в Дербенте»², то есть не задержится пребыванием в Дербенте, так как перенесет резиденцию в Шемаху. Было принято решение переселить жителей Новой Шемахи в Старую³. «За полезное признал из Новой Шемахи переселить в Старую всех обывателей, чего определил 6 тыс. человек»⁴.

Намерение сделать Шемаху центром ханства было не случайным. У Фатали-хана, видимо, было в планах возродить былое государство Ширваншахов, установив с ним преемственную связь.

Кроме того, Шемаха имела важное стратегическое значение в борьбе за овладение Шекинским и Карабахским ханствами и для передвижения в Южный Азербайджан. Попытки укреп-

¹ Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С. 234

² Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. С. 214-215.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 312.

⁴ Там же.

питься в Шемахе и превратить ее в столицу были связаны не только с планами образования будущего государства, но и с дальнейшими завоевательными планами феодального государства Фатали-хана.

instituteofhistory.ru

Программа и политические устремления правящих кругов феодального объединения были весьма широки. Его правитель Фатали-хан продолжал проводить наступательную политику с целью расширения территории своего государства. Это находит свое конкретное подтверждение в кратких описаниях П. Буткова¹. Он отмечал, что Фатали-хан, имея сильных феодальных союзников и вассалов, воспользовался слабостью центральной власти Ирана при Керим-хане Зенде: «Собирая каждого дни сверх своего в нужном случае наемное у горцев войско, притеснил ханов, и, наконец, мечтал не только учиниться абсолютным владетелем, как-то по сию сторону реки Куры лежащими провинциями, но и домогался утвердить себя и над всею Персией»².

О завоевательных устремлениях Фатали-хана от границ Грузии до Каспийского моря писал и другой его современник. Кубинскому хану не хотелось оставаться лишь «абсолютным владетелем как-то по сию сторону реки Куры», т.е. Ширвана³, в его планы входило продолжение завоевательной политики на юг через Карабах и Шеки и захватить резиденцию Карабахского ханства.

instituteofhistory.ru

Политика Фатали-хана была завоевательной и направлена была на укрепление шемахинского плацдарма, покорение Карабахского и Шемахинского ханств.

Наряду с этим обширным планом действий, власти Северо-Восточного Азербайджана направляли свою экспедицию и в сторону Южного Дагестана, стремясь обуздать некоторых из

¹ Бутков П.Г. Проект Отчета о персидской экспедиции в виде писем 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 203.

² Бутков П.Г. Проект Отчета о персидской экспедиции в виде писем 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 203.

³ Там же.

его феодалов. Уцмий кайтагский, аварский и казикумухский ханы, дженгутайский владетель и прочие дагестанские феодалы своими нападениями препятствовали его хозяйственно-экономическому развитию. Об этом ясно говорится в «Асари-Дагестан»¹. «Уцмий Амир Халуа и его союзники своими набегами сковывали силы Дербентского ханства, заставляя его оборонять Кубу и Дербент: иногда Фатали-хан не посмел шагу сделать из Дербента, дабы с тыла уцмий на него с войском своим нападал»². Шамхал Тарковский в письме российскому правительству рассказывал о грабительском налете на города Северо-Восточного Азербайджана: «Ума-хан аварский и бек Али-Султан со всеми горскими войсками вступили в Шеки.... грабят и разоряют Шабран, Дербент, Баку, Сальяны, Шемаху и их окрестности до моего владения»³.

В этих условиях дербентско-кубинские власти принимали меры для того, чтобы обезопасить тыл объединенного ханства, Кубу и Дербент от вторжения со стороны южнодагестанских феодалов. Для того чтобы иметь в Южном Дагестане, наряду с Тарками и Буйнаком, еще одну опору для дальнейших активных действий, глава объединенного ханства, вступив в союз с шамхалом, решил низложить казикумухского хана Эльдар-бека «над всем казыкумухским народом. Через него и Фатали-хану более в Персии можно было усилиться»⁴. Эльдар-хан был племянником казикумухского Мухаммад-хана, отважным и способным военачальником, приверженцем Дербентского ханства. В то время он являлся правителем Шемахи. Намеченный план переворота был связан и с другими политическими соображениями дербентско-кубинских властей. Фатали-хан и его союзники шамхал Тарковский и буйнакские феодалы согла-

¹ Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 93.

² Материалы для новой истории Кавказа о Фатали-хане // Газ. «Кавказ». 1854. № 94.

³ Материалы для новой истории Кавказа о Фатали-хане // Газ. «Кавказ». 1854. № 94.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 515.

сились идти с войском против уцмия и изгнать его из Каракай-тага¹.

Покорение одного ханства за другим должно было осуществляться в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Правящие круги пытались сокрушить противников излюбленным методом феодалов – расколоть их. Фатали-хан обратился к карабахскому Ибрагим-хану и картли-кахетинскому царю Ираклию II с предложением выступить совместно против Шекинского ханства, чтобы он, собрав своих военных, приступил бы со всех сторон к Шеки².

В основе внешнеполитического курса правящих феодальных кругов государств Северо-Восточного Азербайджана лежали субъективные цели, политика носила завоевательный характер: овладеть новыми территориями, населенными податным населением, присваивать больше дохода, достигнуть еще большей политической власти. Вместе с тем нельзя не видеть объективных последствий осуществления этой политики. Успехи ее, то есть покорение и подчинение ханств единственному политическому центру создали бы реальные предпосылки для образования единого государства. Эта политика поэтому не могла не отражать и общенациональных интересов того времени, не влиять на консолидацию сил народа.

Таким образом, внешняя политика правящих кругов Северо-Восточного Азербайджана, во главе которого стоял крупный государственный деятель Фатали-хан, наряду с субъективной, имела и объективное значение, которое нельзя игнорировать. Успешное осуществление политического курса привело бы к новому положительному шагу в истории Дагестана.

Быстрый рост сил Дербентско-Кубинского ханства, объединение под его властью прикаспийских территорий и его активная наступательная политика встревожили феодальных владетелей как Дагестана, так и Азербайджана. Особенно были

¹ Левиатов В. Очерки истории Азербайджана XVIII в. Баку, 1948. С. 74.

² Там же

обеспокоены владельцы Карабахского, Шекинского ханств и Южного Дагестана, земли которых непосредственно соприкасались с границами объединенного Северо-Восточного Азербайджана. Создалось два феодальных блока: в один из них вошли силы Шекинского и Карабахского ханств, а затем и бывший изгнанный шемахинский хан. Другой – антикубинский блок сложился в Южном Дагестане. Прежние союзники Фатали-хана в борьбе за овладение Дербентом стали теперь его врагами. Против Фатали-хана Дербентского объединились силы уцмий каракайтагского Амир Гамзы, Мухаммад-хана казикумухского, аварского ханов Нуцала и Ума, табасаранского Рустама, Алисултана джангутайского, Тишиз Мухаммада, а также войска тавлинских владельцев и костековского Хамзы Салишова. На их стороне также были «со своими людьми» Али Султан Казыкалыпов и прочие¹.

Это объединение в союзы происходило постоянно. Против государства Северо-Восточного Азербайджана выступили и горские владельцы.

Объединительной политике Фатали-хана препятствовали экспансионистские устремления Ираклия II, претендовавшего на главенство в Закавказье. Он был далеко не безразличен к создавшейся военно-политической обстановке, прежние дружеские отношения с Фатали-ханом сменились враждебностью и недоверием.

Вмешательство кахетинско-картлинского царя, который выступил на стороне Карабахского и Шемахинского ханств, враждебное отношение южно-дагестанских феодалов к Северо-Восточному Азербайджану и возможный их контакт сильно повлияли на течение и исход событий.

Следует отметить, что наступательная политика Фатали-хана напугала и гилянского хана, подвластного Ирану. Гилян-

¹ Бакиханов А. Указ. соч. С. 132-134.

ский хан «имеет в своих местах от него опасность, дабы Фатали-хан не выступал военной рукою в рященские провинции»¹.

Внутри Северо-Восточного Азербайджана выступила против объединительной политики группа крупных владетельных беков во главе с братом самого Фатали-хана – Абдулла-беком, которая преследовала свои узкофеодальные цели. Хотя Абдулла-бек умер, а феодалы покорились силе, внутри Шемахи был подавлен заговор феодальных владетелей, тем не менее, сторонники восстановления династии Сериров не были уничтожены; они продолжали оставаться потенциальными противниками и представляли угрозу Северо-Восточному Азербайджану. Эти силы внутри бывшего Шемахинского ханства стали оживать в связи с активизацией внешних врагов. Агаси, которому покровительствовал карабахский хан, в ожидании возвращения утраченной власти в 1771 г. писал русскому двору. Он жаловался на Фатали-хана, на свое изгнание, на то, что брат его Мухаммад-Саид заключен в дербентскую тюрьму².

Положение правительства Фатали-хана осложнялось участившимися противоречиями среди подданных сословий, а также выступлениями феодалов в Шемахе.

Владетельные шемахинские беки поддерживали и разжигали недовольство в самой Шемахе. Борьба с этими волнениями и заговорами отнимала у властей немало времени и сил. Правящие круги Дербентско-Кубинского ханства прежде разбивали противников по одиночке, однако теперь они оказались перед лицом сильной враждебной коалиции. В этих условиях правительству Фатали-хана пришлось на время занять оборонительную позицию, чтобы отстоять территориальную целостность только что собранных воедино земель.

Консул Боголюбов, находившийся в центре событий, утверждал, что Дербентско-Кубинское ханство перед объединенными силами противников «остается равно в молчаливо-

¹ Юдин Н.П. Указ. соч. С. 217.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 518.

сти»¹. Это положение обрисовано и в письме друга и соратника Фатали-хана шамхала Тарковского российскому правительству: «как время теперь беспокойное» и в здешнем крае происходят восстания, «окрестные владетели стремятся сделать зло Фатали-хану»².

Правительство Фатали-хана в сентябре 1771 г. обратилось за поддержкой к русскому консулу и просило его удержать карабахского хана от союза с шемахинским, чтобы он «отменил военные действия» против Дербентско-Кубинского ханства³. Консул Боголюбов еще до этого пытался удержать картликахетинского царя от вмешательства во внутреннюю борьбу Дербентско-Кубинского ханства. 28 мая 1770 г. он просил Коллегию иностранных дел внушить Ираклию II, чтобы он «более вражды и раздоров, а того менее искал вмешательства в оные декретною помощью», далее Боголюбов просил предложить царю не посягать «к собственному его владению хана дербентского»⁴. Консул в своих предложениях исходил также из соображения о том, что Дербентско-Кубинское ханство является дружеским для России государством, оказывает искреннюю и большую поддержку русской торговле, через его территорию проходят военные, караванные и морские пути из России на Восток.

Поэтому Боголюбов был на стороне Фатали-хана и стремился не допустить падения его власти, этого не желал понять царь Ираклий II.

В конце 1773 г. объединенные силы противника – шекинского, аварского и карабахского ханов и других феодальных владетелей – выступили против правителя Фатали-хана. Интересен тот факт, что аварский хан, постоянно беспокоивший грузин, получил у царя Ираклия поддержку, когда выступил про-

¹ Там же. С. 97.

² Там же.

³ Очерки истории Азербайджана. Баку, 1968. С. 124.

⁴ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 97.

тив политики усиления и расширения сферы влияния государства Северо-Восточного Азербайджана.

В начале следующего года борьба возобновилась вновь с участием свежих сил противников. Основную ударную силу антидербентского блока составляли многочисленные воинствующие силы Аварского ханства. Однако и на этот раз союзники не имели успеха. Одна из причин вражды состояла в том, что аварским и каракайтагским феодалам не по душе было усиление власти Дербентско-Кубинского ханства, ставшего для них барьером, через который трудно было проникнуть в Шемаху, Мугань и в другие богатые Прикаспийские районы Азербайджана. В то же время аварцы были озабочены экспансионистской политикой Фатали-хана в отношении упомянутых дагестанских феодалов – Табасарана, Казикумуха, Каракайтага и пр.

На Гавдушанском сражении (июль 1774 г.) мы остановимся вкратце, поскольку оно более или менее освещено в монографических работах азербайджанских и дагестанских ученых, в том числе и в предыдущих работах автора данного исследования. Когда силы Дербентско-Кубинского ханства оказались скованными обороной Шемахи, этим воспользовался второй блок южно-дагестанских феодалов во главе с уцмием каракайтагским Амир-Хамзой, выступившим в тылу¹. В июле 1774 г. объединенные вооруженные силы феодальных правителей, каракайтагского уцмий Амир-Хамзы, казикумыкского Мухаммад-Хана, аварского Ума-хана, отрядов табасаранского кадия Рустама Али-Султана, джангутайского Тишиз Мухаммада устремились на Кубу. На стороне коалиции действовали костековские, андреевские и прочие владетели². Организатором похода был давний враг Фатали-хана уцмий Амир-Хамза.

Неподалеку от нынешнего Худата на Гавдушанской равнине завязалась кровопролитная и продолжительная битва. «Счастье, – писал А.-К. Бакиханов, – клонилось сначала в сто-

¹ Алкадари Г.Э. Указ. соч. С. 90-91.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 523.

рону Фет-Али-хана, но Али-бек, храбрый сын усмия, так быстро ударил по центр неприятельских войск, что победа присоединилась к его мужеству. С обеих сторон потеря была чувствительная, Магоммед-Тишсиз Эльдар-бек казикумухский и Шейх-Али-бек майсум легли на поле битвы; пораженный Фет-Али-хан удалился в Сальян»¹, бросив Кубу, которой овладев Магоммед-хан Казикумухский «начал там осуществлять ханскую власть».²

Дагестанские феодалы, поддерживая друг друга, наступали так успешно, что кубинцы не успевали собирать свежие силы для отпора, тем более, что их верные союзники – шамхал Тарковский и Бамат Буйнакский были прикованы к Таркам и Буйнаку.

Официальным поводом похода на Кубу была кровная месть за убийство аварского хана и предшествовавшая этому гибель двух его сыновей. На самом же деле причиной были упомянутые выше феодальные противоречия, а также стремление овладеть Дербентом и воспользоваться выгодами, связанными с этим захватом. На Гавдушане войска Фатали-хана потерпели поражение. Это было подготовлено предшествующими наступлениями его противников на Шемаху.

Таким образом, феодалам удалось на время расчленив собранные вокруг единого политического центра земли Северо-Восточного Азербайджана и прервать нити, связывавшие те территории, которые предполагалось в будущем превратить в ядро Дербентско-Кубинского ханства. О своем поражении на Гавдушанской равнине Фатали-хан писал в 1775 г. в послании Российскому государству: «уцмий каракайтагский с единомышленниками и сообщниками своими, соединяясь и согласясь учиня на меня нападение и по власти всемогущего Господа... разбив, оставили во владении у меня только город Дербент,

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 133.

² Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. Баку, 1958. С. 74.

Сальяны и Муган, а Кубы, Куягана, Ширван и всех принадлежащих к ним уездов по самую Куру лишили и некоторые из них места сами обладали и прочие достались во владение другим»¹.

Знакомство с состоянием борющихся сил и анализ конкретной обстановки показывают, что последствия поражения были тяжелыми, но положение не было безвыходным. В этот критический период политической истории Дербентско-Кубинского ханства и его правящихся кругов оставалось два выхода: собрать внутренние силы для изгнания захватчиков и обратиться к дружелюбной России. С просьбой о помощи для восстановления прежнего положения правящие круги Дербентско-Кубинского ханства обратились к Российской империи. Не рассчитывая на успех борьбы с помощью одних только внутренних сил, они решили воспользоваться еще и внешними средствами, то есть помощью России. «Фет-Али-Хан, – писал С. Броневский, – будучи утесненным от горских народов... прибегнул под защиту и покровительство российское»². Шамхал Тарковский, обращаясь к царскому правительству, просил оказать помощь Фатали-хану. «Фатали-хана разбили, более он теперь надеяться не может как на Россию»³. Шамхал считал, что такую поддержку оказать следует, поскольку Фатали-хан – близкий друг России. Таким образом, к середине 70-х годов феодалы временно одержали верх над силами феодального объединения Северо-Восточного Кавказа. В объединительной политике ханства наступил кризис.

В свою очередь 17 апреля 1770 г. уцмий каракайтагский Амир-Гамза и кадий табасаранский Рустам выразили обязательство перед российским правительством о нормализации их взаимоотношений с Фатали-ханом и оказали содействие русским подданным. Во время сборов в апреле 1776 г. в селении Дарваг

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 19.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 333.

³ Там же.

от дагестанских владетелей – майсума Табасарана и уцмия Кайтага – были приняты обязательства перед Россией о нормализации отношений с Фатали-ханом Дербентско-Кубинским. «Мы, нижеподписавшиеся дагестанские владельцы кайтагский уцмий Амир-Гамза и табасаранский кадий Рустам, обязуемся исполнить нижеследующее:

1-е. Дербентского и кубинского хана оставить спокойно означенными ему подлежащими владениями владеть и никакой обиды его подданным, равно и ему, не чинить, в торгах между его и нашими людьми никакого вмешательства и грабежа не делать, а напротив того, показывать каждому всякое вспоможение. А если кто из наших подвластных в том окажется преступительным, то обиженному делать подлежащее удовольствие.

2-е. Равно и ему, Фатали-хану, приезжающим в Дербент и в прочие его владения жительство нашим подданным таким же образом поступить, в неподлежащие ему места отнюдь не вступаться, а оставаться ему так, как и прежде был, пользоваться своей долей.

3-е. Российско-подданным, равно как и прочим христианского закона людям, как торговым, так и проезжающим для других через границы наши, так же никакого грабительства и захвата не делать, и кроме подлежащего по прежним установлениям не брать, но впредь упреждение, чтоб чего иногда им от подвластных учинено не было, должны их препровождать.

А если в чем против сего и против той, прежде отданной, нашей присяги окажемся неисполнительными и какие произойдут от нас, нижеподписавшихся непорядки, касающиеся для российско-подданных или дербентскому хану и его подвластным, то подвержены неминуемому гневу Е.И.В. и за то достойному наказанию, в чем и подписуемся».¹

Итак, достигнутое соглашение должно было обеспечить спокойствие на Восточном Кавказе, благоприятствовать разви-

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев и др. М., 1988. С. 159.

тию торгово-экономических связей Дагестана с владениями Азербайджана и способствовать расширению русской торговли с Кавказом и странами Ближнего Востока. Однако следует отметить, что в тех конкретных исторических условиях одним соглашением не могло быть достигнуто примирение, слишком уж сильны были противоречия между владельцами Восточного Кавказа¹.

instituteofhistory.ru

Все это понимало и кавказское командование. В рапорте участника переговоров премьер-майора Фромгольда говорилось, что «желаемого здесь спокойствия никогда быть не может, ибо уцмий и кадий, хотя и дали свою подписку в том, чтоб хану (Фатали-хану – авт.) ничего не делать, однако сие показывают они по одной наружности, зная что российское войско здесь долго быть не может, а внутренне пылают к нему злобою, так что, если отсюда выступить, то не упустят ни малого времени возобновят на него свое гонение, хан же напротив того, подражая своему честолюбию и гордости, не только желает быть спокойным, но еще мысли его клонятся, чтоб покорить, как выше сказано, всех своих неприятелей под свою власть».²

Дагестанские феодальные владельцы в зависимости от обстановки признавали себя вассалом того или иного государства. В это время убедившись, что положение России на Кавказе более прочное, чем у других держав, они старались заручиться ее поддержкой, проводя более осторожную внешнюю политику с учетом интересов России.

instituteofhistory.ru

Враждебные Фатали-хану дагестанские правители стали ориентироваться на российские власти на Северном Кавказе. И стараясь показать свое предрасположение, Рустам-кадий и уцмий Амир-Гамза отправили кизлярскому коменданту И.И. Штендеру от 5 мая 1776 г. письмо, в котором говорилось об их стремлении к мирным взаимоотношениям с Фатали-ханом.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 146.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Д.278. Л. 578-582; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 160-162.

«Уцмий и кадий табасаранский, – говорится в письме, – по велению ее императорского величества согласились о примирении с Фатали-ханом, но только он, Фатали-хан, на то не соглашается и с нами не мирится... Мы (уцмий и кадий – авт.) всегда повелениям вашим повиноваться должны и с приказания вашего находящемуся в Дербенте на все ево повеления послушным состоим, но он, Фатали-хан к миру с нами не соглашается. А мы в ево города подвластные, т.е. Дербент, Кубу, Мушкур и Шабран, не вступаемся, также и он, Фатали-хана наши владения не вступался б. В протчем повелении Е.И.В. послушным быть должны».¹

Пророссийская ориентация некоторых феодальных владельцев Дагестана, в частности, шамхала Тарковского, Фатали-хана, правителей Табасарана и других сильно встревожило турецкие и персидские правящие круги. Турецкое правительство предъявило России ряд запросов, касаясь которых Екатерина II писала российскому послу в Константинополе Репнину: «Удивительно, весьма, сделанное турецким министром, неужели событие, имеющее место так далеко от Турции, может турок интересовать».² Императрица в своем письме пообещала, что Россия не будет тревожить Турцию вмешательством в дела на Кавказе.

Весной 1776 г. российский гарнизон был выведен из Дербента в Кизляр. Одной из основных причин этого действия являлись неоднократные протесты Турции и Персии. В рескрипте генералу де-Медему в декабре 1775 г. Екатерина II подчеркивала необходимость воздержаться от конфликта с Турцией. Подобные же соображения имелись у российского правительства и в отношении Персии. России было крайне невыгодно обострять отношения с Персией, через которую шла торговля Российской империи со странами Востока. Не случайно Екатерина II во многих письмах подчеркивала, что Кубин-

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 163.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 584.

ское ханство является подвластным Персии. Не случайно также поход русских войск в Южный Дагестан императрица во многих документах объясняла как самовольные действия де-Медема, а в других – как карательную экспедицию, направленную на укрепление престижа России.

Однако подобного рода заявления были лишь прикрытием истинных целей России, которая хотя и не приняла Кубинское ханство в свое подданство и вывела военный гарнизон из Дербента, но оказала огромную помощь своим сторонникам на Кавказе, укрепив здесь свои позиции.¹

Сложившаяся неблагоприятная обстановка в районе, где проходили важные торговые пути, ведущие в восточные страны, и ослабление позиции феодальных владетелей Дагестана после гавдушанского поражения, ориентировавшихся на Россию, сильно беспокоило российское правительство. Российские власти хорошо понимали, что усиление противников России на Кавказе, помехи русской торговле, набеги на российские заставы были связаны с политикой, проводимой правящими кругами Турции.

Итак, появление российских войск в Южнодагестанском регионе было вызвано рядом причин: стремлением установить спокойствие и безопасность у границ Российского государства, расширить сферу его политического влияния, обеспечить возможность увеличения российской торговли с восточными рынками, укрепить положение феодальных владетелей, ориентировавшихся на Россию, и, наконец, восстановить в полной мере престиж России наказанием уцмия Кайтага и его сообщников за ограбление и задержание профессора и академика Санкт-Петербургской академии наук С.Г. Гмелина.²

Внутренняя борьба в Дагестане в 60-х – 70-х годах XVIII в. показала, что междоусобицы здесь не были личным делом дагестанских правителей. Занимая выгодное геополитическое

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 86.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 143.

положение, Дагестан всегда был в центре внимания интересов великих держав – России, Турции и Ирана, которые, если до сих пор старались открыто не вмешиваться в дагестанские дела, боясь реакции соседних государств, ограничиваясь посылкой подарков и денег своим сторонникам, то теперь лидирующее положение в данном регионе занимала Россия, которая оказывала не только политическую, но и военную помощь своим сторонникам.

Следует отметить, что Россия очень внимательно относилась к обращениям горских владетелей, дарила им подарки, посылала царское жалованье, обещала помощь и поддержку в случае нападения на них. В то же время она стремилась создать себе опорные базы в Каспийском регионе, чтобы с их помощью расширить сферу своего влияния на Прикаспийские страны.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

§ 2. Внешняя политика Ирана и Турции на фоне усиления политической роли России на Восточном Кавказе в 80-х гг. XVIII – нач. XIX в.

В XVIII в. Кавказ стал одним из важнейших объектов для научных исследований и комплексных экспедиций Российской академии наук в изучении природных и естественных богатств края. Кавказ посетили С. Гмелин, академик Г.А. Гильденштедт, Рейнекс, М. фон Биберштейн. Руководимая почетным членом Академии наук графом А.А. Мусиным-Пушкиным «грузинская горная экспедиция» в 1799 г. приступила к изучению горных богатств Закавказья. С. Гмелин и М. Биберштейн побывали и на Восточном Кавказе. В середине восемнадцатого столетия дважды побывал проездом медик и натуралист И. Лерх. Ученые собирали сведения о хозяйственно-экономическом, топографическом и политическом положении страны. Интерес к Кавказу, как к сырьевой базе для русской промышленности, все более развивался в связи с возросшими к нему политическими и экономическими интересами.

Среди ученых и путешественников видное место занимал действительный член Российской академии наук, профессор естествознания С.Г. Гмелин. К сбору сведений Гмелиным с подозрением отнесся Фатали-хан, который не раз принимал Гмелина как посланника дружелюбной страны. При встрече с Гмелиным в Шемахе (1770 г.) Фатали-хан намекнул, что истинные цели экспедиции ему ясны, что «собираение трав основано на сущем обмане» и служит лишь прикрытием для сбора политических сведений¹. Но исходя из дружеских отношения с Россией, «до сего времени не делал он мне никакого препятствия, – писал Гмелин, – да и впредь так же делать не будет, для того и представлял он мне безопасный конвой до Саян... Фатали-хан... действительно помогал в моем путешествии... Между тем я старался убедительными доводами отвести его от ложного

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 108-109.

мнения, но изо всего ясно заметил, что он при нем остался»¹. В отдельных случаях путешествие Гмелина связывали с предполагавшимся походом русских войск в Дагестан и Азербайджан.

instituteofhistory.ru

В сентябре 1770 г. распространился слух о том, что вслед за экспедицией Гмелина появится русское войско для покорения Персии во власть России². В это же время Коллегия иностранных дел требовала от астраханского губернатора дать очные сведения о расстоянии от Кизляра до городов Дербента, Баку и Решта по берегам Каспийского моря, о силе и состоянии ханства. Профессор Паллас, изучавший материалы второго путешествия Гмелина, отметил, что порой автор писал о фактах, не имевших места.

Однако все это не может снизить научное значение деятельности экспедиции Гмелина. Мы считаем излишним приводить примеры, характеризующие научность и достоверность собранных им исторических сведений, хотя многие из них противоречивы. Однако их так много, они так яркие, разнообразны и ценны, что мы широко пользуемся ими и отдаем должное их собирателю. При сравнении эти сведения в основном совпадают с данными других историков.

instituteofhistory.ru

Сбор материалов его экспедиции, которые так ценны для разработки истории Дагестана, в силу того, что Гмелин умер в Каракайтаге, находясь в плену у уцмий, остался не завершенным. «Во владении усмия ожидала меня горькая и жестокая участь», – отмечено в дневнике Гмелина. Вся экспедиция Гмелина была взята в плен³. Русское командование, видя, что меры политического воздействия не помогают, 1 марта 1775 г. снарядило экспедицию в Дагестан, якобы для наказания уцмий за смерть С.Г. Гмелина.

¹ Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 108-109.

² Броневский С. Указ. соч. С. 127.

³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 528.

В действительности царское командование, направляя войска, стремилось расширить сферу российского политического влияния, укрепить пошатнувшееся положение ориентирующихся на Россию местных феодалов и восстановить свой престиж наказанием уцмий. Чтоб не осложнять взаимоотношения с горскими народами, русское правительство указало командованию направленных в Дагестан войск делать все, чтобы не возбуждать горцев против русских, выделило 5 тыс. руб. «для приласкания и нужных разведований в народах горских»¹.

4 марта 1775 г. к переправившимся через Терек русским войскам присоединился отряд шамхала Тарковского Муртузали. В местечке Иран-Хараб недалеко от Дербента они нанесли поражение уцмию. Дербент был освобожден. Фатали-хан отправил императрице Екатерине II ключи от Дербента и просил принять его под покровительство России.

Шамхальские войска вместе с буйнакцами, койсубулинцами и акушинцами еще до прихода русских дважды пытались прорвать кольцо окружения, оказать помощь осажденным со всех сторон дербентцам. Об этом свидетельствуют современники, майоры русской службы Фромгольд и А. Черкасский, находившиеся в Тарках в январе 1775 г.² Когда войска союзников Кубы двигались в сторону Дербента, неприятели преградили им путь «в урочище Бугоме охватили дорогу, где с ним немало имело сражений»³. Хотя им не удалось пробиться в Дербент, они оттянули на себя значительные силы противника и тем самым облегчили положение осажденного Дербента.

10 мая 1775 г. часть русских войск, к которой присоединились дербентцы, двинулась во главе с майором Криднером из Иран-Хараба в Каракайтаг и Табасаран, а остальные войска под предводительством генерала де-Медема с отрядом шамхала пошли в другие районы Южного Дагестана.

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 528.

² Там же. С. 539.

³ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 138.

А. Бакиханов отмечает, что неприятель «... ниже Башлы напал на русский отряд, будучи уверенным, что своей кавалерией без затруднения сломает ряды пехоты, которую в первый раз видел перед собой; но действием артиллерии был опрокинут с величайшим уроном и обратился в бегство.

Войска майора Криднера, состоявшие из 1411 солдат и офицеров с 6-ю артиллерийскими орудиями, разбив уцмия и его союзника казикумухского Магомет-хана, вступили в Табасаран по дороге, «идущей через кадиеву деревню Зиль к деревне Ерсии». Табасаранцы уклонились от боя и укрылись «в крепкие места гор». Криднер, не рассчитав своих сил, зашел слишком далеко в глубь Табасарана с недостаточным числом войск, потерял в стычках с табасаранцами «штандарт, знамя и барабан». Криднер не был поддержан и кадием Табасарана и ему пришлось возвратиться в Дербент, а потерянные им регалии царского отряда были выкуплены де-Медемом за 170 рублей¹. Как отмечал А.-К. Бакиханов, табасаранцы, «надеясь на свое крепкое местоположение, вздумали защищаться, но после кратковременного сопротивления были рассеяны и явились с покорностью к Фет-Али-хану»².

Причиной поражения табасаранцев, как и других народов Южного Дагестана, несмотря на победу над майором Криднером в верхнем Табасаране, было то, что силы кадия табасаранского и уцмия кайтагского были истощены в многочисленных сражениях с русскими войсками и отрядами Фатали-хана. Однако кадий Табасарана и уцмий Кайтагский, прежде чем покориться воле российского правительства, выставили свои требования – «дабы он (Фатали-хан) не в Дербенте, а в Кубе, в его принадлежащем месте был, ему тогда и аманатов дать в состоянии и быть верными во всем удовольствии сделают»³.

¹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 24 об – 25.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 134.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 447.

В рапорте Екатерине II де-Медем, сообщая об этом, просил указаний как ему быть. Уцмий и табасаранский кадий объявили, писал он в Петербург, что «.... имеют неудовольствие на Дербентского Фатали-хана в имеющей у них между собой вражде»¹ и хотят Дербент отторгнуть от Кубы.

Однако российское правительство решительно воспротивилось передаче Дербента врагам Кубинского ханства. В рескрипте Екатерины II де-Медему от 5 октября 1775 г. предписывалось «уцмию, словесно, чтобы он город Дербент оставил без всякого на него неприятельского покушения и в спокойном владении своего хана», иначе будут приняты «потребные меры к воздержанию его своевольного в нашем соседстве распространения»². В том же рескрипте Екатерина II указывала: «Никогда его, Фатали-хана, не огорчите»³. Она же писала, что занятие Дербента русскими войсками и изгнание из него Фатали-хана «... для нашей пользы несходственно»⁴.

При этом Екатерина II исходила из политических и торговых интересов Российского государства. Кавказское командование, руководствуясь указаниями императрицы, приостановило военные действия. Но одно дало знать уцмию, что Дербент ни в коем случае ему передан не будет, потребовало, чтобы уцмий и кадий отказались от своих замыслов в отношении Дербента. Одновременно правительство поручило майору Криднеру примирить Фатали-хана с владельцами Кайтага, Табасарана, Казикумуха и т.д. После этого уцмий Кайтага Амир Гамза и Рустам-кади табасаранский «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов»⁵.

По просьбе Фатали-хана в помощь ему, а также для обеспечения интересов России на Восточном Кавказе, в Дербенте

¹ Козубский Е.И. Указ. соч. С. 101.

² Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 139.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 84; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 144.

⁴ Там же.

⁵ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 103.

был оставлен гарнизон в 500 человек, основные же силы русских войск были возвращены в Кизляр.

Таким образом, с помощью России Фатали-хан восстановил свое пошатнувшееся положение и усилил свое влияние на Восточном Кавказе.

Возвышение Фатали-хана и наличие русского гарнизона в Дербенте сильно встревожили правящие круги Турции и Ирана. Оттоманская Порта и шахская Персия потребовали вывода русских войск из Дербента. Русское правительство не пожелало осложнять взаимоотношений с Турцией, с которой, по словам Екатерины II, «мир восстановлен и многие с ней дела еще совершенно не оконченными остаются»¹. Весной 1776 г. русские войска были выведены из Дербента. Вместе с тем Россия, желая закрыть путь для иностранного вмешательства в дела Северо-Восточного Кавказа, стала добиваться примирения владельцев Дагестана с Фатали-ханом, организовав встречи вместе с ними: первый раз 24 марта, второй – в середине апреля 1776 г.²

Российское правительство стремилось на этих сборах установить нормальные взаимоотношения между Кубинским ханством, с одной стороны, уцмием каракайтагским и его союзниками – с другой, выдвинуть своего кандидата на правление Южным Табасараном (майсумством), достигнуть договоренности о возвращении России имущества и материалов экспедиции Российской академии наук и создать оптимальные условия для русской торговли³.

В этих сборах особую дискуссию между южно-дагестанскими владельцами вызвал вопрос о претендентах на правление майсумством Табасарана. Незадолго до сборов дагестанских феодальных владельцев власть в майсумстве Табасарана при помощи кадия Табасаранского и уцмия Кайтага захватил их ставленник Али Кули Саил-оглы, убивший майсума Навруз-бека и двух его сыновей, тесно связанных с Кубинским

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 145.

² Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 140.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 87.

ханством¹. Фатали-хан требовал изгнания узурпатора, стремясь передать Южный Табасаран в управление Магомед Гусейн-беку, сыну бывшего майсума Шейх-Али-бека, которое впоследствии наследовали его братья Сограб-майсум, Шамхал-майсум и сын последнего Кирхляр-Кули.²

В этом вопросе Фатали-хана поддерживало и российское правительство. Де-Медем в письме в Коллегию иностранных дел сообщал: «необходимо майсумом Южного Табасарана поставить Магомед Гусейн-бека, на что императрица Екатерина II отнеслась одобрительно и дала указание стараться «на максимумское (майсумское) (Авт.) владение восстановить начальником надежного человека».

Кадий и уцмий не только не согласились с требованиями российского правительства и кубинского хана о назначении майсумом Южного Табасарана Магомед Гусейн-бека, но и заявили, что после ухода русских войск из Дербента в Кизляр «они его поставленного убьют»⁴. Только своевременная помощь Фатали-хана, пославшего в Табасаран вооруженные отряды, сохранила жизнь этому кандидату в майсумы, а угрозы со стороны российского командования ответить репрессиями на неподчинение заставили уцмия и кадия смириться.

Утверждению своего ставленника в Южном Табасаране Фатали-хан придавал большое значение, потому что Табасаран занимал стратегически важное в торговом и военном отношении положение, примыкая к владениям уцмия, прикрывала торговый путь, шедший из России в Азербайджан и Персию. Присоединение майсумства Табасаранского к той или иной борющейся стороне могло бы дать ей преимущественное положение над соперником. Не случайно уцмий и кадий заявляли, что утверждение ставленника хана Кубинского в Южном Табаса-

¹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 7 а. Л. 4.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 186.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 87.

⁴ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 79.

ране угрожает им потерей самостоятельности, что «... лучше лишиться своих владений, чем его хана на себя допустить»¹.

В итоге борьбы за Южный Табасаран победа осталась на стороне Фатали-хана и его ставленника. При помощи России Фатали-хану удалось сломить яростное сопротивление своих врагов – кадия и уцмия.

В этих сборах, происходивших в селении Дарваг, участвовали Фатали-хан кубинский, шамхал тарковский Муртузали, буйнакский владетель Бамат, уцмий каракайтагский Амир-Гамза, табасаранский кадий Рустам, казикамухский Магомедхан и другие феодальные правители Дагестана. Представителем российского государства на сборах был майор Фромгольд. Он в рапорте генералу де-Медему сообщал, что участники сбора «согласились с тем, чтобы им означенному Фатали-хану, его владению, людям и никому никакого притеснения не делать, а оставить его спокойно пользоваться принадлежащими ему дербентским, кубинским владениями, в чем они ровно же с протчем и подпиской себя обязали..., чтобы таковую ж и от него хана для них взять»².

Как выше указано, во время сборов дагестанских владетелей в апреле 1776 г. в селении Дарваг были приняты обязательства владетелей Табасарана и Кайтага перед Россией о нормализации отношений с Фатали-ханом Дербентско-Кубинским.

Достигнутое соглашение должно было обеспечить спокойствие на Восточном Кавказе, благоприятствовать развитию торгово-экономических связей Дагестана с владениями Азербайджана и способствовать расширению русской торговли с Кавказом и со странами Ближнего Востока. Следует, однако, отметить, что в тех конкретных исторических условиях одним соглашением не могло быть достигнуто примирение – слишком

¹ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 79.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 90.

уж сильны были противоречия между владельцами Восточного Кавказа.

Поддержка Россией Дербентско-Кубинского ханства вытекала из ее экономических и политических интересов: Дербент играл чрезвычайно важную роль как транзитного пункта в русской торговле с Востоком.

Как было сказано выше, Фатали-хан искал покровительство со стороны России. С этой целью весной 1775 г. к русскому двору выехало его посольство во главе с Мирзабеком Фархадбековым¹. В источниках посланника называли «первый человек», «города держатель». Посла Фатали-хана сопровождали писарь Мирза Садых Мухаммадвелиев, Новруз Мурадов и др. По дороге в состав посольства был включен в качестве переводчика кизлярский служилый дворянин Василий Валуев². Посольство везло письмо Фатали-хана русскому двору. Начинается письмо с утверждения о том, что после смерти деда Султана Ахмед-хана отец Фатали-хана Хусейнали остался ребенком, что Петром I ему было пожаловано правление Кубой и Кулганом со всеми относящимися к ним магалами, что он ими владел и постоянно выражал свою благодарность российскому двору, проявляя радушие и гостеприимство в отношении русских посланцев, путешественников и купцов. В письме подчеркивалось, что Хусейн-али был всегда расположен к России и проявлял непоколебимую твердость и стойкость в поддержании этой державы³.

Далее в письме отмечается факт, относящийся к русско-турецким отношениям: Фатали-хан сообщает, что падишах Рума (Турции) направил к нему несколько посланцев, которые прибыли в Карс с богатыми дарами: арабскими скакунами, мечом в украшенных дорогими камнями ножнах, жезлом и другими ценными подарками⁴. Цель этого посольства состояла в том,

¹ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 4078. Л. 21.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 544.

⁴ Там же.

чтобы склонить Фатали-хана к союзу с Турцией. Однако он не принял турецких предложений и вернул посланцев султана обратно.

Фатали-хан отвергал ориентацию и на Иран и не намеревался идти на службу к правителю Ирана Керим-хану Зенду, хотя и мог бы заручиться его поддержкой и помощью. Надежды целиком возлагались на Россию, от которой он ждал защиты и покровительства,¹ соглашался уступить ей город Дербент и отправил ключи от города с Мирзабеком русскому двору.

Обращение Фатали-хана к России означало прямой и официальный отказ от иранского владычества, хотя до объединения с Кубой в Дербентском владении управляли шахские ставленники. При этом Фатали-хан настаивал на предоставлении ему самостоятельности и независимости как на одном из основных условий официального принятия ими покровительства России, чтобы он остался «спокойным и самостоятельным в делах»².

Изложенные в письме условия перехода Фатали-хана под покровительства России ярко характеризуют субъективную сторону политики хана.

Обращение Фатали-хана произвело сильное впечатление на правительство Екатерины II. Вопросы, поставленные в его письме, трижды обсуждались на заседаниях Совета при императрице. 27 июля 1775 г. граф. Н. Панин представил перевод письма Фатали-хана, «коим просит покровительства его императорского величества и войск для возвращения принадлежащих ему земель». Еще до этого, 22 июня 1775 г., также на заседании Совета был «читан рапорт генерал-поручика де-Медема из лагеря близ Дербента от 24 мая о вступлении кубинского и дербентского Фатали-хана со всем владением под покровительство России и об отправке в Россию его посольства. Третье обсуждение состоялось 10 сентября 1775 г.»³.

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 546.

² Там же.

³ Там же.

Особое внимание вызвал к себе вопрос об отходе ханства от Ирана, а также просьбы хана о приеме под покровительство России и о военной помощи. Наиболее дальновидные представители российского правительства высоко оценили заслуги Фатали-хана как сторонника России. Сохранились документы с выражением признательности Фатали-хану за доброжелательное отношение к российским подданным; особенно это ярко выражено в письме Н.И. Панина Фатали-хану Дербентскому.

«Высокостепенный и высокочинный хан... Получил я, чрез ген.-майора кизлярского коменданта Потапова ваше приятное письмо, коим изволили вы меня почтить и уведомить, что незабвенной памяти, оказанную от е.в. Петра Великого к покойному вашему родителю монаршую милость, и пользуясь оною, сами не оставляете вашего истинного признания к России... Поэтому надеюсь, что пребудете в принятых вами похвальных намерениях и не оставите продолжать доброхотство ваше к приезжим и впредь в Персию подданным е.и.в., оказывая им во всех нужных случаях всевозможные защищения, чем еще больше приобретете к себе монаршее е.и.в. благоволение»¹.

Н.И. Панин в ответ на просьбу Фатали-хана о приеме Дербентского ханства под покровительство России писал ему, «что касается до искательства вашего высокостепенства о доставлении вам здешним содействием всех бывших во владениях ваших предков мест и чтоб вы приведены были в независимое ни от какой посторонней власти состояние, в каком ныне крымский хан находится по принятым и употребленным мерам от Российского императорского двора, то я напротив того со всею достоверностию хочу и могу вам, высокостепенный и высокоместный хан, приметить, что сие ваше желание есть такое, в котором Российской императорской двор, как в постороннем для себя деле, со всем истинным к вам благонамерением, однако ж ни участвовать, ни помогать вам средства находит»².

¹ ЦГА РД РФ. Сношения России с Персией, 1765-1797 гг. Д. 15. Л. 82-83.

² Там же.

Причины отказа Фатали-хану недвусмысленно были изложены в «Записи» Екатерины II, отмечавшей, что просьбы Фатали-хана об «его искательстве, чтоб здешним содействием возвращены были ему все жилища и места, во владении предков его состоявшие..., он приведен был в независимое состояние», нельзя уважить, поскольку он, «будучи... по природе своей и пребыванию принадлежащим к персидской державе и не может в сем случае здешними мерами во способствовании быть, как в деле и намерении совсем для императорского двора постороннем»¹.

Царская дипломатия дала знать Фатали-хану, что для проведения своей политики и сохранения своих владений ему следует обходиться своими собственными силами. Предложение Фатали-хана насчет Дербента также было отвергнуто. В протоколе Коллегии иностранных дел отказ мотивирован так: «При всем истинном здешнего императорского двора благонамерении к хану кубинскому и дербентскому в рассуждении давно известного усердия его, и при желании ему всяких выгодностей и успехов, порученные от него генералу-поручику и кавалеру де-Медему ключи персидского города Дербента.... Здесь ни к какому употреблению неудобны, то оные для доставления в их место при сем почтенному наибу дербентскому Мирзабеку и отдаются»².

В то же время в русских официальных документах обращение Фатали-хана к царскому правительству расценивалось как выражение его преданности Российскому государству и «за доброе... обхождение в его местах» подданными России, – говорилось в рескрипте Екатерины II, – «сей пограничной персидской начальник (дербентский хан) может иметь совершенную надежду на высочайшее ее императорского величества покровительства во всех случаях, настоящее Российского императорского двора положение дел с Персиею не отменяющих»³.

¹ ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3139. Ч. III. Л. 45.

² Там же.

³ Там же.

Дагестанские владетели, в зависимости от обстановки, признавали себя вассалами того или иного государства. В это время убедившись, что положение России на Кавказе более прочное, чем у других держав, уцмий Кайтагский и кадий Табасарана старались заручиться ее поддержкой, проводя более осторожный и гибкий внешнеполитический курс с учетом интересов России.

Они стали ориентироваться на российские власти на Северном Кавказе. И стараясь показать свое предрасположение, Рустам-кадий совместно с уцмием Амир-Гамзой отправили кизлярскому коменданту И.И. Штендеру от 5 мая 1776 г. письмо, в котором говорилось об их стремлении к мирным взаимоотношениям с Фатали-ханом. «Уцмий и кадий табасаранский, – говорится в письме, – по велению ее императорского величества согласились о примирении с Фатали-ханом, но только он, Фатали-хан, на то не соглашается и с нами не мирится... Мы (уцмий и кадий. – Авт.) всегда повелениям вашим повиноваться должны и с приказания вашего находящемуся в Дербенте на все его повеления послушным состоим, но он, Фатали-хан к миру с нами не соглашается. А мы в его города подвластные, т.е. Дербент, Кубу, Мушкур и Шабран, не вступаемся, также и он, Фатали-хана наши владения не вступался б. В прочем повелении Е.И.В. послушным быть должны».¹

Пророссийская ориентация некоторых феодальных владетелей Дагестана, в частности, правителей Табасарана, шамхала Тарковского, Фатали-хана и других сильно встревожила турецкие и персидские правящие круги. Турецкое правительство предъявило России ряд запросов, касаясь которых Екатерина II писала российскому послу в Константинополе Репнину: «удивительно, весьма, сделанное турецким министром, неужели событие, имеющее место так далеко от Турции, может турок интересовать».² Императрица в своем письме пообещала, что Рос-

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 163.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 584.

сия не будет тревожить Турцию вмешательством в дела на Кавказе.

Весной 1776 г. российский гарнизон был выведен из Дербента в Кизляр. Одной из основных причин этого действия являлись неоднократные протесты Турции и Персии. В рескрипте генералу де-Медему в декабре 1775 г. Екатерина II подчеркивала необходимость воздержаться от конфликта с Турцией. Подобные же соображения имелись у российского правительства и в отношении Персии. России было крайне невыгодно обострять отношения с Персией, через который шла торговля Российской империи со странами Востока. Не случайно Екатерина II во многих письмах подчеркивала, что Кубинское ханство является подвластным Персии. Не случайно также поход русских войск в Южный Дагестан императрица во многих документах объясняла как самовольные действия де-Медема, а в других – как карательную экспедицию, направленную на укрепление престижа России.

Однако подобного рода заявления были лишь прикрытием истинных целей России, которая хотя и не приняла Кубинское ханство в свое подданство и вывела военный гарнизон из Дербента, но оказала огромную помощь своим сторонникам на Кавказе, укрепив здесь свои позиции.¹

Сложившаяся неблагоприятная обстановка в районе, где проходили важные торговые пути, ведущие в восточные страны, и ослабление позиции феодальных владетелей Дагестана после гавдушанского поражения, ориентировавшихся на Россию, сильно беспокоило российское правительство. Российские власти хорошо понимали, что усиление противников России на Кавказе, помехи русской торговле, набеги на российские заставы были связаны с политикой, проводимой правящими кругами Турции.

Итак, появление российских войск в южнодагестанском регионе было вызвано рядом причин: стремлением установить

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 86.

спокойствие и безопасность у границ Российского государства, расширить сферу его политического влияния, обеспечить возможность увеличения российской торговли с восточными рынками, укрепить положение феодальных владетелей, ориентированных на Россию, и, наконец, восстановить в полной мере престиж России наказанием уцмья Кайтага и его сообщников за ограбление и задержание профессора и академика Санкт-Петербургской академии наук С.Г. Гмелина.¹

Внутренняя борьба в Дагестане в 60-х – 70-х годах XVIII в. показала, что междоусобицы здесь не были личным делом дагестанских правителей. Занимая выгодное геополитическое положение, Дагестан всегда был в центре внимания интересов великих держав – России, Турции и Ирана, которые, если до сих пор старались открыто не вмешиваться в дагестанские дела, боясь реакции соседних государств, ограничиваясь посылкой подарков и денег своим сторонникам, то теперь лидирующее положение в данном регионе занимала Россия, которая оказывала не только политическую, но и военную помощь своим сторонникам.

Следует отметить, что Россия очень внимательно относилась к обращениям горских владетелей, дарила им подарки, посылала царское жалованье, обещала помощь и поддержку в случае нападения на них. В то же время она стремилась создать себе опорные базы в Каспийском регионе, чтобы с их помощью расширить сферу своего влияния на Прикаспийские страны.

* * *

Дербентское ханство поддерживало в XVIII в. связи не только с Россией, но и с закавказскими государствами – Персией, Турцией и т.д. В частности, такие связи установились между Фатали-ханом и грузинским царевичем Александром, пытавшимся с помощью Турции и Ирана свергнуть царя Ираклия II и

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 143.

захватить престол¹. Султанская Турция и Персия рассчитывали использовать царевича Александра в своих интересах. При содействии Турции Александр установил связь с некоторыми феодалами Дагестана. Узнав, что в Кубе собираются войска для борьбы против Кахетино-Картлийского царства и Карабахского ханства царевич 27 августа 1782 г. в сопровождении группы своих приверженцев приехал в Дербент к Фатали-хану.

Из сообщения Фатали-хана Екатерине II «... после прибытия Александра в Дагестан приехали в Дербент Муртаз-али шамхал, Амир Хамза – уцмий Кайтагский, Али-султан Дженгутаевский со всеми дагестанскими старшинами и все уговаривали Фатали-хана взять с собою Александра хана и итти войною на Ираклия хана и его из Тефлиса выгнать, а на его место поставить Александра хана»². Фатали-хан хорошо понимал, что деятельность царевича Александра была направлена не только против Кахетино-Картлинского царства, но и против интересов России. Поэтому, опасаясь обострения взаимоотношений с Россией, он сразу же дал знать о приезде к нему царевича Александра командующему российскими войсками на Кавказе.

Генерал-поручик П.С. Потемкин направил в Дербент секунд-майора Гаузина с секретным заданием: «Весьма нужно, чтобы вы разведали как содержится в Дербенте высланный на несколько лет из России грузинский князь Александр Бакаров, приметить, какой ведет он образ жизни, в каком положении его содержат; уважают ли его особо или без всякого уважения на него смотрят и нет ли его происков возбудить Фатали-хана вооружаться против царя Ираклия»³.

Фатали-хан заявил, что, если царевич откажется подчиниться его повелению выехать в Россию, тогда он напишет дербентскому наибу, «чтобы его Бакарова Александра и с Ревезом Амилохваровым и с одним служителем их содержать в крепком

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 115.

² ДРО. С. 542.

³ ДРО. С. 231.; Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 115.

месте в Дербенте Наринкале до тех пор, пока на означенное его ханом представление резолюции не последует»¹.

В ноябре 1783 г. по требованию генерал-поручика П.С. Потемкина Александр был выдан с сопровождающими его лицами представителям командования российских войск на Кавказе.

instituteofhistory.ru

Небезынтересно привести здесь рапорт П.С. Потемкина князю Г.А. Потемкину-Таврическому: «Посланный от Фатали дербентского хана с майором Комарским для препровождения князя Бокарова, ближайший ханский чиновник Кызыр-бек, прибыв из Астрахани, подал мне от хана письмо», в котором хан выражал «готовность на исполнение всего, что ему будет предписано и что он сам и область его ищут подвергнуться России и быть под покровом».

Приведенные данные показывают, что дербентский хан, несмотря на сложные в тот период отношения его с Ираклием II, не собирался оказывать помощь Александру в борьбе за кахетинско-картлийский престол, понимая, что подобного рода действия противоречат интересам Российского государства и что поддержка наравича Александра может поссорить его с Россией.

instituteofhistory.ru

Во второй половине 80-х гг. XVIII в. власть Дербентского ханства распространилась на значительно большую территорию. Так, например, путешественник Гюльденштадт отмечал, что «Табасаран имеет собственного князя, который подвластен дербентскому хану»². Это сообщение подтверждается и другим источником³.

В тесном союзе с Дербентским ханством на всем протяжении его объединительной и внешнеполитической деятельности

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 116.

² Гюльденштадт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Из «Путешествия г-на Академика И.А. Гюльденштадта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 134.

³ Березин И. Указ. соч. Ч. I. С. 778.

выступало и шамхальство Тарковское. Будучи одним из богатых и сильных феодальных государств Дагестана, шамхальство последовательно ориентировалось на Россию и было присоединено к ней в 1784 г. Тесные экономические связи, общность внешнеполитической ориентации на Россию способствовали тому, что Дербентское ханство в лице шамхала имело своего союзника, шамхал Тарковский оказывал помощь дербентскому хану не только в борьбе против внешних врагов, но и в подавлении различных феодальных заговоров и междоусобиц. Дербентское ханство в свое время также помогало шамхалу Муртузали в захвате власти в Тарках¹.

В 80-х гг. XVIII в. Дербентское ханство еще теснее сближилось с Россией. В мае 1782 г. было подписано торговое соглашение между Россией и Дербентским ханством. В соглашении особо подчеркивалось, что на территории, подвластной дербентскому хану, русским купцам не будут чиниться никакие обиды. В первом пункте обязательств Фатали-хан заявлял, что подвластные ему феодалы в Дербенте, Баку, Сальянах и в других Прикаспийских областях не должны вмешиваться в дела русских подданных, требовать с купцов или с приказчиков какие-либо пошлины и т.д. В случае нарушения этих обязательств со стороны вассалов и чиновников Дербентского ханства его правитель должен был сурово наказывать их².

Кроме того, обязательство предусматривало порядок разбора жалоб российских купцов, а при смерти порядок описи и сохранения их товаров для передачи наследникам и т.д.

Таким образом, обязательство, принятое Дербентским ханством перед Россией, было направлено на устранение злоупотреблений в торговых отношениях и способствовало дальнейшему развитию торговли между ханством и Россией и их политическому движению.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 278.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 105.

Следует отметить, что, покровительствуя созданию нормальных условий для развития русской торговли, Фатали-хан требовал аналогичного отношения к дербентским купцам в России. В письме князю Потемкину-Таврическому о злоупотреблениях чиновников в Астрахани он напоминал о том, что он всегда доброжелательно относился к русским купцам, что соблюдал условия подписанного им и Войновичем соглашения. Указывая на то, что его «подданным купцам торговым всякого звания людям, обращения чинятся весьма противные и поступают с ними очень несходственно, как в Астрахани, и в прочих принадлежащих к Российской державе местах, сверх положенных государственных и таможенных пошлин берут с них таможенные командиры и управители под различными предметами своевольно различные поборы... с некоторых не получа ничего, удерживают тамо, и с которых получа себе взятки выступают сюда...»¹, правитель Дербентского ханства просил, чтобы с купцов его взимались только предусмотренные указами правительства пошлины, «чтобы впредь никаких налогов, как-то взяток и прочих неположенных по правости законов поборов ни под каким званием и предлогом не десятое бы доли копейки с них не требовали, а что с кого взято, тем, то возратить и обряд удерживания запретить»².

Поставленные Дербентским ханством перед российским правительством вопросы получили свое разрешение. В результате обоюдной заинтересованности в торговле были устранены помехи для ее развития. Забота об охране собственности купцов, ограничения произвола чиновников способствовали упрочению торговых и политических связей между Дербентским ханством и Россией.

И все это способствовало упрочению положения Дербентского ханства во второй половине XVIII в. Поэтому некоторые

¹ ЦГВИА. Ф. 52. Д. 402. Л. 120-121.

² Там же.

из феодальных владетелей Дагестана были вынуждены отказаться от враждебных в отношении Дербента выпадов.

С просьбой о покровительстве дербентский хан обратился к России и в 1783 г. В 1787 г. он вновь поднял вопрос о переходе в подданство России, послав в Петербург посольство во главе с Мирза Садыхом Мамедвелиевым, который был уполномочен на ведение столь важных переговоров¹.

Мирза Садых, прибыв в Петербург, заявил о горячем стремлении Фатали-хана перейти в подданство России, предъявил письмо хана к Екатерине II, в котором говорилось: «Прошу ваше императорское величество о принятии меня со всем подвластным мне народом и провинциями в высочайшую зависимость вашего императорского величества, так как грузинский царь Ираклий II с его подвластными людьми и провинциями принят в высочайшее ваше покровительство»².

Петербургский князь оказал Мирза Садыху Мамедвелиеву и другим посланцам дербентского хана дружественный прием. Было обещано принять ханство под протекторат России³. Однако обострение отношений с Россией и некоторые другие причины замедлили решение этого вопроса.

Надо отметить, что Россия внимательно относилась к обращениям к ней горских владетелей, дарила им подарки, посылала царское жалованье, обещала им помощь и поддержку на случай нападения на них кого-либо. В то же время она стремилась и создать для себя опорные базы в Прикаспийском регионе, чтобы с их помощью расширить сферы своего влияния по изучению островов Каспийского моря, устьев многочисленных рек, впадающих в Каспийское море, где впоследствии намечалось создать российские поселения и т.д. Такого плана задача была поставлена перед небольшой русской эскадрой под ко-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 141.

² Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 158.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 143.

мандованием Войновича, направленной в июле 1781 г. в Астрабадский залив¹.

Весть о появлении русского флота на Каспии была с радостью воспринята сторонниками пророссийской ориентации в Дагестане. В источнике по этому поводу отмечается: «... слух о молве по всей Персии, что российские войска собираются туда идти, от чего владельцы поблизости к здешним места, как-то шамхал, уцмий и протчие благосклоннее, а особливо Фаталихан Дербентский отзываетца, что он по преданности его к России о приходе войск весьма рад, да и весь тамошний народ, начиная от Дербента и Гилянской провинции персияне, купечество и земледельцы кроме тех, которые какою-либо власть имеют, говорят, что они с великою радостью ждут нетерпеливо российских войск, и как скоро вступят в пределы тамошние, то все выше писанные места без всякого сопротивления будут покорными...»². В другом источнике говорится, что народные массы «... ожидают через прибытие русского войска, избавиться от междоусобий и тяжелых налогов»³.

Сообщения об этом походе кораблей вызвали тревогу у правящих кругов Персии и Турции, не терявших надежд на упрочение своих позиций в Прикаспии. Особое значение Иран и Турция придавали привлечению в борьбу против России Дербентского ханства. В этот период особенно активно вела себя Турция. Фатали-хану было передано через турецкого посланника предложение султана о его склонности, «... ежели хану, надобно для обороны противу российских войск и фрегатов, людей, то для вспоможения ему, хану, присланы будут войска и деньги»⁴. Предложение это было отвергнуто дербентским ханом, искавшим союза с Россией.

Обеспокоенное успехами политики России на Кавказе турецкое правительство предприняло ряд мер по недопущению

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. II. С. 86.

² Цит. по кн.: Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 101.

³ ЦГВИА. Ф. 52. Д. 286. Ч. I. Л. 92.

⁴ Абдуллаев Г. Б. Указ. соч. С. 101.

усиления влияния России в регионе. Осенью 1784 г. на Кавказ из Константинополя прибыло многочисленное посольство во главе с Ибрагим-Эфенди. Она доставило фирманы и письма, а также богатые подарки от султана Абдул-Хамида, который призывал мусульман к войне против России, к защите Ирана и Дагестана и отражению похода русских войск в Закавказье, назначенного по просьбе Ираклия II.

В результате пребывания посольства турецкого Ибрагим-Эфенди в Закавказье усилились волнения, а также был заключен военный союз в Ахалцихе с частью азербайджанских и дагестанских правителей¹. Принесенные им подарки и денежные вознаграждения сделали свое дело, некоторые дагестанские владельцы собирались отправить отряды войск в Ахалцих для вторжения в Грузию. Об этом свидетельствует письмо грузинского царя Ираклия II генерал-губернатору П.С. Потемкину. «Присланы были к нам, — сообщается в данном письме, — от Сурхая курьеры с письмами, что шамхал, уцмий, акушинский кадий, табасаранский кадий, Фатали-хан, ширванские ханы два брата и нухинский хан, все согласились и весною намерены с войсками своими выступить в поход, расположиться ниже Ганжи, или выше сего города, и оттуда делать нападение на Грузию»².

Однако объединенного выступления дагестанских владельцев против Грузии не произошло. Союз вскоре распался под политическим давлением России.³

Между тем кадий Табасарана Рустам, желая вновь подтвердить свою преданность России, в марте 1786 г. отправил письмо кавказскому генерал-губернатору П.С. Потемкину с просьбой прислать ему письмо с призывом к верной службе России, подобное письмам, посланным другим владельцам Дагестана. «... Уповая на всевышнего господа бога, — сообщается в письме, — владелец табасаранский кадий Рустам, засвиде-

¹ Маркова О.П. Указ. соч. С. 206-207.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 679.

³ Маркова О.П. Указ. соч. С. 204.

тельствую мое почтение в. высокопр., избранному из министров и солтанов, яко то, покровитель бедных и щедрый ко всем немощным, г-н солтан Павел Сергеевич Потемкин...

При сем вам имею честь объявить, что мы здесь 4 брата имеем у себя военных людей до 40 тыс. чел. Однако ж никогда на вред к вам не ездили, и ничего от нас не происходило. Но точиюв. высокопр., написав, письма отправили к Фатали-хану шамхалу, Амир-Гамзе уцмию, а ко мне посылать не соизволили. Или нас не удостаивает российской имп-це ко услугам? соизволили. Ибо наши главные предки российским монархам служивали, естли и ныне угодны вам будут наши услуги, то извольте прислать ко мне письмо, как наперед сего и прочим присылали. А что ж касается меня, то я повинуюсь Е.В., Всероссийской императрице, служить ей готов верою и правдою... »¹.

Примерно через месяц кадий Табасарана получил ответное письмо от кавказского генерал-губернатора П.С. Потемкина с выражением благодарности за его верность России. «Я, уполномоченный от престола Е.И.В., ответствую на письмо знаменитого кадия Рустама, владетеля табасаранского...

За сим благодарю вас за извещение меня о себе самом, о братии ваших и числе войск ваших. Не имел я донныне случая жаловаться на вас и приятным почитаю письмо ваше, состоящее в желании иметь со мною переписку. Как скоро пожелали вы моего письма, оное к вам отправляю и желаю навсегда продолжить мою дружескую переписку, изъявляя и удовольствие мое о благонамерениях ваших к службе Е.И.В., и удостоверяю в том, что служба ваша не останется без воздаяния. По сим доказательством уповаю, что твердость силы видима, благоразумие покажет вам путь, по которому следовать, а я, приемля вашу приязнь, всегда готов платить вам дружбою, и в знак оной посылаю к вам дружбою, и в знак оной посылаю к вам подарок... ».²

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 191-192.

² Там же. С. 192-193.

Владетели Табасарана, вопреки проискам Турции и Персии, в последующее время еще более стремились к переходу в подданство России. Так, в сентябре 1786 г. в своем письме кавказскому генерал-губернатору П.С. Потемкину Рустам-кадий выражал свою готовность верно служить России и просил о награждении его жалованьем. «Имею честь донести сим знаменитой особе в. высокопр., что дружеское письмо ваше я со удовольствием моим получил и содержание оном выразил. Что же касается меня, то я подшусь продолжать мою с вами дружбу и буду служить вам со всяким усердием. И если угодно будет вам таковое мое расположение, то прошу в. высокопр. донести ко двору Е.И.В., что деды и прадеды мои со времени блаженного и вечной славы достойного ими. Петра Великого были награждены жалованьем, то прошу и меня тем не оставить ...».¹

В своем письме П.С. Потемкин предложил Рустам-кадию Табасаранскому прислать посланника для переговоров, чтобы получить жалованье за верною службу России. «На письмо ваше дружеское извещаю, что желание ваше о получении жалованья представил я к е. светл. повелительном г-ну ген.-фельдм., уполномоченному начальнику для донесения Е.И.В. Находя нужным изъяснить вам, что щедрота Е.И.В. знаменита во всех пределах света, и служащие верно Е.И.В. престолу всегда получают свое награждение, желал бы я, чтоб вы прислали ко мне своего чиновника, дабы через него узнать обстоятельнее и желание ваше, и мои мнения сообщить вам».²

В 1786 г. с принятием в подданство России шамхала Тарковского, об этом начали просить и другие феодальные владельцы Дагестана: ханы дербентский, аварский, казикумухский, уцмий кайтагский, майсум и кадий табасаранские и др.³

Однако, готовясь к войне с Россией, в январе 1787 г. Турция отправляет к аварскому хану, шамхалу, уцмию, кадию

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 205.

² Там же. С. 205-206.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 324.

своего эмир-пашы – Капуджи-Баши с подарками и деньгами с целью привлечения их на свою сторону.¹ Эмир-пашинская деятельность Турции и ожидание войны затянули процесс приема владетелей дагестанских под протекторат России.

В 1787 г. в связи тем, что началась русско-турецкая война, осложнились международные отношения на Кавказе в целом. Однако большинство феодалов Дагестана, узнав о начале войны, поспешили заверить Россию о своей преданности. «Письма, в которых искали моей дружбы, – сообщал П.С. Потемкин, – были получены от всех владельцев Дагестана». С началом войны для определения верности всех владельцев в расположении к России и выяснения нет ли подсылок от Порты в Дагестан был направлен из Кизляра Навруз Али Иманкулов. После возвращения он подтвердил, что дагестанские владетели остаются верны России. Это произошло, по словам П.С. Потемкина, по той причине, что «все жители (Дагестана. – Авт.) желают безмерно быть под покровительством России. Почему ханы и боятся преклониться на приглашение Порты»².

В 1787 г. им в Россию было направлено новое посольство во главе с Гаджи Ибрагим-беком³. Фатали-хан обращался с этим вопросом к Екатерине II и в 1788 г., но опять безрезультатно. Смерть Фатали-хана в марте 1789 г. прервала окончательно все переговоры по этому вопросу.

Правящие круги Дербентского ханства, понимая непрочность объединенных земель при Фатали-хане, более месяца скрывали смерть Фатали-хана от населения⁴. Но этот прием наследника Фатали-хана – его сына Ахмед-хана – не был, разумеется, выходом из создавшегося положения.

В 90-х гг. XVIII в. перестал признавать главенство Кубы ряд ханств, в том числе и феодальные владетели Южного Дагестана.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 202.

² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 177.

³ Там же.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 278.

Все это не было случайным и подтверждало непрочность военно-политического объединения земель вокруг Кубинского ханства.

* * *

Серьезное влияние на политическое положение Дербентско-Кубинского ханства оказывала и борьба за власть, происходившая в Иране с 1780 г. Дело в том, что после смерти иранского шаха не признававший власть Зендов сын Мухаммеда Гасанхана Каджара, Ага-Мухаммед-хан, начал укреплять свою власть в Иране. В 1781 г. войска Ага-Мухаммед-хана заняли Гилянское ханство, предав огню его столицу Решт. Вытесненный из Гиляна Гидаят-хан, опасавшийся мести Ага-Мухаммед-хана за приверженность к противнику последнего, Керим-хану Зенду, прибыл морем в Баку и оттуда отправился в Кубу искать помощи у Фатали-хана¹ и у других дагестанских владетелей. Дербент стал центром сбора антииранских сил.

В Дербент явились войска шекинского хана. Буйнакский владетель Бамат привел свои дружины. Прибыли также отряды шамхала Тарковского и кайтагского уцмия. Таким образом, в борьбе против угрозы со стороны Персии объединили свои силы вокруг Дербентского ханства основные правители Дагестана. В результате принятых мер было предотвращено вторжение полчищ Ага-Магомед-хана в Дагестан. Это обстоятельство подтвердило тот факт что, только объединив свои силы, феодальные правители Дагестана могут противостоять иноземным захватчикам.

Еще с середины 70-х гг. XVIII в. обострились взаимоотношения Фатали-хана с Ираклием II, что значительно повлияло на взаимоотношения Фатали-хана с Россией и на ее позицию. Ираклией II намеревался утвердить свое главенство на всем Восточном Закавказье. Кроме того, он старался развить транзитную торговлю России с Востоком через Тбилиси, предлагал России раздел Северо-Восточного Азербайджана, просил про-

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 186.

двинуть российские войска к Дербенту, а затем занять Шемаху и Сальяны. Ираклий II с целью ослабления Дербентского ханства поддерживал карабахского Ибрагим-хана в его борьбе против Фатали-хана¹.

Русское командование на Кавказе в рассматриваемое время не оказывало решительной поддержки в этом вопросе ни одной из сторон, так как чрезмерное усиление какой-либо из них не отвечало планам правительства Екатерины II.

Между тем отношения Дербентского ханства и Кахетино-Картлийского царства продолжали обостряться.

Сложившийся к 1782 г. союз Карабахского ханства и Кахетино-Картлийского царства предусматривал вытеснение Дербентского ханства с подвластных ему земель. Союз этот вызвал тревогу у Фатали-хана. Он стремился до военного столкновения дела не доводить и уладить противоречия с Ираклием II дипломатическим путем при посредничестве России. Фатали-хан в письме Екатерине II, написанном в 1783 г., отмечал, что соперники, упразднив Гянджинское ханство, выколачивают из населения высокие подати, захватили Нахчиванское и Тавризское ханства, содержат более 2-х лет в плену бакинского хана Мелик Мухаммедхана, посланного Фатали-ханом в Карабах для переговоров².

Этому же вопросу было посвящено письмо, представленное в 1783 г. дербентским послом Гаджи-беком главнокомандующему русскими войсками на Кавказе генерал-поручику П.С. Потемкину, с просьбой заставить Ираклия II прекратить вмешательства в дела Дербентского ханства³.

Ведя переговоры, Фатали-хан одновременно готовился к войне. Ему удалось собрать войско численностью до 2,5 тыс. человек⁴. Он намеревался напасть сначала на союзников грузинского царя Ибрагим-хана, а потом на Грузию. Однако замы-

¹ ЦГВИА РФ. Ф. 52. Д. 331. Ч. IV. Л. 32.

² Абдуллаев Г. Б. Указ. соч. С. 108.

³ ЦГВИА РФ. Ф. 52. Д. 286. Ч. II. Л. 32-33.

⁴ Там же. Л. 34.

сел этот не состоялся, так как Фатали-хан получил указание российского командования на Кавказе прекратить подготовку военных действий и не покушаться на владения Ираклия II¹.

В случае нападения Фатали-хана на Грузию дагестанские правители планировали разорить его владения. Только прибытие русского офицера с письмами П.С. Потемкина расстроила их планы, «авторитет русского имени и оружия был так велик, что дагестанские владетели и Фатали-хан отказались от задуманных ими походов».²

Вскоре после этого, о положении дел на Восточном Кавказе сообщал в кизлярскую секретную экспедицию 21 мая 1783 г. кизлярский житель Нагиш Денгизбиев: «Фатали-хан из Баки возвратясь в Дербент, желает ехать к Хайдакскому владельцу уцмию, потому что как-то он хан, уцмий по подзыву аварского Ума-хана по вводу им, Ума-ханом к себе в согласие шушинского Ибрагим-хана и дженгутайского владельца Али-Солтана, да и табасаранского владельца ж Кадыя желает, совокупясь с теми ханами и владельцами идти войною на него Фатали-хана и разорить, в отмщение за смерть отца и родственников аварского Ума-хана».³

Вмешательство России сильно повлияло на ход событий. Фатали-хан был вынужден отказаться против притязания на Карабахское ханство и Кахетино-Картлийское царство. В своем письме генерал-поручику П.С. Потемкину Фатали-хана заявлял: «Ваше высокопревосходительство изволите, чтоб я оставил в покое и тишине грузинского царя Ираклия... на грузинского царя по требованию Вашему движение оставил...»⁴. Свою верность России, готовность выполнять указания российского правительства Фатали-хан отмечал в других письмах⁵.

¹ ЦГВИА РФ. Ф. 52. Д. 286. Ч. II. Л. 32-33.

² Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 177-178.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Д. 278. ЛЛ. 638-639.

⁴ ЦГВИА РФ. Ф. 52. Д. 286. Л. 34.

⁵ Там же.

Командующий русскими войсками на Кавказе через представителя российского правительства в Тбилиси полковника Бурнашева сообщил Ираклию II, чтобы тот не опасался нападения со стороны Дербентского ханства¹.

Обеспокоенное успехами политики России на Кавказе турецкое правительство предприняло ряд мер по недопущению усиления влияния России в регионе. Осенью 1784 г. на Кавказ прибыло из Константинополя многочисленное посольство во главе с Ибрагим-Эфенди. Она доставило фирманы и письма, а также богатые подарки от султана Абдул-Хамида, который призывал мусульман к войне против России, к защите Ирана и Дагестана и отражению похода русских войск в Закавказье, намеченного по просьбе Ираклия II.

В результате пребывания посольства турецкого Ибрагим-Эфенди в Закавказье усилились волнения, а также был заключен военный союз в Ахалцихе с частью азербайджанских и дагестанских правителей². Принесенные им подарки и денежные вознаграждения сделали свое дело, некоторые дагестанские владетели, в том числе и кадий Табасарана, собирались отправить отряды войск в Ахалцих для вторжения в Грузию. Об этом свидетельствует письмо грузинского царя Ираклия II генерал-губернатору П.С. Потемкину. «Присланы были к нам, – сообщается в данном письме, – от Сурхая курьеры с письмами, что шамхал, уцмий, акушинский кадий, табасаранский кадий, Фатали-хан, ширванские ханы два брата и нухинский хан, все согласились и весною намерены с войсками своими выступить в поход, расположиться ниже Ганжи, или выше сего города, и оттуда делать нападение на Грузию».³

¹ Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX – нач. XX в.). Баку, 1955. С. 92.

² Маркова О.П. Указ. соч. С. 206-207.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 679.

Однако объединенного выступления дагестанских владетелей против Грузии не произошло. Союз вскоре распался под политическим давлением России¹.

В 1786 г. с принятием в подданство России шамхала Тарковского, об этом начали просить и другие феодальные владетели Дагестана: ханы дербентско-кубинский, аварский, казикумухский, уцмий кайтагский, майсум и кадий табасаранские и др.² Готовясь к войне с Россией, в январе 1787 г. Турция отправляет к аварскому хану, шамхалу, уцмию, кадию своего эмиссара – Капуджи-Баши с подарками и деньгами с целью привлечения их на свою сторону.³ Эмиссарская деятельность Турции и ожидание войны затянули процесс приема владетелей дагестанских под протекторат России.

В 1787 г. в связи тем, что началась русско-турецкая война, осложнились международные отношения на Кавказе в целом. Однако большинство феодалов Дагестана, узнав о начале войны, поспешили заверить Россию о своей преданности. «Письма, в которых искали моей дружбы, – сообщал П.С. Потемкин, – были получены от всех владельцев Дагестана». С началом войны для определения верности всех владельцев в распоряжении к России и выяснения нет ли подсылок от Порты в Дагестан был направлен из Кизляра Навруз Али Иманкулов. После возвращения он подтвердил, что дагестанские владетели остаются верны России. Это произошло, по словам П.С. Потемкина, по той причине, что «все жители (Дагестана. – Н.М.) желают безмерно быть под покровительством России. Почему ханы и боятся преклониться на приглашение Порты».⁴

Основываясь на личных наблюдениях и многочисленных сообщениях, поступающих из Нагорного Дагестана, генерал Горич в рапорте от 3 февраля 1788 г. князю П.С. Потемкину писал: «Хотя здесь (в Дагестане. – Н.М.) со стороны турок рас-

¹ Маркова О.П. Указ. соч. С. 204.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 324.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 202.

⁴ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 177.

пространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то не сбыточно..., я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них»¹.

Между тем в Дагестане началась междоусобная борьба между Фатали-ханом и группой дагестанских владетелей, возглавляемой Ума-ханом Аварским. Причиной этой междоусобицы считают то обстоятельство, что аварский хан искал случая отомстить Фатали-хану за убитых в борьбе с ним своего дядю Нуцал-хана и двух его сыновей. С набранными почти по всему Дагестану войсками Ума-хан и его союзники выступили против Фатали-хана. Табасаранцев в войске аварского хана не было, они все еще оставались верными России и поэтому не выступили против дербентско-кубинского хана.

В намерении утвердить свою дружбу с шамхальством Тарковским Фатали-хан в 1787 году просил руки дочери Тарковского Магомет шамхала для своего сына Ахмет-хана, рожденного от сестры уцмия, и устроил эту свадьбу с большим торжеством в Дербенте. В этом же году Фатали-хан избавился от одного своего врага, отважного и предприимчивого Амир Гамзы. Уцмий Кайтагский скончался и брат его Устар-хан был объявлен уцмием.

Тем не менее, Турция, следившая за всеми, что здесь происходило, пыталась использовать ополчение горцев в своих корыстных целях. Для этого в ставку Ума-хана были отправлены эмиссары султана. Они привезли крупные суммы денег и щедрые подарки предводителям ополчения и уговаривали их учинить нападение на Грузию. Слухи о прибытии турок в лагерь Ума-хана, о предстоящем нападении на Грузию и скором изгнании русских войск с Кавказа распространились по всему Закавказью. Обеспокоенное царское командование послало гонца с письмом к владетелям Дагестана, в котором потребова-

¹ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 155-156.

ло прекратить распри. Перед предводителями ополчения встала альтернатива – либо склониться на сторону султана и выступить в Грузию на соединение с его войсками, либо склониться на сторону России. После споров военачальников, не пришедших к единому мнению, вопрос был поставлен перед всем ополчением. Как свидетельствует присутствовавший при этом лазутчик, «все войско единодушно объявило нет», что выступить в Грузию на соединение с войсками султана «не согласно», а просит «его (Ума-хана. – Н.М.) возвращения в свои дома»¹.

Из-за нежелания горцев ополченцы «не пошли, как приглашал их турецкий паша, к нему, а пошли в свои дома через Дербент»².

Однако султанская Турция продолжала засылать в Дагестан эмиссаров с целью возбудить горцев против России. В фирмане султана говорилось: «С получением сего восстали видящие сего ... мусульмане на ополчение врагов наших, беззаконных россиян, без замедления и старались денно и нощно чинить храбрыя нападения ..., в противном же случае ослушников сего ..., если с помощью всевышнего достигну я с войсками в те места, то зная противность вашу, предаю вас мечу кучно с беззаконными»³. В другом своем фирмане султан также угрожал мусульманскому населению Северного Кавказа разлучением с женами и детьми, если оно «останется в стороне от войны правоверных с гяурами»⁴. Несмотря ни на уговоры, ни на щедрые подарки эмиссаров, дагестанцы не откликнулись на призывы турецкого султана.

Вторая русско-турецкая война, несмотря на поддержку турок государствами Западной Европы, окончилась поражением Турции. В 1791 г. в Яссах был подписан мирный договор, по

¹ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 157.

² Там же.

³ РГ ВИА. Ф.52. Д.563. Л. 4.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 359.

которому Порта, подтвердив условия Кючук-Кайнарджийского договора, признала присоединение к России Кубани, Крыма и отказалась от притязаний на Грузию.

В отношении же Дагестана российское правительство признало держаться «приверженности» шамхала Тарковского, ханов Дербентского, Аварского, владельца Казикумухского, кадия Табасаранского и других. Для этого решено было «доброжелательных ханов обнадёжить» покровительством России, «объявить им, что по мере усердия их к престолу нашему изменится на них и наша императорская милость; во изъявление же преданности истребовать, чтобы они прислали ко двору нашему из первейших своих чиновников с прошением о принятии их под державу или покровительство империи»¹. С этой целью необходимо было искать «всевозможные средства привлечь к нам различных владельцев ..., возбуждая в них любочестие и желание быть удостоенными отличностей от руки нашей, а другим, внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и по данным их от спокойного владения и от торговли с россиянами, которой покровительствовать и поощрять всего нужно»². Все эти меры по привлечению владетелей Дагестана в подданство России начали давать свои результаты. Дагестанские феодальные владетели, враждующие между собой, рассчитывая с помощью России укрепить свое политическое положение, стали обращаться к Екатерине II³.

Несмотря на это и сложившуюся благоприятную внешнеполитическую обстановку, Порта после поражения во второй русско-турецкой войне переживала период «расчленения и гибели»⁴, Персия была раздираема междоусобной войной, – российское правительство все же не решалось присоединить Прикаспийский регион. Это объяснялось тем, что Россия вместе с Англией, Турцией и Пруссией была занята революцией во

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 286.

² Там же. С. 287.

³ Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 178-179.

⁴ Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 34.

Франции. Российское правительство дало указание царскому командованию на Кавказе по возможности уклоняться от принятия в подданство России владений, находящихся в «западно-южной стороне» Каспийского моря, чтобы не вызывать со стороны Порты неприятных хлопот. Прилегающие же к берегам Каспия земли феодалов, «желающие вступить в вечное подданство России, ни малого не настоит сомнения в принятии их»¹.

Одновременно развивались и торгово-экономические связи Дагестана с Россией. Укрепление политических и экономических связей народов Восточного Кавказа шло вразрез с планами и намерениями Турции и Персии. Оттоманская Порта все еще продолжала считать, что благополучие империи покоится «на острие сабли» и поэтому, ведя подготовку к военным авантюрам на Кавказе, не останавливалась ни перед чем, пыталась инспирировать выступления кавказцев против России.

Россия так и не решилась принять Фатали-хана Дербентско-Кубинского под свое покровительство. После его смерти произошли существенные изменения во взаимоотношениях России с Дербентским ханством. Дело в том, что после смерти Фатали-хана дербентским правителем стал его старший сын Ахмед. Он недолго правил ханством, так как скоропостижно скончался.

Как отмечается в источнике XVIII в., «после смерти Ахмет-хана вступил в Кубинское, Дербентское и Сальянское ханы брат его другой, Шейх-Али»². Он, в отличие от Фатали-хана, не стал придерживаться пророссийской внешнеполитической ориентации, а попытался расширить и укрепить свою власть в Ширване³. Но этому помешало нашествие Ага-Магомед-хана на страны Закавказья и угроза его вторжения в Дагестан.

Проводя политику, направленную против России, и стремясь к захвату Закавказья, Ага-Мухаммед-хан потребовал

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 287.

² Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 189.

³ Там же. С. 190-192.

от феодальных владетелей Закавказья беспрекословного подчинения и начал сосредоточивать силы для похода. Правящие круги Англии и Франции стремились использовать Ага-Мухаммед-хана для борьбы с все возрастающим влиянием России на Востоке, толкая его на войну. Успешная внешняя политика Ирана встревожила правящие круги России. Главнокомандующему на Кавказе И.В. Гудовичу был дан приказ снабжать «артиллерию и другими военными припасами или же силою подкреплять царя Ираклия и других ханов, употребляя к тому войско»,¹ против которых шли войска иранского правителя.

Генералу И.В. Гудовичу также повелено было известить Ага-Мухаммед-хана, что, если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то должен отказаться от притязаний на «области, Каспийскому морю прилежащие» и владения, «российскому подвластных: царя картлийского, шамхала Тарковского, уцмия Кайтага, ханов дербентского, бакинского, тилишинского, шушинского и чтобы он согласился установить границу между Россией Ираном»². Тем самым Россия брала под защиту и покровительство народы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Однако вопреки всему этому, ободренный успехами внутри Ирана и подталкиваемый западно-европейскими эмиссарами Ага-Мухаммед-хан с огромной армией, которой командовали французские офицеры, перешел реку Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана Карабахского³.

В то же время активизировала свою деятельность Турция, которая под видом защиты своих границ в Ахалцыхский, Карский, Баязетский и другие пашалыки отправила «артиллерию, жизненные и паче воинские припасы». Вместе с тем Порты отправила Ага-Мухаммед-хану «150 тыс. кулей пшеницы, мас-

¹Левиатов В.Н. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 165.

²Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 331.

³Мирза Джамал Карабахский. История Азербайджана. Баку, 1959. С. 78-79.

ло, баранов и прочаго на продовольствие войск».¹ Все это, как отмечал академик П.Г. Бутков, ясно доказывало «существующее между персами и турками согласие»².

В течение короткого времени Ага-Мухаммед-хан осадил крепость Шушу, захватил Карабах, Гянджу и вторгся в Грузию. После взятия Тбилиси Ага-Мухаммед-хан потребовал от народов Дагестана покориться ему,³ в противном случае грозил смертью, разорением и разрушением сел и деревень подобно тому, какое учинил в Грузии.

Требования правителя Ирана взволновали жителей Дагестана. Кадий Табасаранский, шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, Али-Султан Дженгутайский и другие «крайне встревоженные», собрались на общий совет и единогласно отклонили требования персидского завоевателя, «положили принять все меры к оказанию сопротивления» и обратились «о помощи к России»,⁴ которая не хотела допустить того, чтобы Персия овладела Кавказом.

Поход Ага-Мухаммед-хана в Грузию произвел шокирующее впечатление на владетелей Дагестана, к которым были отправлены посланцы шаха с требованием признать подданство Ирана. Дербентский Ших-Али-хан никак не мог принять одну из сторон. В конечном итоге он перешел на сторону Ирана, тем самым, получая перспективу от шаха при содействии Ирана воплотить мечту отца и объединить Азербайджан.

Дагестанские владетели единодушно согласились в октябре 1795 г. организовать оборону и содержать стражи в таких пунктах, «с коих удобно бы можно было Ага-Мухаммед-хану проникнуть к ним со стороны берегов реки Куры и между тем зывали о пособии к России»⁵.

¹ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 164.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 343.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. С. 242.

⁴ ЦГА РД. Ф.150. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 18-19.

⁵ Там же. Л. 29.

В октябре 1795 г. вахмистр Абдулла Садыков был отправлен к владетелям Дагестана с письмами Гудовича для «склонения их к твердому противодействию Ага-Мухаммед-хану». Через месяц Гудович получил повеление от императрицы в случае, если Ага-Мухаммед-хан вступит в Ширван и займет Шемаху и Баку, то следует «занятием Дербента от войск наших оградиться безопасностью и не оставить без покровительства шамхала тарковского, усмиа каракайтагского и самого хана дербентского. Сие действие отлагаемо, однако было к весне 1796 года, по учинении всех нужных приготовлений и по принятии надлежащих мер»¹.

Согласно полученному приказу, генерал И.В. Гудович послал в Дербент отряд под командованием генерал-майора Савельева. Дагестанским владетелем было предложено собрать «милицию» и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, на что табасаранский кадий вместе с шамхалом и усмием изъявили готовность исполнить указания главнокомандующего. Савельеву было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать кадию Табасаранскому 500 руб.²

Дорога, по которой должен был пройти отряд Савельева, была труднопроходимой. Проводником вызвался быть сам табасаранский кадий, желавший быть союзником России³. Несмотря на их усилия, они не смогли овладеть Дербентом. Вследствие этого генерал-майор Савельев получил приказ от генерал-поручика графа В.А. Зубова, командующего экспедиционным корпусом, отступить от Дербента, что он и сделал в конце марта расположившись при речке Дарваг, во владениях кадия Табасаранского, где ожидал прибытия основных сил.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 348.

² Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. С. 248; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2006. С. 132.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. С. 242.

15 апреля 1796 г., не ожидая окончательного сбора, с отрядом численностью около 12 тыс. человек В.А. Зубов выступил на юг. Горцы Дагестана радушно встречали движущиеся на юг русские войска, оказывали им посильную помощь, за свой счет чинили и строили заново мосты через реки, привозили провиант. Табасаранский кадий Рустам-кади, как и шамхал Тарковский Магомед-хан и кайтагский уцмий Рустам-хан, присоединился к отряду В.А. Зубова¹. И.В. Гудович отправил письмо к табасаранскому кадию Рустаму, в котором писал, что «радуется усердию и верности, оказанным им присоединением своих войск к отряду Савельеву. Что такое поведение его не останется без вознаграждения ... »².

В.А. Зубов, зная, что в Дербенте происходит «борьба партий», отправил к Ших-Али-хану парламентариев с предложением «сдаться на милость России». Но это не имело успеха. Подошедшие к Дербенту передовые отряды русских войск были встречены огнем. Однако взять город штурмом не удалось. «Лишь при содействии Рустам-кади генерал Булгаков с русскими войсками до 10 тыс. человек перебрался по Дарвахскому ущелью через леса по перевальной дороге и того же года в третий день мая месяца направил войско на город Дербент с южной стороны»³. Видя безвыходность ситуации, Ага-Мухаммед-хан отступил назад.

Шейх Али-хан (Ших-Али-хан), несмотря на требования жителей о добровольной сдаче города русским войскам, рассчитывая на помощь Персии, отказался это сделать, ушел в Муган, а оттуда в Иран⁴. Далее он вынужден был вернуться в Дербент, но видя неизбежное взятие российскими войсками

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 144.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 20

³ Дубровин Н. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. 1874. № 2-6. С. 76.

⁴ История Дагестана. Т. II. С. 11.

Дербента, скрылся в Ахтынских горах, опасаясь наказания со стороны России за антироссийские действия¹.

Борьба Ших-Али-хана против русских войск с самого начала была обречена на провал. Не только потому, что силы были неравны и не оправдались надежды на помощь, обещанную ему Ага-Мухаммед-ханом, но и потому, что среди знатных жителей Дербента были сильны и многочисленны сторонники сближения с Россией².

Известие о взятии Дербента распространилось по всему Дагестану «... и все горские владельцы, до сих пор непрязненные России... спешили в лагерь главнокомандующего». «Мы пребывали, говорили, с дербентскими владельцами в дружбе, а как теперь Дербент состоит под властью Всероссийской монархии, то мы не преминем служить России лучше, чем дурбенским владельцам»³.

После взятия Дербента и пленения Ших-Али-хана правительницей города была назначена Периджа-ханум. В Дербенте был оставлен гарнизон под командованием г.-м. Савельева, а армия, покинув город и соединившись с бригадой Булгакова, двинулась по направлению к Кубе. Население Кубы приветствовало появление русских и вручило главнокомандующему ключи от города⁴.

Весь край от Дербента до Шемахи и Ганджи оказался под контролем русских войск. За весь период с весны до осени 1796 г. они нигде не встречали сопротивления со стороны местных владельцев. Такие крупные дагестанские владельцы, как шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, табасаранский кадий и другие выступили на стороне России.

Между тем 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. На российский престол вступил ее сын Павел I. С приходом к власти он изменил всю внутреннюю и внешнюю поли-

¹ Серебров А.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 193.

² История Азербайджана. Т. I. С. 377.

³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. III. С. 121-122.

⁴ Там же. С. 132.

тику своей матери. Так, он велел вывести российские войска из Закавказья на исходные рубежи, тем самым, оставив своих сторонников на Кавказе одних перед лицом иранской агрессии. Воспользовавшись этим обстоятельством, Ага-Мухаммед-хан стал готовиться к новому вторжению на Кавказ. Почти во все владения Кавказа были разосланы фирманы, в которых уход русских войск он объяснял страхом перед персидским оружием: «Не безызвестно вам, какой успех я имею в Хоросане, и вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущаго им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять, в немалой робости и разстройке. Верьте, что я буду скоро в Азербайджане, и всегда не оставлю послушных мне моею милостию, а противников строго буду наказывать»¹.

С декабря 1796 г. по июнь 1797 г. русские войска покинули завоеванный край. Прекращение столь успешно протекавшего похода было, несомненно, «необдуманном шагом»².

Весть об уходе русских войск была по-разному воспринята на Кавказе. Обрадованный этим Ага-Мухаммед-хан писал, обращаясь к шамхалу Тарковскому и ко всем дагестанцам, что русские «... убоясь могущаго им последовать одоления, принуждены были возвратиться вспять, будучи не в малой радости и разстройке»³.

Ага-Мухаммед-хан готовился к новому походу на Закавказье и в Дагестан. Однако осуществить задуманное Ага-Мухаммед-хану не удалось. В июле 1797 г. он был убит своими слугами⁴.

После прекращения иранской агрессии в 1797 году создавалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России. Многие дагестанские владельцы обратились к России с просьбой о принятии их в подданство. Об этом писал

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 425.

² Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 171.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 169.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С.147.

уцмий Кайтагский Рустем, заодно просивший вернуть принадлежавшие ранее уцмийству деревни вблизи Дербента и право сбора пошлин в дербентских воротах, которым когда-то пользовался уцмий Амир-Гамза¹. Просьбы эти были удовлетворены².

Шамхал Тарковский Баммат просил в своем обращении к русским властям признать шамхалом его сына Мехти, так как он сам уже стар³.

Однако шахское правительство наметило план совместного наступления отрядов шемахинского, шекинского, дербентского и казикумухского владетелей против России.

В 1798 г. воспользовавшись болезнью Ших-Али-хана и слухами о его смерти, Сурхай-хан Казикумухский вместе со своим сыном Нухбеком захватил Кубинское ханство. Это вызвало возмущение других владетелей Дагестана. Поэтому на просьбу Ших-Али-хана о помощи откликнулись акушинцы, кайтаги, табасаранцы и др. Это противостояние нарушило внутреннюю целостность феодальных владений. Шамхал Тарковский поддержал Ших-Али-хана, его брат Гасан-Али, находившийся во враждебных отношениях с ним, перешел на сторону Сурхай-хана. Вместе с ним перешли Рустам-кади Табасаранский и уцмий Рустем-хана⁴.

Так, во всеподданнейшем рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга 28-го мая 1800 г. отмечалось, что уцмий и кадий «вызвав от казикумухского Сурхай-хана бывшего под защитою у него Хасан-хана, меньшего брата дербентского Ших-Али-хана, восстановили в г. Дербенте ханом, чем многие жители Дербента были недовольны». На это кадий Табасаранский и уцмий Каракайтагский объявили, что «они владетеля у себя имеют по согласию Ших-Али-хана и что они желают обоим со-

¹ Левиатов В.Н. Указ. соч. С. 151.

² Там же. С. 153.

³ Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 447.

⁴ Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. 2. С. 274.

рящимся братьям добра, употреблять все свои старания на примирение их ...»¹.

К тому времени к Дербенту начали подтягиваться войска Ших-Али-хана и шамхала Тарковского. Узнав о движении войск Ших-Али-хана и шамхала Тарковского, кадий Табасаранский и уцмий Рустем-хан приготовились к обороне. Видя всю сложность затеи с возвратом Дербента, шамхал Тарковский, не желая войны, заявил, что шел только с целью помирить братьев. Тогда уцмий Каракайтагский отвел свои войска, а войско кадия Табасаранского продолжало оборонять город от Ших-Али-хана².

instituteofhistory.ru

Ших-Али-хан, как вскоре выяснилось, вел двойную игру. Внешне придерживаясь русской ориентации, он тайно вел переговоры с Персией и Турцией. Об этом вскоре узнали приверженцы России, которые сообщили об интригах «своего» владельца генералу К.Ф. Кноррингу. Поэтому 23 июля 1800 г. на просьбу дербентских посланцев от Гасан-хана об утверждении его ханом Дербента было получено разрешение К.Ф. Кнорринга. Тогда Ших-Али-хан вынужден был изменить или сделать вид, что изменил внешнеполитическую ориентацию, благодаря чему сумел сохранить за собой лишь Кубинское ханство.

При царе Александре I Россия стала проводить более активную политику в отношении Дагестана и Кавказа в целом. Рескрипт Александра I на имя командовавшего кавказскими войсками России Кнорринга предписывал установить между упомянутыми ханами, горскими владетельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие, стараться их объединить на случай наступления иранских войск. Подписанный горским феодалами 26 декабря 1802 г. Георгиевский договор³ должен был урегулировать их взаимоотношения и отношения с Россией.

instituteofhistory.ru

¹ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т. 1. (Далее – АКАК). С. 642-643.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 275.

³ История Дагестана. Т. 2. С. 15.

Своевременность этих принятых мер проявилась в ходе разразившейся в 1804 г. русско-иранской войны (1804-1813 гг.). Военные действия развернулись успешно для России. Планы шаха поднять весь Дагестан против России провалились.

Что касается собственно Дербентского ханства, известно, что жители Дербента еще ранее выгнали враждебного России Ших-Али-хана и в 1804 г. вышли из города навстречу русским. Но в феврале 1806 г. командующий царскими войсками П.Д. Цицианов был убит в Баку. Это вызвало замешательство среди царского командования. Но вскоре ген. граф. И.В. Гудович, назначенный главнокомандующим войсками на Кавказе, исправил положение.

В Дербентское ханство были двинуты войска во главе с ген.-л. Глазенапом. С приближением русских войск к Дербенту в городе усилилась борьба сторонников и противников Шейх-Али-хана. Сам он покинул город и находился в бегах до смерти в 1821 г.¹

Жители Дербента послали к русскому командованию своих аманатов, «... передавая себя в совершенное подданство России»². После этого канонада и прочие военные действия были прекращены. 21 июня 1806 г. русские войска вступили в Дербент. В предписании к г.-л. Глазенапу И.В. Гудович сообщал, что он ходатайствовал перед царем о награждении шамхала Мехти за усердие и верность титулом хана дербентского и частью территории ханства³. В сентябре того же года Мехти-шамхалу была прислана высочайшая грамота о пожаловании его в достоинство хана Дербентского. Ему было дано право «пользоваться всем доходами ханства Дербентского по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента и доходов онога, которые должны поступать ... в казну»⁴.

¹ Козубский Е.И. Указ. соч. С. 132; История Дагестана. Т. II. С. 65.

² Известие о взятии Дербента российскими императорскими войсками. СПб., 1806. С. 24.

³ АКАК. Т. III. Д. 162. С. 90.

⁴ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 188.

Как отмечается в «Истории Дагестана», 21 июля 1806 г. русские войска без боя вступили в Дербент. Жители города были приведены к присяге «на вечную верность и подданство России». За оказанную верность русское командование объявило дербентцам благодарность и освободило их от подводной повинности. 23 августа Дербентское ханство было передано в управление тарковскому шамхалу Мехти¹.

После этого русские войска двинулись к Баку, взяли его без боя 3 октября 1806 г. На очереди стояло взятие Кубы. Когда русские войска во главе с ген. Булгаковым подошли к городу, к нему обратился Ших-Али-хан с просьбой простить «ошибки» и привести его к присяге. Булгаков занял без боя Кубу и отстранил Ших-Али-хана вообще от управления ханством. Ему было разрешено проживать безвыездно в своей деревне. Но он со своими единомышленниками бежал к Сурхай-хану Казикумухскому.

В свою очередь, русское правительство, зная о намерении Ших-Али-хана восстановить свою власть, осторожно относилось к его заверениям восстановить свою власть. Так, в предписании гр. Гудовича ген. Булгакову от 11 октября 1806 г. говорится: «С особым удовольствием получил уведомление о покорении Кубы и приведение народа к присяге на верность подданства е.и.в. о письме Ших-Али-хана где он раскаивается, однако не верно, но вы постарайтесь под благовидным образом его иметь в своих руках я поставляю в известность е.и.в. Жителей города, если оной будет покорен без кровопролития, пощадить и обласкать, но не терпеть в крепости вооруженных и при въезде в город складывать оружие»². Этот документ говорит о многом, но прежде всего, показывает отношение российского командования к мирным жителям.

Далее в другом письме Гудовича от 19 октября 1806 г. на имя барона Будберга сказано, что «Ших-Али-хан выехал со

¹ История Дагестана. Т. 2. С. 19.

² АКАК. Т. 3. С. 392.

своими приближенными к ген. Булгакову, принося искреннее раскаяние, и в его присутствии принести его к присяге на вечное подданство е.и.в. Однако Ших-Али-хан не может уже быть оставлен на прежнем месте, поэтому оставить его на время в Кубе, чтобы он исправно исполнял свои обязанности, в дальнейшем если у него плохие замыслы, отказать ему в ханстве»¹.

Итак, отношение русских к Ших-Али-хану теперь было очень осторожным и, как было сказано выше, ему не очень доверяли. Об этом красноречиво свидетельствует предписание гр. Гудовича ген. Гурьеву от 3 июня 1807 г. «Ших-Али-хана продолжайте ласкать, а между тем держите онаго в известности и усердия для Российского правления. Не упускайте случаев уверять его, что владение его еже никогда из наших рук не выйдет, а потому и оставить бы уповать на персиян и сноситься с ними. Он не может надеяться достигнуть ханства Кубинского, пока не придет ко мне, ибо на таковое важное достоинство должен он принять присягу в присутствии моем»².

События в Южном Дагестане в период русско-иранской войны не нашли должного освещения в отечественной историографии. Больше всех внимание этому вопросу уделяли военные историки, которые описывали военные действия на Кавказе и истории полков, частично касались они и этих событий. Но они освещали события односторонне, ими не прослеживалась связь выступления Ших-Али-хана с планами ослабления России и угрозы интересам его соперников на международной арене, главным образом Англии.

Таким образом, предметом внимания дореволюционных военных историков служила лишь внешняя сторона событий. Вполне понятно, что они, оправдывая национальную и социальную политику самодержавия, недооценивали роль южнодагестанских и азербайджанских ополчений против отрядов Ших-Али-хана. Между тем роль населения южнодагестанских ханств

¹ АКАК. Т. 3. С. 394.

² Там же. С. 611.

в деле присоединения его к России и в последующей борьбе против восстановления власти Ших-Али-хана очень велика.

Разбитый совместно ополченцами и русскими войсками в начале 1809 г. Ших-Али-хан бежал в Табасаран. Оттуда он не прекращал свои набеги на жителей и на сторожевые посты русских войск. Шахские эмиссары с воззванием добрались до Ших-Али-хана и вдохновляли его от имени иранского шаха Фетх-Али шаха на борьбу с Россией. Более того, тегеранский двор послал Ших-Али-хану через Каспийское море много ценных товаров, золота и денег для усиления своих отрядов воинами из дагестанских племен¹.

В поддержку Ших-Али-хана выступали табасаранские беки. После ряда сражений Ших-Али-хан со своими войсками окружил Кубу и отрезал ее от остальных частей провинции. В это время русскими войсками, расположенными в населенных пунктах Южного Дагестана, командовал ген. Репин. Для противодействия отрядам Ших-Али-хана из Баку были направлены роты Севастопольского полка и ополчения, состоявшего из азербайджанцев и дагестанцев².

Отряд этот 13 августа 1810 г. достиг р. Гильгиль-чай, где встретался с трехтысячным отрядом Ших-Али-хана. Вступив в бой, русские пехотинцы и ополченцы имели даже успех. Однако нерешительность некоторых командиров вынудили отряды отступить. Это отступление было раздуто Ших-Али-ханом и его приверженцами, выдавая его чуть ли не за общее поражение русских войск.

Своими неудачами против Ших-Али-хана ген. Репин ослабил веру населения Дагестана, в том числе и Кубинской провинции, в способности русского правительства защитить его от разорений и притеснений ненавистного ему Ших-Али-хана.

Между тем, коварную роль по отношению как к русскому правительству, так и местному населению сыграли Мустафа-

¹ АКАК. Т. IV. Док. 986, 987.

² Там же. Док. 1014.

хан Ширванский, распространивший среди населения Южного Дагестана весть о возвращении Ших-Али-хана, «что одних привело в страх, а других в трусость и доблесть»¹.

Царское командование длительное время не предпринимало решительных действий для ликвидации все усилившегося восстания под руководством Ших-Али-хана. Укрепившись в табасаранской деревне Ерси, хан производил набеги на села Самурской долины, Кулар, Шихи-кент и т.д. В свою очередь, царское командование, располагая достаточными силами, не пыталось на решительные действия. А население не в достаточной мере видело поддержки русских войск и постепенно склонялось на сторону восставших. В свою очередь, этим воспользовались многочисленные эмиссары иранского шаха. Все это привело к тому, что выступление вылилось в крестьянское восстание. Продолжая бездействовать, царское командование решило «действительно признать Ших-Али-хана кубинским ханом», отдать ему во владение Кубу с принадлежавшими ей окрестными селами и трактатом вести его в подданство России².

Для укрепления своей власти царизм шел на все меры, вплоть до восстановления, хотя и временно, правления изгнанных феодалов. Так, царизм поступил с Шекинским ханством и Дербентом, так собрался поступить и на этот раз в отношении Ших-Али-хана.

Разумеется, подобное решение царского командования стало известно населению как Кубинской провинции, так и близлежащих сел Южного Дагестана. Весть о возвращении Ших-Али-хана всполошила местное население. В то же время приверженцы бывшего хана агитировали население поддержать его, а несколько беков даже перешли на его сторону.

Для оказания помощи царское командование направило в Кубу одну роту и конницу численностью 1000 сабель. По пути

¹ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С. 124.

² АКАК. Т. IV. Док. 986.

движения к этому отряду присоединились ширванские азербайджанцы, лезгинская конница в 100 сабель¹.

1 октября 1810 г. русская армия во главе с полковником Лисаневым и ополченцами, состоящими из лезгин и азербайджанцев, прибыла в русский лагерь, к караван-сараяу Догумли по дороге Шемаха – Куба. 4 октября русские войска в составе 800 штыков пехоты, 1000 сабель шекинской и лезгинской конницы и 200 казаков при двух орудиях нанесли первое поражение отрядам Ших-Али-хана у деревни Эрпели Кубинской провинции².

Освободив Кубу, русский отряд преследовал Ших-Али-хана до табасаранских владений, где в деревне Ерси Ших-Алихан со своими приверженцами укрылся.

В разгроме отрядов Ших-Али-хана особенно отличились русские отряды Троицкого, южнодагестанских лезгин и дербентское ополчение. Преследуя разбитые отряды Ших-Али-хана, Лисаневич прошел «с огнем и мечом» по мирным селениям. В донесении военному министру ген. Тормасов похвально отзывался о Лисаневиче, писал, что он «примерно наказав бунтовщиков и взяв от населения аманатов, возвратился в Кубу, где вся сия провинция преклонила свою повинную голову»³.

В конце октября 1810 г. отряд Лисаневича в сопровождении дружины уцмий Кайтага, отряда ополченцев из Самурского и Кюринского ханств, прибыл в Табасаран и атаковал село Ерси, откуда Ших-Али-хану снова удалось бежать в глубь Дагестана. За участие в этой операции дагестанские владельцы были награждены российским командованием⁴.

Тем временем Турция и Иран продолжали нагнетать обстановку. Не добившись успеха в борьбе с Россией, не находя сочувствия и поддержки среди народов Дагестана, иранские

¹ Бинсов А.Х. Указ. соч. С. 176.

² Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С. 234.

³ Там же.

⁴ Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. С. 214-215.

феодалы при прямом подстрекательстве и финансовой помощи Англии разжигали реваншистские устремления отдельных дагестанских и азербайджанских ханов.

В январе 1811 г. царская администрация обратилась к дагестанским народам, призывая их к покровительству России, обещая права свободной торговли, выезда и т.д., а в противном случае угрожала блокадой¹. Но эти призывы и предупреждения уже не изменили решения антироссийской коалиции во главе с Сурхай-ханом, Али-Солтан Дженгутайским, акушинцев и табасаранцев. Со всей стороны «Турция обратила внимание свое на дагестанские народы, чтобы восстановить их против России». А в марте 1811 г. к дагестанским народам обратился Фетх-Али шах иранский с призывом к изгнанию русских из Дагестана и Ширвана².

На Кавказ были вновь отправлены агенты, которые уже с помощью Англии должны были агитировать горцев воевать с Россией. Так, к Сурхай-хану приехали турецкие эмиссары с письмами от шаха, деньгами и лошадьми. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару, Курах и другие дагестанские общества были разосланы эмиссары, призывавшие их к священной войне³. Однако надежда шаха и султана на поддержку мусульманских народов Закавказья и Дагестана не оправдалась.

Несмотря на большие усилия и большие затраты, Ирану и Турции не удалось сколотить враждебную России армию из дагестанцев.

Наряду с подготовкой к организованному вторжению, отдельные отряды иранской армии разоряли азербайджанские и лезгинские села, наносили огромный экономический ущерб пограничным районам Южного Дагестана.

В это тревожное время царское командование придавало большое значение лезгинским пограничным ополчениям. Необходимость в постах признавалась и Тормасовым, который в

¹ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 140.

² Там же. С. 142.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 199.

письме к южнодагестанцам писал, что «без них (т.е. постов) нельзя отразить неприятеля, а без конных разводов нельзя быть предуведомленным о движении неприятеля»¹.

К концу сентября 1811 г. относится наиболее активное участие дагестанских ополчений в составе русских войск в Казахском, Шамшадильском, Борчалинском владениях, Ахтыпаринском, Кюринском округах, конного ополчения из дагестанцев. Каждый из округов владений выставил по тысячи всадников, а жители г. Дербента выставили большой конный отряд².

Таким образом, население Дагестана, учитывая малочисленность русских войск, выставляло конные и пешие отряды на границах. Внезапные нападения неприятеля на мирные села приучили крестьян к быстрым и решительным действиям против врага.

В свою очередь, на другом фланге русских войск, на северной окраине Азербайджана, в июне 1811 г. опять выступил Ших-Али-хан. Целью его выступления было стремление вернуть утерянные территории Южного Дагестана, т.е. Дербентско-Кубинское ханство. Получив указание, а главное и средства от Ирана и Турции, Ших-Али-хан развернул в Дагестане подрывную деятельность путем подкупа, запугивания и угроз. Нельзя не отметить очень важной роли и Азербайджана, в частности прикаспийской зоны, в планах Англии. Стремясь восстановить власть Ших-Али-хана, по прямому указанию и при непосредственной помощи англичан, шах решил прибрать к рукам путь через Каспий, что было в прямых интересах Англии.

Получив средства и указания, Ших-Али-хан вместе с Абдулла-беком Ерсинским, Магомед-кадием Табасаранским, вместе с акушинцами хотел захватить Хучни, за что обещал тем, что в этом деле поможет, дать по скотине. Люди Ших-Али-хана ездили по аулам Дагестана с требованием, чтобы из каждых двух домов один человек готов был идти к Ших-али-хану, «а

¹ Мурадов В.Д. Средневековые города Азербайджана. Баку, 1983. С. 101.

² АКАК. Т. V. Док. 251.

который не послушает, у того дом разорят и имение будет отнято»¹.

Собрав, таким образом, ополчение, Ших-Али-хан снова попытался начать военные действия против русских и овладеть Кубой. С помощью Абу-Бекра кадия акушинского и денег, посылаемых ему из Персии, успел вторично собрать акушинцев и с 8000 ополчения из Акуша, Табасарана и Казикумуха, соединившись с Нух-беком, сыном Сурхай-хана, пошел на Кубу².

В ноябре 1811 г. в сражении у населенного пункта Зейхур на реке Самур русский отряд под командованием Гурьева потерпел поражение. В Зейхурском сражении в составе русских войск участвовали ополченцы из ближайших лезгинских сел, а также конница из жителей Дербента. Русский отряд состоял из 1400 человек, в отряды Ших-Али-хана насчитывали до 8 тыс. человек в основном конницы. В этом бою русские солдаты и местные ополченцы, несмотря на проявленную храбрость и стойкость, потерпели поражение и потеряли более 300 чел. убитыми и ранеными, а 50 чел. попали в плен³. Одержав победу, Ших-Али-хан подошел к Кубе и занял сильную позицию в деревне Рустов. Для разгрома его войск из Ширвана в Кубинское ханство прибыл русский отряд под командованием Хатунцева. 21 ноября 1811 г. под деревней Рустов отряд Ших-Али-хан был разбит русскими, азербайджанскими и дагестанскими войсками и отброшен в горы⁴.

Таким образом, Кубинское ханство и некоторые села Южного Дагестана и на этот раз были избавлены от восстановления власти Ших-Али-хана. Планы иранского шаха и его английских покровителей потерпели крах и на этот раз.

«После этой победы, – пишет А.К. Бакиханов, – генерал-майор Хатунцев двинулся на Кюринское владение, предварительно склонив на свою сторону Аслан хана, сына Шах-

¹ АКАК. Т. 4. С. 163.

² Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. С. 150.

³ АКАК. Т. 4. Док. 234; 984.

⁴ АКАК. Т. 5. Док. 231.

мардана, бежавшего от своего дяди Сурхай-хана в Турцию, а затем у кайтагского уцмия»¹. Сурхай-хан в свою очередь, укрепившийся в деревне Шихи-кент, (Касумкентский район – Н.М.) был разбит и удалился в Казикумух.

Кюринское владение перешло под власть русских и было отдано Аслан-хану. Для поддержания его в Курахе был оставлен батальон русских войск.

После этого от разных обществ и магалов Самурской долины присланы были к Хатунцеву делегации почетных людей. Они заверяли о своей преданности и документально оформили вступление в подданство России вольных обществ Южного Дагестана – Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и др.²

Потерпев поражение, Ших-Али-хан снова обратился к царским властям с раскаянием. В рапорте от 5 мая 1812 г. командующего войсками в Дагестане М. Хатунцева главнокомандующему на Кавказе Ф.О. Пауллуччи о раскаянии Ших-Али-хана во враждебных действиях против России говорится: «Изменник Ших-Али-хан во враждебных действиях прислал ко мне с чиновником своим Магомед-беком письмо, в котором раскаяваясь в своих поступках против России, просит исходатайствовать ему прощение и милость у е.и.в. под державою которого желает он остаться навсегда непоколебимо верноподданным»³.

«Желая соответствовать таковой просьбе Ших-Али-хана, весьма для нас полезной, я отвечал ему также письмом и уверял через присланного от него чиновника, что совершенно искренне его раскаяние в его ветреных деяниях без сомнения исходатайствует ему ту великую милость и что я представил уже о сем».

Однако царское правительство отнеслось подозрительно к заверениям Ших-Али-хана, так как он такие обещания давал до этого неоднократно, но не исполнял их. Российские власти

¹ Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 79.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 200.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 143.

знали и о том, что он тайно продолжает поддерживать связь с Ираном и Турцией.

Следует отметить, что и после этого Ших-Али-хан неоднократно пытался привлечь дагестанских владетелей против России и это ему удавалось. Так, в рапорте генерал-майора Хатунцева генералу Ртищеву от 25 июля 1815 г. есть сообщение об обращении к Ртищеву, бывшему в Дербенте, Мехти-шамхала Тарковского с извещением о подготовке антироссийского возмущения во всем Дагестане. Тарковский Мехти-шамхал писал Хатунцеву, что «Абдулла-бек, будучи ближний родственник изменнику Ших-Али, получает от него разные подложные фирманы и, разглашая оные в Табасаране, приводит народ в сильное волнение... Мирза-кадий есть явный изменник и также из числа родственников Ших-Али, от чего и не может быть никогда к нам преданным. А потому полагаю удалить его навсегда из здешнего края в Астрахань или куда-либо в другое место; правление же Табасаранью я предписал до назначения настоящего кадия поручить надежнейшему из почетных тамошних беков, а изменника Абдулла-бека стараться захватить или же по крайней мере оттуда выгнать»¹.

В последующем отношения Абдулла-бека Ерсинского с российскими властями на Кавказе все обострялись и привели к кровопролитному сражению. Об этом генерал-майор князь Мадатов в рапорте генерал-лейтенанту Вельяминову от 15 августа 1819 г. из лагеря при селении Хучни писал следующее: «Покорив присягою на верность подданства России три магала верхней Табасаранской части, взяв конницу Аслан-хана Кюринского и часть табасаранцев совершил поход с 500 человек пехоты, 3-мя орудиями и 150 казаками к деревне Хучни, в которой находился изменник Абдулла-бек Ерсинский. Стремительно атаковав конницею деревню Хучни, в которую были собраны все жители с нижних деревень... В одном из сражений тяжело ранив Абдулла-бека, прогнал из Табасарана в Акушу... Покорил при-

¹ АКАК. Т. 5. С. 629.

сягою все остальные 6 магалов Табасарана на верность подданства» России¹.

После всего этого Хатунцев поручил управление Табасараном зятю шамхала Тарковского Абдур-Реззак-беку, который был назначен табасаранским кадием и взял клятвенное обещание старшин, кетхудов, улемов и вообще всех жителей Табасарана, подвластных майсуму и кадию, служить царю и быть ему верными². После 1823 г. управление Табасараном было вновь поручено бекам майсумского и кадийского происхождения³.

Что касается Абдулла-бека Ерсинского, то он в ночь с 27 на 28 апреля 1826 г. был подорван в своем доме сыном бывшего каракайтагского уцмия Адил-хана Хан-Магомед-беком. При этом погибли «сам Абдулла-бек, две жены его, две дочери, сын Али-бек и восемь душ обоего пола хозяев дома...»⁴. В награду за убийство Абдулла-бека Хан-Магомед-беку в управление были даны три терекемейские деревни.

Тем не менее, генерал Хатунцев окончательно пресек все враждебные действия дагестанцев и сумел успокоить их прежде, чем Аббас-Мирза подошел к российским границам⁵. После нанесения русскими войсками ряда поражений Ирану шах вынужден был начать переговоры о мире.

В этот период Россия, готовясь к войне с Францией, была заинтересована в скорейшем заключении мира с Турцией и Ираном. Однако в переговоры с ними старались вмешаться Англия, Франция и другие европейские государства.

Война России с Францией тяжело отразилась на России в этот период. В свою очередь, Наполеон не забывал о привлечении Ирана на сторону Франции, за это они обещали под власть Ирана вошедшие в состав России территории Азербайджана, Южного Дагестана, Грузии и Армении. Фетх-Али-хан (иран-

¹ АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 72.

² Там же.

³ Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 315.

⁴ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 70.

⁵ Дубровин Н.В. Указ. соч. Т. 4. С. 30-31.

ский) и особенно его Аббас-Мирза, вдохновленные отходом русских армий и вступлением французов в Москву, стали открыто требовать возвращения Ирану Азербайджана и других областей Дагестана, вошедших в состав России с 1801 по 1812 г.

В октябре 1812 г. 30-тысячная иранская армия под командованием Аббас-Мирзы двинулась к границе Южного Дагестана, надеясь нанести удар по русским войскам. Но планам Аббас-Мирзы не суждено было осуществиться. Вместе с русскими на защиту встали ополченцы из дагестанцев. Местное население, упорно обороняясь, стойко удерживало свои позиции.

Учитывая складывающуюся обстановку, русские войска первыми атаковали армию Аббас-Мирзы. За два с половиной месяца иранская армия понесла огромные потери, потеряла всю свою артиллерию, а также г. Микорань¹. Испугавшись дальнейшего продвижения русских в глубь Ирана, Англия уже теперь сама ратовала за скорейшее заключение мира между воюющими сторонами.

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в девятидневный срок был подписан трактат между Россией и Персией². По Гюлистанскому договору за каждой стороной сохранились те земли, которые в тот момент находились под их властью. К России перешли Дагестан, Грузия, Кубинское, Ширванское, Талышское ханства, а также исключительное право держать военный флот на Каспийском море³. 21 мая 1814 г. в Париже Гюлистанский договор был ратифицирован Александром I.

Тем самым подтверждалось присоединение к России всего кавказского побережья Каспийского моря от устья Терека до Астары и почти всего Северного Азербайджана до р. Аракса и Зангезурского хребта. Под властью Ирана оставались Эриванское и Нахичиванское ханства. Таким образом, Гюлистанским

¹ Абдурахманов А. Указ. соч. С. 164.

² АКАК. Т. 5 . Ч. II. С. 736.

³ Там же.

мирным договором был завершён первый этап присоединения Азербайджана и Дагестана к России.

Характерным для периода русско-иранской войны 1804-1813 гг. является то, что в борьбе против иранских захватчиков участвовали не только иррегулярные воинские формирования, но и все население ханств и провинций, защищая свое Отечество. Все это убедительно свидетельствует о тяготении дагестанских и других народов Кавказа к России еще в начале XIX в.

В результате подписания Гюлистанского мирного договора и установления государственной границы между Россией и Ираном, которая в основном проходила по территории Азербайджана и Дагестана, оставалось еще не размежеванное пространство, что и послужило предметом дальнейших споров между Россией и Ираном. Иран после подписания Гюлистанского договора продолжал удерживать за собой некоторые территории, принадлежавшие России по условиям договора. Россия же, в свою очередь, продолжала занимать северо-западное побережье от Севан – Эриванское ханство.

В своих планах войны с Россией иранская верхушка главную надежду возлагала на народные массы – на мусульман Азербайджана и Дагестана. Эмиссары из Тегерана, проникавшие в Дагестан, распространяли ложные слухи. Они составляли ложные письма шаху, в которых от имени азербайджанцев и дагестанцев просили о помощи для защиты ислама.

Однако факты из документов о русско-иранской войне 1826-1828 гг. свидетельствуют о ратном содружестве азербайджанского и дагестанских народов в борьбе против общего врага – иранских завоевателей.

Достаточно сказать, что в течение этой войны почти все полки и бригады отдельного Кавказского корпуса, действовавшие на территории Южного Дагестана, получали от местного

населения продовольствие, фураж, лошадей, вьючных быков, пользовались гужевым и речным транспортом¹.

О существенной поддержке, которую оказывали дагестанские народы русской армии в перевозке продовольствия, фуража, боеприпасов, раненых и больных солдат, говорят многие факты. Так, например, в своем рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса о дагестанских деревнях Самурской, Хачмазской и других провинций один из русских офицеров писал: «Не брать с проезжающих русских при нынешней дороговизне и при очевидной бедности жителей введено в такое обыкновение, что я с трудом мог заставить брать от меня следуемое»². В походном журнале другого русского офицера, участника боев 1827 г., записано: «жители... спешили доставить в отряд русских войск разные съестные припасы, хотя сами в них почти нуждались»³. Разумеется, не следует все виды материальной поддержки со стороны населения Дагестана относить на счет добровольных пожертвований. На разных этапах войны, в зависимости об обстановки и отношения царского командования к населению, эта поддержка выражалась и в виде купли-продажи тех или иных продуктов или даже временами носила характер реализации, принудительной поставки транспорта, скота, хлеба и других видов материального снабжения армии. Но часто имел место и элемент добровольности.

19 июля 1826 г. огромная иранская армия, состоявшая из многочисленной регулярной пехоты, кавалерии и имевшая большое количество орудий, под командованием Аббас-Мирзы, внезапно, без объявления войны, вторглась в пределы Приморского Дагестана. Перед самым началом войны Отдельный Кавказский корпус был соединен двумя линиями: Военно-Грузинской дорогой и приморским путем от Баку до Дербента. Таким образом, войска, расположенные в Азербайджане и Да-

¹ Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI-XVIII в. Баку, 1954. С. 203.

² Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения в XVII-XVIII в. Баку, 1963. С. 89.

³ Там же. С. 108.

гестане, были почти изолированы от войск, расположенных на Северном Кавказе. Это ставило войска Отдельного Кавказского корпуса, противостоящие противнику, в невыгодное положение, ибо их приходилось дробить на отдельные отряды, что ослабляло ударную силу главной группировки войск, действовавших на главном направлении.

Эта многочисленная русская пехота, насчитывавшая не более 7 тыс. штыков, противостояла огромной иранской армии. Начало русско-иранской войны было весьма неудачным для России, войска которой потерпели ряд поражений из-за своей малочисленности и раздробленности на мелкие отряды. Русские солдаты, дагестанские ополченцы активно действовали против неприятеля. Население окрестных сел оказывало вооруженную поддержку русским войскам¹.

Из Старой Шемахи Кюринского округа и окрестных сел в помощь русским войскам была направлена кюринская конница численностью в 300 сабель, которая приняла активное участие в обороне Старой Шемахи, при разгроме иранских войск².

В свою очередь, Ширванская провинция в планах иранских захватчиков занимала особое положение. Не менее важное значение придавало Ширвану и Южному Дагестану и русское командование, исходя из стратегических и политических особенностей этой провинции, находившейся на границе Дагестана и занимавшей центральное положение по отношению к другим ханствам.

С 26 июля по 8 августа 1826 г. небольшой русский отряд совместно с южнодагестанской конницей вел ожесточенные неравные бои с многочисленной иранской армией. В боях против иранских войск ярко проявилось ратное содружество русских и дагестанских воинов. Несмотря на усилия иранского шаха и англичан поднять народы Дагестана против России, положительных результатов они не дали, а планы англо-иранских захватчи-

¹ Абдурахманов А. Указ. соч. С. 180.

² Там же.

ков провалились. И даже в такой критический момент для русских войск, когда в Кубе проирански настроенная феодальная знать подняла 18 сентября 1826 г. восстание, Дагестан отказался участвовать в восстании против России¹.

«В Кубинскую провинцию, – писал Ермолов, – подписан Аббас Мирзою, также сын бывшего дербентского Ших-Алихана (Беюк хан), известного злодея, умершего в боях. Доселе весьма немногие присоединились к нему, кроме того, в Кубинскую провинцию прибыли под командою Шихали-Мирзы, 2 тыс. воинов иранских, 50 орудий, 800 чел. персидской конницы, 400 человек дагестанцев, а один из сыновей шаха был направлен в Дербент и в Кубу для возмущения народа, но значительная часть жителей в провинции не изменили верности России»².

В целом в этих жестоких боях неприятель был не только разгромлен, но и отброшен далеко за пределы Южного Дагестана.

В результате активных действий русских войск и дагестанских ополченцев восстание в Кубинской, Дербентской провинциях, охватившее всю территорию Южного Дагестана, было подавлено.

В своем рапорте в Петербург Ермолов писал: «... если большая часть беков была в самой гнусной измене, то простой народ был обрадован изгнанием ханов»³.

В начале декабря 1826 г. Аббас-Мирза с помощью восставших феодалов Азербайджана и Дагестана спровоцировал выступление лезгинского населения, граничащего с Шекинской провинцией, и двинул на Нуху значительный отряд с целью восстановления ханского правления, претендентом на которое был Гусей хан. На защиту Шекинской провинции выступило почти все ее население. Шекинцы сформировали конное опол-

¹ Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С. 116.

² Цит. по: Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан. С. 183.

³ Рахмани А.А. Указ. соч. С. 217.

чение и, вооружив его, выставили к своим границам. В этот период в Шекинской провинции русского гарнизона не было, а отряд русских войск под командованием Ермолова прибыл в Нуху лишь 9 декабря 1826 г., когда неприятель уже отказался от своего намерения из-за активных действий шекинской и лезгинской конницы.

В этих военных действиях, как было указано выше, совместно с русскими войсками участвовали ширванская, кубинская и южнодагестанская конница, состоявшая из отборных воинов.

Таким образом, к началу 1827 г. все провинции Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана были очищены от вражеских захватчиков.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV

Торговые связи Дербентско-Кубинского ханства во второй половине XVIII – начале XIX в.

§ 1. Дербентско-Кубинское ханство как центр региональной и международной торговли на западном побережье Каспия в XVIII – нач. XIX в.

Важную роль в экономике Дербентско-Кубинского ханства в рассматриваемый период играла торговля. Будучи единственным портом в Дагестане, Дербент был связан не только со всеми районами Дагестана, но и со многими странами, с которыми установились и поддерживались торговые связи. Этому способствовали удачное географическое и геополитическое положение города и наличие у него крупного морского порта.

Издавна были налажены торговые связи Дербента с Россией. Особенно широкие торговые связи существовали между Дербентом и городами Центральной России. Еще при царе Алексее Михайловиче в 1667 году и при Петре I в 1710 и 1720 гг. были заключены договоры с армянской торговой компанией, которая обязывалась вывозить из Ирана и Азербайджана через Дербент, Тарки, Терскую крепость и Астрахань в Россию и дальше в Западную Европу шелк-сырец и другие восточные товары морем и сухопутной трассой. От Астрахани до Москвы товары должны были везти под охраной русского конвоя¹. Эти договоры способствовали оживлению торговых связей Дербента с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Россией, а также с северокавказскими народами.

В этот период возросла роль Дербента и как посредника в торговле России с Персией и странами Закавказья. Дербент стал

¹ Ашурбейли С.Б. Очерки истории средневекового Баку, 1964. С. 216.

своего рода перевалочной базой для товаров, которые привозились из России на судах до порта Дербент, откуда их далее везли сушей в Баку и т.д.

Суда с товарами русских купцов ходили из Астрахани в Тарки, Дербент, Низовую и Гилян, откуда они возвращались в Астрахань с восточными товарами¹. Нередко на русских кораблях товары везли и купцы восточных стран. Из пристаней на дагестанском побережье Каспия первое место принадлежало Низовой (Низабат), возле которой на берегу шла «бесперывная ярмарка между российскими и персидскими купцами»².

Однако состояние пристаней Дербента и Низовой не отвечало требованиям мореплавания и морской торговли. Дербентская пристань была мелководной, открытой всем ветрам и практически не была оборудована для приёма судов, которые садились прямо на мель, потом их владельцы свои плоскодонные суденышки «с великой нуждой по песку стягивали»³. Петр I высоко оценил значение Дербента и его порта, поскольку находясь здесь в 1722 году, «вызвали ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань». Перед отъездом из Дербента в Москву Петр I приказал Матюшкину «делать» в Дербенте гавань по чертежу, придавая этому делу важное значение⁴.

Такое внимание Петра I к Дербенту объяснялось тем, что «Россия вывозила из персидских провинций, в том числе из Дербента, шёлк-сырец, хлопчатую бумагу, парчи шёлковые и бумажные, овчинки, пшено, фрукты и т.д. А из России потребны в Персию товары, сукна галанские, стамеды, штофы, кружева серебряные, позумент, кружевы нитеные, полотна, крашенина, иглы, бумага пишная, кожи телятненные, красные и черные, также и сырые кожи, мехи и горностаевы соболи, корольки красные, янтарь хрустальной, заповедные товары – сталь, желе-

¹ Чулков М. Описание российской коммерции. Т. II. С. 96-71.

² Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 37.

³ Белевы путешествия... С. 177.

⁴ Комаров В. Персидская война 1722-1725 гг. М., 1867. С. 48.

зо тазовое и протчая, медь, олово, свинец... Хотя оные и заказано провозить, однако же оных вещей провозят не мало»¹.

Петр I хотел создать удобную пристань для того, чтобы иметь возможность всегда вывозить все эти товары на больших морских судах, которые к Дербенту не могли подходить близко ввиду отсутствия гавани, порта и из-за мелководья берега².

Особое значение в XVIII – нач. XIX в. для Дербента имела морская торговля. В конце XVII в. торговля России с Персией значительно расширилась. Видное место в ней стал занимать Дербент, поскольку ставшая «средоточием персидской торговли» на Каспии Астрахань «вела её главным образом через Дербент»³.

Кроме собственно коренных дербентских купцов, в городе проживало большое количество армянских, персидских, грузинских и индийских (индусских) купцов, торговцев и т.д. «Кроме воинских людей, грузинов и индийцев», – писал ещё И. Гербер⁴, – армянских семей в городе было сто, а всего в городе во второй половине XVIII в. было 4 тыс. дворов⁵. По сведениям П.Г. Буткова от 1796 г., в Дербенте насчитывалось «домов персидских 2096 и 93 армянских»⁶.

Иноземные купцы занимались посреднической торговлей. Необходимо отметить, что многие из них жили здесь со своими семьями, жили более или менее постоянно, наладив тесные связи с местными купцами и населением. Аналогичная картина наблюдалась и в Астрахани, где восточные купцы становились нередко подданными русского царя⁷.

¹ Зевакин Е.С. Указ. соч. С. 10.

² Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 202.

³ Козубский Е.И. Указ. соч. С. 68.

⁴ Гербер И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

⁵ Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 14.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 202.

⁷ Пальмов Н.Н. Астраханские архивы. «Индейцы» (индусы в Астрахани по данным XVII-XVIII вв.) / Записки Института востоковедения АН СССР. 1934. Т. II. Вып. 4; Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3.

Среди товаров, ввозимых в Дербент из Астрахани, следует особо выделить сахар головной, белое железо, медь зеленую, кожи, меха, сукна, ткани, бумагу¹. Товары возили в основном на дербентских «струшках» – небольших морских судах.

О характере торговли между Дагестаном (Дербентом) и Россией говорят следующие данные. По сведениям В.Г. Гаджиева, 20 июня 1776 года, например, был отпущен из Астрахани в Дербент «торговый человек Фуручка Эселбеков, в своих двух струшках с товаром... А товару в тех струшках: 103 юфти кож... 4 половинки сукна кипного, 7 аршин сукна полукармазину черного, полтретья пуда пуху гусяного, зеленой меди 4 пуда; 4 тыс. булавок, 4 тыс. игол, 10 зеркал, 4 стамеду, половина сукна английского и 100 овчинок курпечатых, мех куней большой, 6 тарелок оловянных»². В дальнейшем выросли заметно количество и ассортимент вывозимых из Астрахани в Дагестан товаров: «Из российских товаров по большей части продавались: сукна, полотна, юфты и разные мелочи, как: иглы, наперстки, зеркала и пр.»³.

Из Дербентско-Кубинского ханства вывозили в Россию и Европу в основном шёлк-сырец, шафран, марену, изделия ремесленников (ковры).

Дербентско-Кубинское ханство играло крупную роль и во внутренней торговле Дагестана. Отсюда вывозили в горы Дагестана «хлеб, сорочинное пшено, шёлк, хлопчатую бумагу, соль, нефть»⁴. Источники XVII в. говорят о том, что Дербентское ханство с «уездами» является житницей Южного Дагестана. Гербер, например, писал, что «сей уезд... всю Ширван, Шемаху и часть Дагестани удовольствует пшеницею, ячменем и пшеном...»⁵. Росту роли Дербентско-Кубинского ханства во внут-

¹ Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958. С. 332-342.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 93.

³ Соймонович Ф.И. Указ. соч. С. 38.

⁴ Полиектов М.Е. Указ. соч. С. 289.

⁵ Гербер И.Г. Указ. соч. С. 289.

редагестанской и внешней торговле способствовало в первую очередь его удобное географическое положение на прикаспийской торгово-стратегической трассе, издавна связывающей Иран и страны Закавказья с Россией и через нее со странами восточной Европы. Этот путь был хорошо знаком русским купцам, что видно из росписи приказа Тайных дел, в которой сказано: «А от Астрахани до Терека сухим путем 7 дней..., а Андреева деревня – 1 день, до Тарков – в 2 дня, до Буйнаков – 2 дня, до усмия – 1 день, до Дербени – 1 день, до Шемах – 5 дней, до Баки – 7 дней...»¹. В той же росписи указан подробный маршрут по Каспийскому морю.

Дербент был связан целой сетью дорог и с внутренним Дагестаном. Через него проходил важнейший торгово-стратегический путь по линии р. Самур – Курах – Рича – Кумух – Чох – р. Андийское Койсу – Чечня. Этот путь, названный Б. Малачихановым «великим путем народов»², имел огромное значение в хозяйственной жизни внутреннего Дагестана. По этому пути стекались в Дербент предметы ремесленного производства и излишки продуктов животноводства и земледелия горских народов. Торговая трасса Шемаха – Тарки – Кизляр – Астрахань была относительно благоустроенной. По этой дороге шли с товарами большие караваны лошадей, мулов и верблюдов. Я.Я. Стрейс в свое время, если верить его сообщению, отправился из Дербента в Шемаху с караваном в 1800 лошадей, большим числом верблюдов, ослов и других вьючных животных и «несколькими тысячами людей»³. Купцы и прочий торговый люд собирались в большие караваны ради безопасности в пути, поскольку на дорогах было «много плутов и разбойников», нападавших на купеческие караваны. Это была колесной трассой. По ней, например, в 1712 году в Москву прибыло пер-

¹ Русско-индейские отношения. М., 1959. С. 219.

² Мадачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1965. С. XIV. Серия историческая. С. 185.

³ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 243.

сидское посольство, в обозе которого насчитывалось около 700 подвод с товарами и множество купцов «персияне и армяне»¹.

А. Лопухин отмечал, что дорога из Дербента на север «вся глаткая»², т.е. удобная. Купцы в случае необходимости могли нанять подводы для перевозки товаров, как это сделал житель Кизляра, грузинский купец Е. Семенов, заплативший 4 руб. за перевозку его товаров из Дербента в Кизляр³.

Морская торговля Дербента со странами Закавказья и Россией осуществлялась на судах. Дербентские купцы возили свои товары в Астрахань и обратно на «дербентских стружках»⁴. Русские купцы также предоставляли им свои судна для провоза товаров в Дербент и обратно в Астрахань. Это обстоятельство способствовало дальнейшему расширению торговых связей между Дербентом и Россией. Среди купцов, вывозивших товары из Астрахани в Дербент, упоминаются кубачинцы, кайтагцы⁵ и др.

Академик С.Г. Гмелин так же сообщал об обширной торговле Дербента и об участии в ней горских народов: «Провинция Гилянская и город Шемаха снабдевают Дербент разными бумажными и шелковыми материями..., кои променивают лезгинским и горским татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах приготавливается»⁶. Он же писал, что железо, сталь, свинец «лезгины и другие охотно покупают и хорошо за оные платят»⁷. Свидетельство Гмелина отражает исторически сложившиеся традиционные связи Дербента с горцами Дагестана.

¹ Кунакова Н.Г. Указ. соч. С. 234.

² Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718. // ИГЭД. С. 30.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. документов / под ред. В.Г. Гаджиева (далее – РДО) // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 278. С. 316.

⁴ Русско-индийские отношения в XVII в. С. 341.

⁵ Киласов Р. Указ. соч. С. 152.

⁶ Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 9, 31.

⁷ Там же.

Изделия ремесленников, продукты скотоводства и земледелия – мясо, масло, жиры, фрукты и многое другое – поступали на дербентский рынок из множества дагестанских сел¹.

Как отмечено исследователем истории Азербайджана Г. Абдуллаевым, «кубачинцы и другие горские народы, по ту сторону Дербента живущие, как-то: табасаранцы, казикумики, ахтынцы, рутульцы и другие произведения доставляют отчасти в Дербент, а отчасти сухопутно в Баку, где взамен получают нефть, соль и российские товары»². Из этого отчетливо видна роль Дербента в торговле с дагестанскими и другими народами. Отметим также, что из Сальян и других мест Азербайджана в Дербент доставляли рыбу, которую затем вывозили в Россию.

Сказанное выше дает основание говорить о существовании в XVIII в. торговых связей между Дербентом, дагестанскими феодальными владениями и союзами сельских обществ с другими народами Кавказа и Россией.

instituteofhistory.ru

Торговля в Дербентско-Кубинском ханстве развивалась преимущественно денежная, чему способствовало то, что здесь имелся свой монетный двор³. Немаловажное значение имела и меновая торговля. Она более была развита в сельской местности, на сельских рынках. Это было вызвано тем, что, несмотря на крупные успехи в ремесле и торговле, натуральное хозяйство занимало в Дербентско-Кубинском ханстве господствующее положение. Натуральным по существу оставалось в этот период и хозяйство близлежащих к Дербенту сельских обществ. Это и сказывалось на характере торговых операций, придавая им форму торгового обмена. Следовательно, в Дербентско-Кубинском ханстве сосуществовали денежная торговля и торговый обмен.

¹ Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. С. 140.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 142.

В XVIII в. страны Закавказья и Иран стали поставщиками сырья для растущей русской шелкотканой промышленности. Поэтому посол Петра I Волынский выдвинул пожелания в постройке в Дербенте новой пристани для больших судов¹. Но гавань тогда не была сооружена. Несмотря на это, торговые пути, связывающие Дербент с Россией, Закавказскими странами и Персией, продолжали функционировать интенсивно.

Но развитию торговли Дербентско-Кубинского ханства с Россией и другими странами и даже с другими частями Дагестана мешали многие факторы.

Большим злом для развития торговли Дербента с Россией была постоянная угроза нападения грабителей на торговые караваны и суда, прибитые во время частых штормов на Каспии к дагестанскому берегу. Архивные источники XVIII в. пестрят требованиями кизлярских комендантов о возврате «похищенных с судов людей, денег, вещей и товаров»². На требование А. Волынского запретить дагестанцам делать нападения на русские караваны и суда первый министр шаха заявил, что персидское правительство не в силах этого выполнить, так как шамхалы «шаховых указов не слушают».

Однако вопрос о необходимости обезопасить торговый путь от разбоев стали понимать и дагестанские правители. И с XVIII в. широко стал практиковаться провоз товаров под охраной по сухопутной трассе Дербент – Св. Крест – Кизляр – Астрахань. Дагестанские феодалы за жалованье от российского правительства обязывались давать проводников и охрану для сопровождения торговых караванов, государственных послов, курьеров, военных и пр. Так, например, дербентский султан дал проводников и охрану А. Лопухину до границ своих владений³. Так же поступали и другие владельцы Дагестана.

Выделяя проводников для сопровождения торговых караванов русских купцов и получая за это определенную плату, да-

¹ Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 142.

² Лысцов В.А. Персидский поход Петра I. С. 65.

³ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 7-17.

гестанские правители несли полную ответственность за сохранность товаров и безопасность купцов. «...когда купцы российские, чрез ево (шамхала – Н.М.) владения куда далее ехать пожелают, и станут требовать для безопасности, за плату провожатых, и тогда если от него, шефкала, обнадежены быть будут и проводники дадутца, а дорогою купцам последует грабительств, он, шефкал, повинен все разграбленное возвратить и тем удовольствие оказать, а если без данных ево проводников купцов ограбят, то он ни мало не виноват, и нужду ему в грабеже нет».

На сохранность товаров и безопасность жизни могли рассчитывать только русские купцы. Купцы остальных национальностей вели торговые операции в Дагестане на свой страх и риск. Их чаще и грабили. «Что же касается до разграбления армянина Меликова и товарища ево тезика, оное де последовало по причине, они в приезд свой оказались не российскими подданными, арменин кубинского хана человеком, а Тезик хайдакского владельца подвластным, а мы с оным ханом и владельцем по некоторой причине междоусобие имеем, если же бы они, российскими оказались, то б такого грабления им учинено не было»¹, – свидетельствует архивный документ. И все же русские купцы тоже нередко подвергались грабежу, вынуждены бывали платить по пути в Кизляр несколько раз пошлины.

В ноябре 1755 года группа русских купцов, вернувшись из Дербента в Астрахань, жаловалась астраханскому губернатору В.Н. Тетищеву на правителя Дербента, который взял с них пошлины, приказал «неведомо за что бить смертно» и водить по базару «так как злодеев»².

Безусловно, торговля в Дагестане в феодальную эпоху была сопряжена с риском потери товаров, а иногда и с угрозой личной безопасности, но, несмотря на эти препятствия, она интенсивно развивалась, так как была взаимовыгодной. Дагестан-

¹ РДО. С. 408-409.

² Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // История СССР. 1961. № 1. С. 131.

ские народы нуждались в российских товарах, а Россия – в сырье для своей развивающейся промышленности, которое поступало из прикаспийских областей Дагестана, Азербайджана и Персии.

И правильно подчеркивает О.П. Маркова, «обращаясь к официальной статистике, мы всегда должны иметь в виду, что она отображает действительность далеко не полностью. На самом деле торговля была намного обширнее официальной сводки. Смело можно утверждать, что контрабандная торговля... достигла огромных размеров»¹. Справедливость этих слов О.П. Марковой подтверждает ряд документов, в которых царские чиновники требуют усилить контроль за вывозом товаров, чтобы иноземным купцам запретить вывозить и ввозить целый ряд «запретных и контрабандных товаров и таким образом «забирать многие серебряные деньги» и вывозить их «из Московского государства в свои земли»². Дагестанские, в том числе дербентские купцы, также контрабандой ввозили порох, селитру, табак и другие запретные товары³. Таможенные книги отражают лишь общую картину торговых отношений Дербентско-Кубинского ханства изучаемого времени.

Анализ архивных материалов XVIII в. показывает, что торговцы возили в Кизляр через Каогинский пост шёлк, парчу, ковры, медь, чихир (вино), кожи, пеньку, башмаки, белую нефть, нити хлопчатые, пшеницу, муку, сыры, рыбу осетровую, рыбу «протчую», лук, яблоки и пр⁴. К этим товарам можно добавить и товары дербентского экспорта: шёлк-сырец, бумага хлопчатая, кумачи красные, «спанчи черкесские», холодное оружие, кожи, шерсть, масло, баранье сало, яблоки, горох дербентский, пшеница, орехи, рис и др.⁵ Особенно много вывози-

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 74.

² РДО. С. 213.

³ Там же. С. 203-204.

⁴ Там же. С. 222-223.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3952. Л. 109 об.

лось из Дербента марены. В конце XVIII в. ежегодно её вывозилось в Астрахань и Кизляр до 6 тысяч пудов¹.

Для понимания роли торговли в экономике Дербентско-Кубинского ханства важное значение имеет и характеристика импортированных в Дербент товаров. Анализ документов показывает, что наибольшим спросом пользовались в Дербенте разнообразные европейские сукна (английские, голландские), но вместе с тем ввозились и сукна «русской фабрики». Пользовались спросом и кожи, особенно выделанные кожи- юфты, хозы и савры.

Большое место в дербентско-кубинском импорте занимали также холст («холст-ровный», «холст-хреш») и полотно. Ввозившийся русский холст дербентские купцы продавали во внутренних дагестанских селах. Значительное место в дербентском импорте занимали меха соболя, горносталя, белки, лисицы, мерлушки, овчинки бухарские, калмыцкие и др.

В изучаемый нами период наблюдается обязательное наличие в возимых товарах металлических изделий: ножи, ножницы, замки, иглы, наперстки, булавки, а также медная и оловянная посуда, посуда деревянная и хрустальная, разнообразные зеркала, сундуки, ларцы, парфюмерные товары и т.д.

Все путешественники XVIII в. подчеркивали наличие у Дербента значительных рыбных богатств и развитость здесь рыболовства. Но интересно то, что Дербент ввозил рыбу из сопредельных районов Северного Кавказа и Астрахани. Так, в июле 1748 года «грузинец Хитя Григорьев» вывез из Кизляра «в город Дербент на судне астраханского купца Дм.С. Амурского «для продажи» рыбы спинок севрюжих 1000, тешек 800, балыков осетрих 300, икры паюсной 5 кульков»². Понятно, что все товары, которые ввозились в Дербент, были рассчитаны не только на Дербент, но и на продажу во внутренних селах Дагестана. Привезенные товары реализовывались через лавки на

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 203.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3949. Л. 85.

дербентском рынке в восточных городах с караван-сараями, торговыми рядами, лавками и т.д.

Приведенный материал убеждает, что торговля играла в экономике Дербентского ханства в XVIII в. весьма существенную роль. В нее так или иначе была втянута значительная часть жителей Дербента. Росту торговой активности дербентцев способствовало выгодное географическое положение города, ставшего по существу связующим звеном между странами Закавказья, Азербайджаном и Ираном с Россией. С Дербентом торговыми отношениями были связаны внутренние районы Дагестана, народы Северного Кавказа. Среди торговцев и купцов Дербента важное место занимали армянские, грузинские, а также индийские купцы. Торговля Дербента носила многосторонний характер. В Дербенте в торговом обороте были «деньги как российские, так и персидские серебряные»¹. В обороте были деньги и других стран.

Приведенные цифровые данные о 6 караван-сараях и 500 лавках в 1796 году в Дербенте свидетельствуют в пользу того, что торговля в нем и до присоединения к России была развита и стала ещё более энергичней развиваться. Это, в свою очередь, может быть показателем роста торгового сословия в Дербенте, внутри которого стали выделяться купцы, владевшие разным по объему капиталом.

§ 2. Роль торговли в русско-дербентско-кубинских отношениях

В 1765 г. дербентско-кубинский Фатали-хан обратился к русскому двору с предложением усилить торговлю с русскими на взаимно выгодных условиях. В рескрипте Екатерины II политика Кубинско-Дербентского ханства квалифицируется как «доброходство и благодеяние нашим подданным» т.е. русским, и предлагается проявить к нему «большого приласкания»,

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 29.

удержать его «к здешней Российской стороне и дабы содержать его всегда при доброходстве»¹, поэтому «повелели мы нашему сенатору, действительному тайному советнику и кавалеру Панину, – писала Екатерина II астраханскому губернатору, – на вышеуказанное фаталиханство письмо отправить в приласкательных терминах ответное... При отправлении из Астрахани в Персию с товарами судов, заезжать несколькими и в Дербент»². «Случая не упустите, по желанию его хана и нарочное судно с товарами для торгу в Дербент отправить... Впредь не оставьте отъезжающим из Астрахани к персидским портам судам приказывать наперед заходить в Дербент»³.

В письме Бекетова говорится о том, чтобы «отправляющие в Персию мореходные суда, во-первых, заходили в город Дербент, а потом по исправлению купеческих дел, отправлялись в вознамеренные свои места», т.е. в другие порты. Однако дается оговорка – «домовременно суда во оной пристани по каменистому месту» не держать в дела «судовых приказчиков» не вмешивать, не принуждать их и представить им свободу действий⁴. Из этой установки видно, что правительство Екатерины II придавало этому предложению о торговле прежде всего политическое значение.

В политике царизма проглядывали двойственные черты. В рескрипте Екатерины II Бекетову дано указание, чтобы суда, отъезжающие в Иран, заходили сначала в Дербент.

Старания дербентского хана направить русскую торговлю через Дербент вытекали из стремления поддержать активную торговлю и поднять экономическое значение Дербента. «Торг производится тамо [в Дербенте – Н.М.] весьма мало по надежде

¹ Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в XVI-XIX вв. Москва, 1982. С. 107.

² Сулейманова С.А. Джаро-Белооканские общества в политической истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 2004. С. 204.

³ Там же.

⁴ Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия. Баку, 1988. С. 78.

той, что может быть по щастию... несколько чрез то [т.е. торговлю с Россией] придти может в состояние...»¹, т.е. способствовать там росту дохода. Политика дербентского хана имела свое объективное значение. В Дербент прибывали русские, грузинские, иранские и другие купцы, которые участвовали в русско-дагестанской торговле².

Во второй половине XVIII в. число торговых судов, заходивших в Дербент, значительно возросло.

У дербентского правителя имелось и другое пожелание – направить «русскую коммерцию в Низовую», т.е. через Низабат, который находился на небольшом расстоянии от Кубы и был связан караванной дорогой с Шемахой и другими городами. С вопросом о переводе части русской торговли в Низабат кубинский хан обращался уже и раньше, хотя и безуспешно, к консулу П. Чекалевскому.

Дербентско-кубинские власти прилагали усилия к поднятию торгово-экономического значения Сальян путем перевода туда центра русской торговли из Баку и перенесения в этот город консульства. Об этом говорится в письме Фатали-хана консулу Сулянову: «Прибытием его в Сальяны просветить и возобновить благоволите»³.

В 1765 г. из России в Дербент были тайно провезены запрещенные товары: 5 тысяч пудов железа⁴. Это обратило внимание Коллегии иностранных дел и лично графа Панина. «Весьма удивительно, – писал он, – каким образом найден способ то железо в столь не малом числе из России вывезть». Рассмотрение дела было поручено астраханскому губернатору. Одновременно Панин просил Фатали-хана «об отыскании того

¹ Юхт А.И. Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. Москва, 1984. Т. 111. С. 294-295.

² Там же.

³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 372.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 372.

железа и высылке при удобном случае в Астрахань»¹. По словам дербентского хана, он все возможные старания приложил.

«Ведая о запрещении вывоза сего металла из России», Фатали-хан наложил вето на его продажу и решил поставить в известность об этом русское правительство, мотивируя свой поступок преданностью русскому двору². Из этих стараний, однако, ничего не вышло. Хан официально заявил, что железо, изъятое из продажи, согласно указанию астраханского губернатора, захвачено дербентскими властями и все положено было в амбар «для вывоза в Астрахань». Однако «означенное железо все без остатка похищено кайтагским усмием» при его налете на Дербент в 1765 г.³

Фактически дело обстояло не совсем так, как указывается в письме хана. Железо было дефицитным товаром, необходимым для ремесленного производства, снаряжения войска и покрытия крыш бекских домов. Потребности в нем удовлетворялись в основном за счет русского привоза. Поэтому в Дагестане привоз и беспошлинная продажа железа поощрялась местными властями. Как свидетельствуют факты, к истории с этой партией железа, наряду с усмием каракайтагским, были причастны и дербентские власти, присвоившие часть железа. Это признал сам Фатали-хан в письме русскому консулу спустя три года после описанного события: «Об вышеупомянутого железа для моего обихода малое число в расход употреблено»⁴.

Трехлетняя война между Дербентско-Кубинским и Шемахинским ханствами, оторвавшая сельскохозяйственных производителей от земледелия, засуха и последовавший за ней неурожай сильно отразились на положении населения Дагестана.

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 373.

² Юнусова Л.И. Указ. соч. С. 82.

³ Там же.

⁴ Рагимов Г. Торгово-экономические аспекты в русско-азербайджанских отношениях во 2-ой пол. XVIII – нач. XVIII в. Баку, 1998. С. 114.

«Напред, – писал Бекетов Коллегии иностранных дел, – сего делания его дербентского хана было привести себе в покорение обывателей и сею провинцию овладеть, что по благодати Всевышнего и воспоследовало, но сие обстоятельство воспрепятствовало совсем подвластным его людям упражняться в хлебопашестве, от чего также и от бывалой сухой погоды оказался в хлебе великий недостаток, так что он хан опасается не сносной для народа дороговизны или и самого голода и бедствия и так заблаговременно рассудил для покупки хлеба»¹.

Повышение цен на продукты питания не могло не озаботить дербентского хана, как указывается в источнике, так как он, реализуя прибавочный продукт, был в нем заинтересован. Его беспокоило другое, хотелось предупредить возможное социальное возмущение широких масс, которое могло возникнуть в результате голода.

Поэтому в целях устранения угрозы голода дербентские власти в августе 1769 г. просили у русского правительства разрешения своим посланникам закупить в Астрахани хлеб с привозом его в Сальяны и Дербент².

В записи Астраханской губернской канцелярии, сделанной в октябре 1769 г., говорится, что дербентско-кубинские власти просили разрешить русским купцам свободный вывоз хлеба из России «в мореходных судах для продажи и отправления с пристани Дербентской, Сальянской»³. То же самое говорится и в другом источнике: «чтоб позволено было и российскому купечеству туда хлеба приводить свободно по настоящей цене продавать»⁴. В свою очередь, Фатали-хан обращается к астрахан-

¹ Рагимов Г. Указ. соч. С. 89.

² Там же. С. 89.

³ Цит. по кн.: Петров Т.М. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 227-228.

⁴ Сборник Императорского Российского Исторического общества. Т. 12. С.-Петербург, 1873. С. 24-25.

скому губернатору с просьбой об отпуске муки четырех или трех судов¹.

В официальных документах, исходивших из канцелярии Дербентско-Кубинского ханства, мотивы такого обращения с просьбой о доставке хлеба объяснялись добрососедскими отношениями и давно сложившимися дружескими связями с Русским государством².

В то время в России была большая нужда в хлебе, он был официально выключен из списка на право вывоза на внешний рынок; исключением из этого правила являлась торговля с Англией. Астраханский губернатор в докладной записке Коллегии иностранных дел, обстоятельно характеризуя положение с хлебом, писал, что Астрахань свое «хлебопашество не имеет», а «привоз из верхних городов» недостаточен и войска российские, расположенные в Астрахани и в Кизляре и прочих местах, из-за состояния войны с Турцией потребляли много хлеба, поэтому он стоил дороже и в самой Астрахани его не хватало³.

Губернатор указывал, что если Коллегия иностранных дел сочтет нужным удовлетворить просьбу дербентского ханства «о доставлении к нему в десяти судах муки», то это можно сделать за счет привоза из «верхних хлебородных мест страны». Он просил у Коллегии иностранных дел высочайшего указа для разрешения отправки Дербентско-Кубинскому ханству муки грузом десяти судов⁴.

По этому поводу последовал указ Коллегии иностранных дел, на основании которого требуемая мука была погружена на суда купцов Скворцова и Шаритина, чтобы доставить к пристаням, подвластным Фатали-хану территории, причем при отправке хлеба воздержались от взимания пошлины, отмечая, что

¹ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения XVII-XVIII в. // История СССР. № 3 май-июнь. Москва, 1960. С. 183-184.

² Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 184.

³ Юхт А.И. Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. Москва, 1984. Т. 111. С. 294-295.

⁴ Там же.

это делается, «исходя из его усердия известного к России доброжелательства» Дербентского правительства. Удовлетворению просьбы дербентского хана придавалось политическое значение, поскольку это могло содействовать укреплению связей и дружеских отношений населения Дагестана с Россией.

Эту поддержку, оказанную Россией Дербентско-Кубинскому ханству, можно рассматривать как проявление дружеских, добрососедских отношений. Она была оценена широкими массами дагестанцев и не могла не содействовать усилению их чувства уважения и симпатии к России.

В исторической литературе отсутствуют сведения о том, через кого был доставлен хлеб – через откупщиков, частных или ханских торговых агентов; стала ли торговля хлебом ханской монополией и за какую цену он был продан. Но из приведенных источников ясно, что привоз хлеба из России был организован ханской властью и дал его продавцам большие прибыли. Имеются сведения, что русский хлеб дошел до нуждающегося дагестанского населения.

Фатали-хан, «видя всех в крайнем недостатке хлеба, – снисходя по природному своему великодушию к своему бедственному народу, приказал безденежно раздавать собственной своей пшеницы четыре тысячи тагар, в коей считается десять тысяч российских четвертей, а по здешней цене по сто, на пятьдесят тысяч рублей»¹.

Добрососедские связи находили выражение и в других формах общения. Дербентско-кубинскими властями был отправлен в Астрахань Кербала Казим к губернатору Бекетову с просьбой прислать в Дербент и Кубу «мельничных мастеровых людей, для установки жерновов и разных других дел». Бекетов известил хана, что таких мастеровых в Астрахани не имеется, их следует искать «внутри российских городов» и с большой

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 381.

платой, так как их «в Персию ехать склонить весьма трудно будет»¹.

Губернатор приложил усилия для поисков мельничных мастеров для нужд Дербентско-Кубинского ханства: просил их у казанского, нижегородского губернаторов и Персидской провинциальной канцелярии, но отчета не было². Тогда губернатор потребовал от Кизлярского коменданта Паркера найти таких мастеров в Кизляре и удовлетворить просьбу Фатали-хана.

Взаимоотношения между Фатали-ханом и астраханским губернатором были весьма благоприятные. В обращении дербентского хана о создании хороших условий для дагестанских торговцев в Астрахани и Кизляре, губернатор отозвался на это положительно, уверяя в своей благосклонности к дагестанским торговцам: «подвластным еж вашим в знак вашего к российской стороне доброжелательства в здешних столицах навсегда благосклонность окажется и никаких наглых бедствиев от наших подданных не происходит... Прошу дабы и с вашей к подданным е.и.в. (российским) людям тоже происходима была»³.

Фатали-хан придавал большое значение тесному контакту, обмену посланниками с астраханскими властями для укрепления дружеских добрососедских отношений. Русские власти высоко ценили отношения Дербентско-Кубинского ханства к России в период, когда Турция старалась привлекать мусульман к войне против русских.

Равные отношения между великой державой и малым государством в эпоху феодализма бывали редким явлением и почти исключались. Этот принцип характерен и для связи Дербентско-Кубинского ханства с Российским государством, кото-

¹ Шахмалиев Э.М. Из истории торговой политики европейских держав на Переднем Востоке XVIII в. Баку, 1958. С. 72-73.

² Шахмалиев Э.М. Указ. соч. С. 72-73.

³ Мариева О. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. // Уч. записки Института востоковедения АН Азербайджанской ССР. Баку, 1960. № 1. С. 111.

рые обладали неодинаковыми силами. Принцип господства и подчинения был отличительной чертой их взаимоотношений. Однако в зависимости от сложившихся обстоятельств, неравные отношения между ними не принимались во внимание или отодвинулись на задний план.

В источниках и литературе, характерных для периода второй половины XVIII в., торговые связи отображены в тесном переплетении с политикой, которая занимала большое место.

Царская администрация, желая оградить кавказских феодалов, в том числе сильное и влиятельное в Дагестане Дербентско-Кубинское ханство, от влияния Турции, с которой Россия находилась в состоянии войны (1768-1774 гг.), решила быть более внимательной к его запросам и нуждам, тем более это не стоило особого труда и не требовало затраты сил и больших средств.

Отпуском нескольких судов с хлебом, запрещенным к вывозу, в Дагестане русская дипломатия старалась завоевать расположение дагестанского населения и закрепить дружеские связи. Дербентско-Кубинское правительство защищало интересы своих купцов на внешнем рынке Астрахани, но добилось лишь общего словесного заверения в свободной торговле его губернатора без конкретных обязательств.

После распада государства Надир-шаха в обстановке феодальной анархии и своеволия местных властителей условия Рештского трактата в архивах были преданы забвению; повсеместно русскому купечеству чинились открытые препятствия, допускались произвол и насилие.

В ноябре 1770 г. иранское правительство заявило астраханскому губернатору Н.А. Бекетову о своей готовности создать условия для ряда русских купцов и уверяло губернаторов, что с его стороны по отношению к русским «дружество наблюдали и наблюдается». «Со стороны нашей определенным на границах губернаторам, командирам и в городах нашего пребывающего государства управителем накрепчайшее приказали, чтобы они всем приезжающим в наше государство, а особливо

по сохраняемой между обоими дворами собственной дружбы, российским купцам оказали надлежащее дружество, нисколько не нарушая пределов оной»¹. Однако это заявление носило декламационный характер: не случайно в нем ни слова не говорилось о соблюдении условий Рештского трактата о беспошлинной торговле. Многочисленные факты и сообщения современников свидетельствуют о взимании пошлин с русских купцов во всем Иране, Азербайджане и частично в Дагестане.

В источниках имеются сведения о том, что в 60-х годах XVIII в. пошлинный сбор с русских товаров взимался в Дербенте, Кубе, Шемахах. В консульском документе говорится, что в 1765 г. как в Новой, так в Старой Шемахе с местных и русских товаров взимают мизанный и привозной рахтарные сборы, причем в Старой Шемахе размеры их в два раза больше².

«В Дербенте с российских подданных всякие пошлинные сборы без опущения збираются», – говорит в письме русского консула в Баку Дербентско-Кубинскому правительству в начале 1768 г. Это признал сам Фатали-хан в беседе с майором Мирзабеком Вагановым в феврале 1768 г.

Русские деловые круги поставили перед правительством вопрос об урегулировании таможенных отношений. В самом Дербентско-Кубинском ханстве к взиманию пошлин относились иначе. По данным 1765 г., пошлины, собиравшиеся там, были невелики: например, с тая сукна высшего сорта – 5 руб., а с тонкого сукна – 3 руб., с бочки краски брусковой 1 руб., с тая юфты холста – по 70 коп. Астраханский купец Вартан Петров в августе 1783 г. приводил следующий факт: у местного купца имелось 36 батманов шёлка; батман он продавал за 45 руб., при взимании 2 р. 50 к. мизанного рахтара.

Дербентско-Кубинское ханство пошлину устанавливало независимо от цены товара. Мерилем при этом были единицы веса – фунт, пуд, тай – даже для тех товаров, которые продава-

¹ Маркова О.М. Указ. соч. С. 89.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 388.

лись по мерам длины (холст, сукно, шёлковые и бумажные ткани). Все это свидетельствует не только о простоте исчисления пошлин, но и о том, что доходы рахтара в Дербентско-Кубинском ханстве были незначительными по сравнению с некоторыми населенными пунктами Азербайджана. По некоторым сведениям, в Дербенте как с дорогих товаров (сукно, шёлковые изделия, бархат), так и с дешевых (бязь, холст и другие) пошлины взимались в одинаковом размере, «самые дорогие индийские бумажные материи и прочие и цена рахтарных берется равно как и с так недорогих бумажных материй»¹.

Такое положение отрицательно сказывалось на широких массах покупателей и носило классовый характер. Крупные купцы, торговавшие дорогими товарами и получавшие большие прибыли, платили пошлин столько же, сколько ремесленники, крестьяне и мелкие торговцы, покупавшие дешевые товары, которые шли для широкого потребления.

Кроме того, метод взимания пошлин, применявшийся в Дербентско-Кубинском ханстве, был менее доходным для ханской казны. Власти, по всей вероятности, меньше обращали внимания на доходы от пошлин.

В Дербентско-Кубинском ханстве с строительных материалов: доски, брусья, дрова, а также продукты питания, как правило, пошлины не взимались в целях поощрения привоза муки, хлеба и строительных материалов, которые были нужны для удовлетворения большого спроса на них. Дербентско-Кубинское ханство, в отличие от других частей Дагестана, предоставляло русским подданным большие льготы, в том числе право беспошлинной торговли, это нашло отражение в специальных соглашениях и обязательствах.

В официально сообщении Фатали-хана астраханскому губернатору подтверждается право на беспошлинную торговлю. Поэтому Фатали-хан писал: «Продолжаемые между нами друж-

¹ Сумбат-заде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 74-75.

ба, единодушие и преданность крепки. В течение 12 лет согласно существующих между нами и Российским государством договорных обязательств с подданных России не взимается ни одного динара тамошних пошлин и прочих налогов. С того времени по сей день мы, учитывая наличие между нами дружественных отношений, всегда обеспечиваются полезные продвижения купцов, и не потребовали ни одного динара от подданных Астраханского краев, кроме того, купцы пользовались правом свободного передвижения»¹.

Все официальные меры по освобождению русской торговли от пошлин и о предоставлении ей других льготных условий нашли отражение в торговом обязательстве 1872 г. Дербентско-Кубинского государства перед Россией².

Эти обязательства лишней раз подчеркивают политическую и экономическую независимость Дербентско-Кубинского ханства от Ирана во второй половине XVIII в., они диктовались политической необходимостью ориентироваться на сильную державу, так как в условиях феодальной раздробленности, находясь во враждебном окружении, государство Фатали-хана нуждалось в поддержке.

Беспошлинная торговля и все другие исключительные льготные условия были прибыльны для русского купечества и содействовали дальнейшему преобладанию в Дагестане российского купеческого капитала. Однако было бы неправильным не видеть за этими условиями, предоставленными феодальными правителями, двойную тяжесть для дагестанского населения.

В тарифах, изданных при Екатерине II (1766, 1782, 1796 гг.), систематически повышались пошлины на такие привозимые фабрикаты, которые изготовлялись на русских предприятиях и одновременно снижались пошлины на сырье, необходимое для русских мануфактур. Таким образом, взимание пошлин

¹ Сумбат-заде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 74-75.

² Абдуллаев В.Г. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли // Изв. АН Азерб. ССР. 1960. № 6. С. 31-32.

в России регулировалось едиными правилами, установленными правительством, в которые не делалось исключения ни для каких держав, в том числе и для малых государств, какими были дагестанские владения во второй половине XVIII в.

Дело в том, что дербентско-кубинские власти настаивали, чтобы русское правительство предоставило дагестанцам такие же льготные условия, какие были созданы в государстве Фатали-хана для русского купечества.

В России с дагестанских товаров, как ханских, так и частных, как правило, взималась обыкновенная по таксе пошлина. На основании указа Сената от ноября 1764 г. с рыбы, привозимой из приморских районов Дагестана, взимали пошлину в размере 0,1% от цены, а с икры – 0,2%¹.

Фатали-хан, защищая свои собственные интересы и права своих купцов в Астрахани, просил губернатора: «Ожидаю чтоб ... помощь подвластным моим подтвердить и повелеть соизволили, дабы тамо ширванским и дербентским и прочим состоящим в ведомстве моем купцов их купеческих имели благосклонность и находясь тамо без всяких обид и препятствий в своих торгах и в прочих делах во всем б упражнялись»². Губернатор в ответном письме обещал сделать все необходимое для дагестанских купцов, но ни слова ни упомянул о пошлинах.

Следует также отметить, что в 60-70-х годах для дипломатических отношений Дербентско-Кубинского ханства с Россией были характерны ссоры и конфликты по поводу одностороннего взимания пошлин и произвола тамошних чиновников в Астрахани, Кизляре и других городах России. Управляющий канцелярией Фатали-хана Мирзабек писал астраханскому губернатору, требуя, чтобы с ханских товаров пошлины не взимать и «взятую пошлину... возратить и при том астраханским таможенным управителям повелеть, чтоб они и впредь, ежели его

¹ Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 32.

² Там же.

высокостепенство в Астрахань, сорочинское пшено пришлет, пошлины с него не брали»¹.

Ознакомление с официальной перепиской даёт основание утверждать, что речь идет не о том, чтобы пошлины не взимались с какого-то одного вида товара, а вообще об исключении ханских товаров из списка на взимание пошлин.

По этому поводу Фатали-хан в 1768 г. сделал русскому консулу следующее заявление: «Астраханский правитель потребовал у моего торгового человека, уплаты тамошних пошлин и других налогов. Торговый человек Самед, оставив купленные товары, вернулся обратно. Наши товары в того времени по сей день там находятся. С нашей стороны с товара российских подданных пошлины не требуются». Поэтому требования об уплате тамошних пошлин и других налогов, предъявленные астраханским правителям и городничным, противоречат существующей между нами солидарности и дружественным отношениям. «Исходя из этих дружественных отношений, следует написать астраханскому губернатору и городничему, чтобы в течение месяца вернули полностью товары. В случае не возвращения наших товаров по истечении месячного срока возместить все убытки этих товаров, а также размер тамошних пошлин и годами накопленные налоги будут требоваться»².

«Хан, – писал русский консул Коллегии иностранных дел в марте 1768 г., – письмом дал мне один месяц и требует, чтобы к астраханскому губернатору отписать и находящиеся тамо ево ханский товар доставить к нему, а ежели предоставлено не будет, то по пришествию сего срока означенный товар со всеми проториями и убытками, также и за прошедшие года пошлины прочие подати от меня забираемы будут»³.

Для переговоров и устранения возникших разногласий в феврале 1768 г. в Дербент был отправлен русский чиновник к

¹ Юхт. Указ. соч. С. 76.

² Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане в XVIII-XIX вв. Баку. 1989. С. 38.

³ Там же.

хану с письмом консула. В письме говорилось, что в Астрахани с дербентского товара взыскана обыкновенная пошлина по таксе. Консул подчеркивал, что хану хорошо известно о том, что в России с товаров, приведенных к астраханскому порту, независимо от того частные или казенные, все равно взимаются пошлины¹.

Таким образом, консул, опираясь на давно установившиеся отношения между Ираном и Россией, давал понять дербентскому хану, что в России пошлины не взимаются лишь с товаров, лично принадлежащих шаху или шахскому двору, а со всех остальных пошлинный сбор взимался и впредь взиматься будет. Лишь «ежели его шахово величество пожелает отпускать свои товары в Россию со определенной купчиной, то единственно с того Шахова товара в России братья не будет, а ежели подданные всероссийской империи пожелают в Персии производить коммерцию какова б кто звания ни был ни под каким видом, пошлин брать запрещается»².

Майор Вагабов прибыл в Дербент 25 февраля 1768 г. и вручил упомянутое письмо консула Сулякова Фатали-хану, в устной беседе он, Фатали-хан, объяснил причины своих претензий на беспошлинную торговлю ханскими товарами в России. В ходе беседы хан давал понять, что беспошлинная торговля ханскими товарами должна давать ему средства для необходимых расходов. В беседе не затрагивался вопрос об отмене пошлины на частные товары дагестанских купцов в России.

Вопрос, связанный с указанными дербентско-кубинскими товарами, и требование дербентских властей о пошлинах стали предметом обсуждения Коллегии иностранных дел, где было принято решение, что с товаров Фатали-хана пошлины не взимать. Что же касается отношения русской власти к дербентско-

¹ Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане в XVIII-XIX вв. Баку. 1989. С. 38.

² Юхт А.И. Указ. соч. С. 101.

му правителю, «он всегда может обнадежен быть о высочайшей нашей к нему милости и благоволении»¹.

Беспошлинная торговля породила злоупотребления: чтобы не платить пошлины, нерусские подданные часто вывозили свои товары в Прикаспийские районы под русской маркой. «Многие из российских подданных, – говорится в донесении консула Яблонского, – пользуясь в Персии... беспошлинную торговлю, берут под свои имена и индийцев и персидских подданных товары для избавления их ото взятия пошлин». Это подтверждается и другими официальными документами, где указывается, что купцы вывозят чужие товары «под своими именами ради беспошлинной продажи»². Видимо, в таких случаях заключались негласные сделки и подряды на беспошлинный ввоз и вывоз товаров. Нерусские подданные – армяне, индийцы – «отпускают... в Персию своих товаров, – писал Игумнов губернатору Бекетову, – под именем российских подданных... в противность высочайшим е.и.в. указам, по большей части чаятельно для беспошлинного в Персии торга или же для лучшего сохранения своих капиталов от грабежа персидского». Все это, естественно, делалось негласно, без ведома местных и русских властей. Ввоз и вывоз чужих товаров подставными лицами вызывали протесты со стороны местных властей.

§ 3. Торговые связи дербентско-кубинского купечества в первой четверти XIX в.

Присоединение Дербента к России усилило поток товаров из России в Дербент, а также вывоз восточных товаров в российские города. Каждая из сторон располагала своим набором экспортируемых товаров. Характер экспорта и импорта товаров отражал уровень развития каждой из сторон.

¹ Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и России (конец XVIII – начало XIX в.). Баку, 1989. С. 89-90.

² Там же.

Дагестан, в частности Дербент, вывозил разнообразные товары местного производства и происхождения, а также ре-экспортировал часть привозивших в город иностранных товаров, посредничая в торговле между Востоком и Европой.

Развитию торговых отношений Дербента с Россией способствовало принятое 16 апреля 1802 г. царским правительством решение не препятствовать более свободному плаванию по Каспию судов не только российских, но и других стран¹. Принятие этого решения было продиктовано тем, что торговый флот России не был в состоянии удовлетворить все требования по перевозке товаров по Каспию.

Этим самым был положен конец условиям соглашения от 1782 г., заключенного между Войновичем и Фатали-ханом дербентским, согласно которым местные правители не имели права держать на Каспийском море суда каких бы то ни было видов. Поэтому в начале XIX в. перевозка товаров в Астрахань по Каспийскому морю осуществлялась в основном на русских судах. Нанимая русские суда на определенный срок, дербентские купцы занимались перевозкой товаров по всем портам Каспийского моря. В этой связи интересен факт, зафиксированный в прошении астраханского купца Григория Исакова, в котором сказано о том, что дербентский купец Имам-Кули бек взял у него судно на откуп на шесть месяцев².

В предписании правительства генералу Кноррингу по поводу отмены ограничений местным владельцам иметь суда (киржимы) записано: «... истребление их киржимов тогда бы только могло быть для России выгодно, когда бы транспорты оные можно было производить собственными нашими судами»³.

В начале XIX в. Россия имела на Каспийском море всего 57 торговых кораблей⁴, что было очень мало. Кроме того, корабле-

¹ Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С. 44.

² Галоян Г.А. Каспийская торговля. Баку, 1976. С. 88.

³ Там же.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 27. С. 107. (ПСЗ).

крушения случались часто, в результате чего суда находились в аварийном состоянии. Все это тормозило развитие морской торговли и приводило к дороговизне перевозок, что отрицательно влияло на экономику и население Дербентского ханства.

Большую роль в дербентской торговле играли дагестанские народы – даргинцы, лакцы, агульцы, кумыки, лезгины, табасаранцы и пр. В одном из источников начала XIX в. говорится, что дагестанские горцы ежегодно «доставляют в Дербент сукно, известное именем лезгинского, бурки, овчины, масло, мёд, ковры, паласы – всего на 10 тыс. р. серебром»¹. Через Дербент шла торговля с Кубой, Шемахой, Шеки, Баку, а также с северными иранскими городами. Азербайджанские, русские, армянские купцы, покупая товары в разных районах Закавказья и Востока, привозили их в Дербентско-Кумыкское ханство, откуда отправляли их сухопутьем в Кизляр или морем в Астрахань².

Для более наглядного представления роли и места Дербента в региональной дагестанской и международной торговле необходимо остановиться на национально-этническом составе дербентского купечества. Отметим сразу же, что этот вопрос малоизучен и слабо освещен нашей историографией.

Здесь также делается лишь попытка привлечь внимание исследователей к нему и дать оценку этнического состава дербентско-кубинского купечества, чтобы можно было говорить собственно о роли купцов – выходцев из местных народов в развитии торгово-экономических связей Дербента с внешним миром.

Многонациональный характер дербентско-кубинского купечества виден даже из списка купцов, привезших товары на 1127 руб. Среди этих купцов были астраханский купец, вывезший товар на 183 р.; дербентский житель – на 44 р.; дербентский магометанин – на 122 р., грузинские армяне – на 198 р.,

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 27. С. 107. (ПСЗ).

² Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. // Уч. зап. ИВ АН Аз. ССР. 1959. № 1. С. 108.

шемахинские армяне – на 179 р., дербентские купцы – на 348 р., кубинские торговые люди – на 274 р., индийцы – на 230 р.

Имеющий фактический материал показывает, что в конце XVIII – нач. XIX в. торговля с Россией в основном находилась в руках дербентских купцов разного происхождения: армянских, дагестанских, азербайджанских, грузинских, а также иранских; наибольшее участие принимали в ней и индийцы, жившие в Дербенте, Астрахани и в прикаспийских городах Азербайджана и Ирана. Они получали большие прибыли и от посреднической транзитной торговли русскими и европейскими товарами, а также индийскими ситцами, одеялами, медицинскими препаратами и т.д.¹

Торговый капитал функционировал в целом в сфере обращения, но немалое место в нем занимало и ростовщичество, чем довольно успешно занимались купцы в Астрахани, Дербенте и других городах. Они предоставляли торговцам ссуды под большие проценты. Многие дербентские купцы торговали в основном на кредите, взятом под проценты.

И тем не менее они занимали значительное место в дагестано-русской, иранской, среднеазиатской торговле и в торговле с закавказскими народами. Отметим, что они не вкладывали торговую прибыль в промышленность и редко превращали её в ренту путём покупки земли. Торговая прибыль служила для них основой роста купеческого капитала.

В первой пол. XIX в. среди дербентско-кубинских купцов выделялись разные категории, особенно те, которые имели большой капитал и занимались оптовой торговлей с Россией. Крупных дербентско-кубинских купцов русские современники называли «знатными» или «первостатейными». Так, например, в «Дербенте жил знатный персиянин Агаси Бек»², занимавшийся торговлей; кроме него в Дербенте жил «первостатейный ку-

¹ Алиев В.Ф. Указ. соч. С. 166-167.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 446.

пец Хаджи Исмаил». Иногда дербентских купцов в русских документах называли «дербентскими хаджиями»¹.

В некоторых источниках сохранились имена купцов и названия товаров, вывозившихся из Астрахани в Дербент². Судя по количеству и цене товаров, это были купцы со средним капиталом.

В источниках встречаются фамилии и имена купцов, например, Джобрар Ахмедов, Ахвердов Мирзабек, Мамедали Велиев, Абдула Юсупов, Ага Хусейн и др³.

Это видно из следующей таблицы, отражающей вывоз товаров дербентскими купцами из Астрахани за один рейс.

Фамилия купцов	Откуда прибыли	Ассортимент	Количество товаров
Мустаф Ахмедов	Дербент	сукно испанское, немецкое	800 аршин 450 аршин
Акпер Искендеров	-//-	сукно немецкое большое количество, краски, сахар и пр.	120 аршин
Хаджи Мелик Керимов	из Дербента	сукно немецкое, голландское и пр.	150 аршин 400 аршин
Анкаш Баширов	из Дербента	сукно немецкое, голландское и прочие	50 аршин 40 аршин 400 аршин
Ага Расул Хаджи Курбанов	Дербент	Полотенце, ткани и пр.	800 аршин
Али Исмаилов	-//-		
Садых Алиев	-//-	сукно немецкое	400 аршин
Малик Хусейн Алиев	-//-	холст	4500 аршин
Ага Багир	-//-	разных товаров	700 аршин
Рагим Мамедов	-//-	сукно немецкое, шёлковый штоф, холст и пр.	500 аршин 1100 аршин
Ибрагим Талыбов	-//-	красные, разные и	

¹ Алиев Ф. Указ. соч. С. 38.

² Цит. по книге Мамедова Г.Н. Указ. соч. С. 126-127.

³ Там же.

		прочие товары	
Али Мамед Рамазанов	-//-	холст посуда пр.	1000 аршин 400 шт. ун.
Мирза Мехти Касымов	-//-	юфть, кожи, чашки и прочие товары, сахар	70 шт. 50 пуд. 200 шт. 6 пуд.

Торговлей на внутреннем и внешнем рынках занимались также дербентский татарин Сафар Аджи Гулиев и его сыновья – Хадим и Ярахмед¹. **instituteofhistory.ru**

Владея большими капиталами, дербентские купцы приобретали и отличные высокие здания, т.е. ранг купцов первой или второй гильдии, как, например, Шабан Абдулметов, сын его Малик, сын Мамед-Гусейн, жившие своим домом, имевшие лавки и суда для перевозок товаров².

Мамед Али Садыгов (Дербентский) приехал в Астрахань «для торгу», имел там свои магазины, лавки, служащих людей. Жил он своим домом, имел купечество³.

Дербентский купец Байрам-бек Магарамов жил своим домом, имел двух братьев:

1) Муса, его сын Мустафа.

2) Иса; у них живет зять, имеет звание купца I гильдии Асан Джамалов, годовой доход его 400-500 руб. зол.

Другой житель Дербента Муса Гасанбеков с братом Мустафой, владели своим домом, занимались купечеством, имели 3 магазина, 6 лавок, мастерские, шерстепрядильную, 8 колесных повоз, 16 вьюшниц, 10 стад⁴. **instituteofhistory.ru**

В источниках часто встречаются имена дербентских купцов, живших и торговавших в Астрахани. В частности, в одном документе приводятся имена купцов из Дербента – Кебала

¹ Алиев В.Ф. Указ. соч. С. 167.

² Там же.

³ Мамедов Г. Указ. соч. С. 84-85.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 440; Мамедова Г. Указ. соч. С. 88.

Агарза, Ага-Асан, Зейналабид и др.¹ Один из дербентских купцов, проживавший в Астрахани, Ага Усейн сообщал, что он уже пятый год проживает в Астрахани и торгует разными товарами, присланными ему из разных городов Дагестана, Закавказья и Ирана².

Кроме горских торговцев, сбывавших свои товары в Кизляре, торговлю через Кизляр активно вели и русские, азербайджанские, грузинские, дербентско-кубинские купцы. Привозимые товары из России через Астрахань, Кизляр и Дербент развозились в Шемаху, Шеки, Кубу, Генджи, Карабах, а также Грузию. За каждый пуд товара, доставленного из Астрахани в Дербент, купцам приходилось платить до 60 коп.³

Весьма интересен вопрос об ассортименте вывозившихся из Дербента товаров. По данным таможенных ведомств можно определить приблизительное количество товаров, вывозимых через Дербент в Россию, хотя эти данные являются неполными и не могут претендовать на точность из-за широкого распространения контрабандной торговли.

Так, в 1821 г. вывоз из Дербента в Россию по морю составлял 27300 р. 64 к., а вывоз по суше равнялся 54789 р. 90 к. Кроме того, из Дербента товары вывозились и в северные иранские города. В 1823 г. из Дербента было отправлено в Энзели только марены на 30 тыс. р.⁴

Из данных таможенных книг видно, что годовые обороты сухопутной торговли Дербента с Россией несколько раз превышали обороты морской торговли.

Вывоз на внешний рынок из Дербентско-Кубинского ханства составляли как сельхозсырье, так и ремесленные изделия. Основными предметами вывоза в Россию являлись: шёлк-сырец, хлопок, хлопчатобумажная пряжа, бумажные бязы, марена, шерсть, шкуры овечьи, занавески бумажные, рис, басма, сушеные и свежие фрукты разных сортов, рыба, икра и пр.

¹ Гамидова Ш.П. Из истории азербайджано-грузинских отношений пер. пол. XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1973. С. 28.

² Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С. 42.

³ Зубов А. Общее обозрение торговли с Азией // Русский архив. 1899. Т. X. С. 884.

⁴ Галоян Г. Указ. соч. С. 106.

Структура русского экспорта в Дербент и ханство в целом, включая запрещенные к вывозу товары, отличалась большим многообразием: вывозились бархаты разные, меха, льняные полотна, сукна разные, тафта, атласы, холст, котлы медные, замки, гвозди, иглы, медная посуда, сталь, топоры, ножи, проволока, ртуть (немецкая), чугунные плиты, сундуки, бумага, белила, башмаки, стекло, мыло, столовые приборы, кубки, хрустальная посуда, сахар, мука, краски разные и прочие товары. Этими товарами русское купечество торговало в Дербенте¹.

Из сказанного выше видно, что в первой четверти XIX в. Дагестан вывозил в Россию в основном сырье для мануфактур, а Россия экспортировала в Дагестан промышленные изделия и товары ремесленного производства. После специального разрешения в XIX в. в Дагестан стали открыто ввозить такие ранее запрещенные товары, как железо, медь, олово, свинец и т.д.²

Крупную роль в русском ввозе в Дагестан, в частности в Дербентско-Кубинское ханство, играли реэкспортные товары, например, сукна английские, голландские, испанские и французские (испанские и французские – 30,5%), различные краски – 30%, шерстяные ткани – 10%, а также металлические изделия³.

Реэкспортные товары, сукна, краски, сахар, привозили из Европы «от Рижского и Петербургского портов в Астрахань» сами иностранцы или русские. Иностранцы занимали в этой торговле преимущественное положение. В Петербургском порту, через который проходило $\frac{3}{4}$ операций внешней морской торговли России, более половины торговли находилось в руках иностранных купцов⁴. Из Астрахани в Дагестан и Закавказье реэкспортные товары привозились русскими или восточными купцами.

Отметим, что после объединения Кубы с Дербентским ханством открылось широкое движение из Дербента в Астра-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 443.

² Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 103-104.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 104.

хань и установились тесные связи с Россией: Куба стала получать через Дербент как русские, так и реэкспортные товары.

Необходимо отметить, что дешевые и высококачественные хлопчатобумажные ткани дагестанского, иранского и среднеазиатского происхождения с успехом конкурировали с русскими льняными изделиями. Поэтому иногда в России препятствовали их перевозу путем резкого повышения пошлинного барьера¹.

В начале XIX в. из России в Дербентско-Кубинское ханство привозили много хлеба и других продуктов питания. Импорту продуктов питания в Дербент способствовала торговая политика властей, а именно установление беспошлинного права привоза муки, риса и хлеба в город.

Товары через Астрахань в Дербент и другие районы Дагестана шли из Москвы, Ярославля, Тулы, Нижнего Новгорода, Казани. Москва вывозила русские изделия, а также реэкспортные товары. Так, например, за один месяц май 1818 г. из Москвы в Дербент были доставлены: очки, бумага, белила (разных сортов), часы (стенные и карманные), зеркала, бархат, атлас, меха, сукна, шёлковые ткани и прочие русские изделия². Из Тулы в Дербентско-Кубинское ханство вывозили чугунные котлы, кувшины, замки, самовары. Всего за май из русских городов в Дербент были вывезены товары стоимостью 23166 р. 54 коп.³

Из Казани в Дербент шли транзитные и нетранзитные товары: меха, кожи, сапожки, халаты, посуда, тарелки, стаканы, рюмки, графины стеклянные, башмаки, мыло и т.д. Через Москву в Дербент шли кайтагские товары, хотя и в небольшом количестве: ткань так называемая «китайка», чай, разные рукоделия и подносы⁴.

С присоединением Кубы к Дербентскому ханству Дербент служил транзитным пунктом вывоза азербайджанского шёлка в

¹ Гулиев А.И. Из истории азербайджано-русских отношений XV-XIX вв. Баку, 1950. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Там же.

⁴ Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1959. Ч. III. С. 169.

Россию. Помеха в торговле была почти полностью устранена, вывоз шёлка-сырца в Астрахань морем значительно возрос.

Только за десять дней сентября 1979 г. вывоз шёлка-сырца из Дербента в Астрахань составлял 1484 пуда общей стоимостью на сумму 89055 руб.¹ Кроме того, многие купцы вывозили товары и сухопутными дорогами через Кизляр.

В одном из сообщений секретной службы Астраханской губернии канцелярии сказано: «Обыкновенно в каждый год проводится тот шёлк четыре раза весной, летом и зимою, и в большей части оном участвуют шекинские, шемахинские, дербентские жители магометане, армяне и грузины»².

По сухопутной дороге через Дербент шли закавказские товары, в том числе и армянские. Шёлк-сырец в Астрахани покупался русскими, армянами и индусами для перепродажи.

Привоз шёлка-сырца в Россию поощрялся русским правительством; этот товар в отдельные периоды освобождался от пошлины. В целом в указанный период из Дербента в Россию в среднем ежегодно вывозилось более 20-22 тысяч пудов шёлка-сырца.

Заметно возросло в XIX в. торговое значение Дербента. Об этом свидетельствовало то, что царские власти учредили в нём в 1809 г. таможенную заставу. К началу XIX в., как показывают документы, в Дербент прибывали купцы из Москвы, Астрахани, Баку, Шемахи, Ширвана, Гиляна, Ардебиля, Тавриза, Бухары и многих других городов. Число торговцев, регистрируемых в самом городе, возрастало по мере усиления торговых связей.

* * *

Архивные данные позволяют судить о реестре и ценах привозившихся из России в Дербент товаров. Показательны в этом плане данные из следующей таблицы.

instituteofhistory.ru

¹ Семенов А. Указ. соч. С. 169.

² Рамазанов А.Х. Экономическое развитие Дагестана в первой пол. XIX в. Махачкала, 1983. С. 192.

**Цены русских и экспортных товаров, вывезенных
из Астрахани в Дербент за 1785-1826 гг.¹**

Товары	Цена 1785 г.	Цена 1826 г.	Товары	Цена 1785 г.	Цена 1826 г.
Холст (арш.)	10 коп.	5 коп.	Сахар (пуд)		
Холст (узкий)	6,5 коп.	3 коп.	Белый	12 р.	12 р.
Мыло (пуд)	2 р. 30к.	1 руб.	Головной	7 р.	10 р.
Белила (пуд)	–	2 руб.	Песок	6 р. 20 к.	8 р.
Бархат немец.	–	3 руб. 4 руб	Сукно (арш)	5 р.	от 4 до 2 р.
Котел чугун.	–	50 коп.	Тонкое	90 коп.	до 1 руб.
Занавес	–	50 коп.	Голландское	–	2 р. 50 к.
Замок простой	–	5 коп.	Испанское	1 р. 60 к.	1 руб.
Меха шт.	–	20 руб.	Бреславское	1 р. 40 к.	1 руб.
Собольевые	–	5 руб.	Сундук же- лезн.	–	1 руб.
Лисьи	–		Тафта (арш.)	–	50 коп.
Кошачьи	–	1р. 50 к. 1 руб.	Чай китайск.	–	2 руб.
Беличья	–		Юфть		2 руб.
Чайник	–	50 коп.	Сталь немец.	6 руб.	4 руб.
Медный	–	5 руб.	Кожа красная	–	2р. 5 к.
Проволока (пуд)	–		Басма	–	
Ножи	–	3 руб.	Поднос ки- тайск.	–	50 коп.
Тетрадь	–		Ваза китайская	–	1 руб.
Ярославская	–	12 коп.			
Широкая	–	6 к.			
Узкая	–	3 к.			
Платки	–	4 руб.			
Шёлковые	–				
Стакан 1 шт.	–	1 к.			

instituteofhistory.ru

¹ Шпаковский А. Торговля Московской Руси с Персией. Киев, 1915. С. 48.

Повышение цен на некоторые товары зависело как от рынка сбыта, так и от фискальных интересов таможни.

В XIX в. производство многих тканей усовершенствовалось. Русская мануфактура все в большем количестве производила шёлковые изделия для внутреннего и внешнего рынков. Шёлковые изделия поступали и из западноевропейских стран.

В первой четверти XIX в. была распространена торговля и запретными товарами. Некоторая часть российских товаров по указу царского правительства была изъята из свободного обращения. В числе их названы корабли, все виды оружия, порох, свинец, кремль, железо (право на торговлю железом имела казна), олово, медь, топоры, гвозди, всякие военные припасы, селитра, военное обмундирование, паруса, судовые припасы, верблюды, лошади и пр.¹ Из хранящейся в фонде коммерц-коллегии сводной справки от 1815 г. о запрещенных товарах видно, что эта группа товаров была изъята из продажи на внешнем рынке².

Не допускалась торговля всеми видами судостроительных материалов, на которые в Дагестане и Дербенте был исключительный спрос; их готовы были купить за любую цену. Указом Сената была запрещена продажа судостроительных материалов.

Однако, несмотря на такой строгий запрет, некоторые судостроительные материалы стали продавать на базаре³.

Русские консулы, выполняя указания правительства, строго следили за тем, чтобы не продавались судостроительные материалы, и препятствовали строительству судов на местах с помощью русских мастеров. Они требовали, чтобы в Астрахани строго наблюдали за судами, отправляющимися на юг, и усилили контроль над судовыми материалами⁴.

¹ Шпаковский А. Торговля Московской Руси с Персией. Киев, 1915. С. 48.

² Абдуллаев В.Г. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли // Изв. АН Азерб. ССР. 1960. № 6. С. 30-32.

³ Там же.

⁴ Тер-Авестисян С. Материалы по истории торговых отношений джюльфинских купцов в XVII-XVIII вв. Тбилиси, 1937. С. 22-23.

Но эти меры не были в состоянии помешать негласному вывозу из России в Дагестан и в другие сопредельные с ними страны железных и других «заповедных» товаров. К примеру, за один рейс из Астрахани в Дербент было привезено пять тысяч пудов железа¹. Это удивило Коллегию иностранных дел и она запросила, каким образом железо, запрещенное к вывозу, могло быть доставлено в Дагестан в таком большом количестве. Астраханскому губернатору было предложено немедленно расследовать дело и потребовать от кубинского правителя отыскать железо и выслать его в Астрахань².

В прикаспийских областях русское железо и особенно свинец и сталь конфисковывались, как только получали о них сведения.

По этому поводу астраханский губернатор отправил донесение правительству о том, что русское железо и свинец тайно «в Дербент на русских судах возят и русские люди дербентским купцам продают... Я означенный свинец у того персиянина конфисковал, но он, неотступно докучая, просил меня об отдаче»³.

Такая политика противоречила интересам как русского, так и дербентского купечества, стремившегося включить в сферу коммерческой деятельности запрещенные прибыльные товары и свободно продавать их на восточном рынке.

Дербентские купцы привозили железо и сталь из соседнего Азербайджана и из других областей Закавказья и Ирана. Спрос на высококачественное железо и сталь в Дагестане был значительным, и он удовлетворялся за счет иностранного, в основном российского, привоза. Железо, сталь и свинец продавались по выгодным ценам⁴.

Привозное же из Закавказья железо – гянджинское и глянское – было низкого качества. В 1824 г. пуд его стоил в Дер-

¹ Тер-Авестисян С. Указ. соч. С. 23.

² Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. XVIII – I пол. XIX в. Баку, 1979. С. 22.

³ Сулеймонов Р.Д. Торговые связи Азербайджана с центральной Россией в первой пол. XIX в. Баку, 1975. С. 104.

⁴ Асодов Ф.С. История Талышского ханства и его связи с Россией. Баку, 1966. С. 42.

бентско-Кубинском ханстве 2 р. 50 к., а мазандаранского – 1 р. 80 к., в то время как русское железо шло 3-4 руб. за пуд¹. Дербентские купцы охотно его покупали, предпочитая персидскому железу.

Интересы купечества, в том числе дербентского, требовали отмены запрета продажи железа, стали, меди. Это нашло отражение в ряде писем купцов в официальных донесениях, адресованных астраханскому губернатору и коммерц-коллегии.

Факты свидетельствуют, что, несмотря на принимавшиеся властями административные меры, оказалось невозможным прекратить контрабандный вывоз и продажу «запрещенных товаров», которые нередко продавались в Дербентско-Кубинском ханстве совершенно открыто².

Выход России в I пол XIX в. на первое место в мире по выплавке чугуна и железа³ требовал расширения рынков сбыта и русское купечество и деловые круги считали, что наступило время для свободной реализации этих металлов на восточных рынках. Поэтому вопрос торговли металлами в Дагестане и Закавказье несколько раз обсуждался в Сенате и коммерц-коллегии. И в результате этого вывоз запрещенных товаров из Астрахани стал разрешаться купцам по усмотрению губернатора в небольшом количестве и только из казенного железа⁴.

Выгодная посредническая торговля металла по разрешению губернатора перешла в основном в руки отдельных дербентских купцов, живших в Астрахани и стоявших ближе к властям. Железо это отправлялось из Астрахани прямо в Дербент, Баку, Энзели и другие персидские порты «и... главными посредниками в этой торговле... были дербентские армяне»⁵.

В апреле 1828 г. армянскому купцу Ашоту Белдееву разрешено было купить «железо шесть тысяч, стали тысячи пятьсот, лом триста пудов» для провоза в дербентские и азербай-

¹ Мустафаев Д. Указ. соч. С. 37.

² Стромилин С. История черной металлургии в СССР. М., 1954. С. 202.

³ Мустафаев Д. Указ. соч. С. 39-40.

⁴ Там же.

⁵ Тер-Авестян С. Указ. соч. С. 48.

джанские приморские районы с уплатой соответствующих пошлин¹. Однако сталь и олово без ордера губернатора на внешний рынок не могли вывозиться.

Иначе говоря, торговля металлами с восточными странами вначале строго запрещенная, затем прочно перешла в ведение русской власти.

Политика царской России была направлена на то, чтобы помешать восточным странам, в том числе Дагестану, вооружать войска, изготавливать орудия и т.д. В условиях того времени ремесленники изготавливали из железа холодное и огнестрельное оружие, подковы для лошадей, сельскохозяйственные орудия. Железо нужно было и для строительства. Поэтому царская политика запрещения или ограничения вывоза из России металлов не могла не иметь отрицательного влияния на экономику Дагестана.

В число запрещенных русских товаров входили также золото и серебро в монетах и слитках, золотая и серебряная посуда, украшения и пр. Спрос на золото и серебро был очень велик: «Цена там превосходная, на них покупают всякие товары – сверх его в Дербенте, Баке, Шемахе и протчих местах, которые близко соседствуют к российским границам; делается это самовольно, серебряные монеты, привозимые из Персии, российские монеты там ломают и делают из них свои»².

Русская рублёвая монета стоила в Дербенте в 1934 г. 1 р. 50 к., а в 1835 г. – 1 р. 10 к.³

Несмотря на строгое запрещение, серебряная монета и золотые червонцы тайно вывозились в Дагестан, в Дербент.

Власти России принимали строгие меры против вывоза золота и серебра, усиливая охрану границ, учреждая новые заставы и улучшая таможенный досмотр товаров. Контрабандистов, пойманных с поличным, предполагалось «казнить смертью, а арестованные деньги, пожитки и вещи брать в казну без-

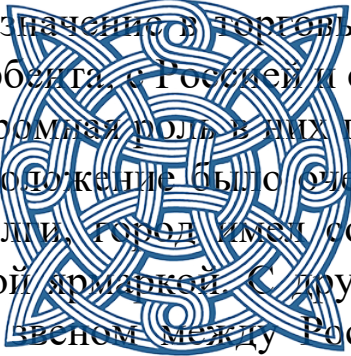
¹ Мамедова Г. Указ. соч. С. 39-40.

² Багирова М.М. История Шекинского ханства и присоединение его к России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1980. С. 27.

³ Там же.

надежно и отсылать в монетную канцелярию»¹. Предложено было устроить розыск купцов, контрабандно вывозивших из России запрещенные металлы, а выдавшим их в руки властей людям назначалось большое вознаграждение². Однако правительственные меры против вывоза запрещенных товаров не достигли цели. Контрабандный вывоз товаров, в том числе металлов, продолжался.

Говоря об основных торговых путях и торговых центрах, которые имели важное значение в торговых отношениях Дагестана, в том числе и Дербента, с Россией и со странами Востока, нужно отметить, что огромная роль в них принадлежала Астрахани. Географическое положение было очень выгодно, так как, находясь в устье р. Волги, город имел сообщение с центром России и Нижегородской ярмаркой. С другой стороны, Астрахань являлась важным звеном между Россией и восточными странами. Сюда приезжали со своими товарами купцы из Бухары, Хивы, Ирана и далекой Индии, из Дагестана и закавказских стран.

instituteofhistory.ru

В начале XIX в. Астрахань превратилась в важный торгово-экономический центр. По словам современника, здесь находилось 175 разных мануфактурных предприятий и два банка, в городе имелись три гостиных двора, где шла оживленная торговля между иностранными и местными купцами. Купцы из Дагестана, в частности из Дербента, обычно останавливались в Гилянском гостинном дворе³.

Приведенный материал свидетельствует о том, что Дербентско-Кубинское ханство и в XIX в. продолжало играть важнейшую роль в морской и сухопутной торговле в прикаспийском регионе, имело тесные связи с Москвой, Астраханью, Кизляром, Петровском и другими городами западного побережья Каспия.

В экспорте Дербента первой четверти XIX в. немаловажное значение имели «сорочинское пшено» (рис), хлопчатобу-

¹ Багирова М.М. Указ. соч. С. 27.

² Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980. С. 28.

³ Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С. 41.

мажная пряжа, хлопок. Большой спрос на эти товары позволял купцам перевозить их большими партиями и получать богатые прибыли. Однако дербентские купцы нередко терпели злоупотребления и произвол таможенных чиновников в Астрахани. В 1826 г. дербентские купцы Абдулла Аджи, Баба Багиров и Раджабали Михралиев жаловались, что чиновники астраханской таможни конфисковали их товары, не имея на то никакого основания¹. В 1822 г. группа дербентских купцов также жаловалась на грубое обращение цолнера Шкилева, который взимал с них пошлину сверх установленного, обращался с ними очень грубо². После обсуждения жалобы восточных купцов на заседании коммерц-коллегии цолнер Шишнев был освобожден от занимаемой должности, а в предписании Астраханской таможне указывалось на необходимость прекращения притеснения восточных купцов, ибо эти притеснения приносят вред русской торговле³.

Важную роль в экономике Дербентского ханства играли рыболовство и торговля рыбой, икрой и т.д. Рыболовные воды Дербента сдавались в аренду частным купцам. Это были в XIX в. братья Ванецовы, Мирзоев, Арзуманов, бр. Маиловы и др.⁴ Они получали большие прибыли от продажи рыбы и рыбопродуктов.

Среди вывезенных в Дербент тканей главным образом были и восточные (бязи мазандаранские, китайка битая) и русские (холст), имевшие большой спрос в Дагестане. Большое место в астраханско-дербентской торговле принадлежало в XIX в. и дербентским армянам, среди которых были и владевшие крупными капиталами. Так, Марирос Осипов за один раз привез товаров в Дербент на 1260 р., Иван Астарянов – на 840 р., Арутюн Калоев – на 910 р. Григорий Иванян – на 1104 р.⁵

¹ Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980. С. 30; Маркова О.П. Указ. соч. С. 86.

² Маркова О.П. Указ. соч. С. 87.

³ Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Т. I. С. 235.

⁴ Там же.

⁵ РДО. С. 317; Кузнецова Н. Указ. соч. С. 147.

В астраханско-дербентской торговле 1817 г. принимали участие исключительно дербентские жители. Среди них были и такие, которые везли большие партии товара. Так, дербентский купец Амир Мамедов вез товар на 2358 руб., Сафарали Байрамов – на 2388 руб., Насир Джабраилов – на 2259 руб. Дербентские таты везли товары: Манашир Израилов на 2100 руб., Грина Азоев – на 2400 руб. и Ариф Сафаров – на 1080 руб.¹

Рассматриваемый период обращает на себя внимание увеличением числа дербентских купцов, участвующих в астраханско-дербентской торговле, по сравнению с предыдущими годами и увеличением количества и стоимости привозимых ими товаров. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что только за шесть месяцев 1825 г. из 26 торговцев, участвовавших в астраханско-дербентской торговле, был только один недербентский житель – грузинский армянин, остальные: пятнадцать дербентских армян, один дербентский грузин, четверо дербентских азербайджанцев, пятеро дербентских евреев².

Такие купцы, как Мартирос Макаров, Иван Нагоев, Джумшур Сеидов, Итхай Софаров и др., привозили товары (металлы и металлические изделия, ткани и изделия из них, кожи, меха, фаянс, деревянные изделия) на большие суммы. Перечень товаров показывает, что купцы вывозили в Дербент главным образом промышленные изделия, замки, коробки, оборудование для развивающейся дагестанской промышленности, станки, инструменты и т.д. Русские промышленные товары находили большой сбыт в Дагестане. Поэтому дербентские купцы закупали их в Астрахани и везли к себе в Дербент, рассчитывая их выгодно сбывать.

Одним из препятствий, мешавших развитию свободной торговли дербентских предпринимателей и купцов, были высокие пошлины. Причем платили и в российских городах (Астрахань, Москва, Кизляр), где приобретались товары на вывоз, их платили и собственно в Дербенте. Платили высокие пошлины в Дербенте и российские купцы.

¹ Киласов Р.К. Указ. соч. С. 39.

² Галоян Указ. соч. С. 117.

И следует особо отметить, что взимая пошлины с товаров российских купцов, феодальные правители Дербента и не думали о защите местного купечества от иностранной конкуренции. Это не было политикой покровительства местному производству. Их политика носила фискальный характер, преследовала исключительно цели личного обогащения.

Российские власти преследовали свои цели в пошлинной политике. В тарифах, изданных еще при Екатерине II (1782, 1796 гг.), систематически повышались пошлины на такие привозные фабрикаты, которые изготовлялись на русских предприятиях, и одновременно снижались пошлины на сырье, необходимое для русских мануфактур. Таким образом, взимание пошлин в России регулировалось едиными правилами, установленными правительством, в которых не делалось исключение ни для каких стран, в том числе и для Дагестана.

Дербентские купцы настаивали, чтобы русское правительство предоставило им такие же льготные условия по части беспошлинной торговли, какие были созданы и в других странах. Но это не давало особых результатов.

Бывало и так, что торговлю русского купца, пользовавшегося привилегированными правами в Дагестане, Закавказье и Иране, вели приказчики нерусского происхождения, хорошо знавшие местные особенности, языки, обычаи и традиции. Они подчас скрывали от взимания пошлины товары купцов других стран, представляя их местным таможенным властям, как русские, что нередко вызывало конфликты. Царское правительство предлагало своим купцам не брать себе приказчиков из нерусских подданных, чтоб «... под именем российских подданных отпуску товаров... миновать было можно»¹.

Таможенным управлениям, русским консулам, а также купцам и их приказчикам, занимавшимся торговлей в Дагестане, Закавказье и т.д., было приказано иметь при себе паспорт с перечнем принадлежавших им товаров. Это делалось с целью предоставить российским подданным юридическое право поль-

¹ Галоян. Указ. соч. С. 117.

зоваться своим льготным положением, устранить взимание пошлин с их товаров, предоставить вывоз из России под маркой чужих и запрещенных к вывозу товаров.

Русские купцы и их приказчики перед тем, как отправляться в Прикаспийские области, вместе со своими товарами регистрировались в Астраханской таможне. Губернская канцелярия выдавала им специальные паспорта, где отмечалось их право и приводился список товаров в виде приложения.

Одновременно с отправкой из Астрахани товаров к месту назначения предлагалось посылать российскому консулу ведомость с приложением их перечня, списка и фамилии их владельцев и других необходимых сведений.

Все эти меры обеспечивали лишь частичный успех, так как предпринимателями изыскивались новые пути и способы для ввоза и вывоза нерусских товаров под русской маркой. Такие операции проводились ещё с конца XVIII в. Чтобы скрыть товары от таможенной проверки в Астрахани, суда порой в обход астраханских таможенников грузились не в самом порту, затем они заходили в другие места и уходили на место назначения, минуя консульский контроль таможенной проверки и уплаты пошлин. Купля-продажа и перевозка товаров по-прежнему осуществлялись зачастую без документации и поручались подставным лицам, что нередко приводило к недоразумению. Среди документов той эпохи сохранились заявления дербентских купцов Арифа Асланова и Артемия Афанасьева в Астраханскую губернскую канцелярию. В заявлениях их говорится, что принадлежавший им товар в Дербенте по дороге из Шемахи в Кизляр «без остатку отнят насильственно». Вес отнятых товаров составил 123 пуда 10 фунтов¹. Далее из заявления видно, что этот товар был отобран и передан на хранение в Дербенте в гостином дворе для выяснения подданства его хозяев и удовлетворения фискальных интересов местных властей. В Дербенте, как в узловом таможенном пункте, проверялись товары и для освобождения русских подданных от пошлин требова-

¹ Абдуллаев Указ. соч. С. 404.

ли «достоверное свидетельство», которое называлось «купеческим аттестатом».

В упомянутом выше инциденте приказчики, сопровождавшие эти товары, не смогли предоставить никаких свидетельств, кроме словесных заявлений. Местные власти не принимали во внимание эти устные подтверждения и свидетельства частных лиц о подданстве упомянутых купцов и принадлежности их товаров без официального свидетельства, выданного русскими властями.

В целом же для возвращения товаров, задержанных в Дербенте в целях выявления их настоящих владельцев, достаточно было подтверждения комендантского управления.

Для того чтобы освободиться от уплаты пошлин и пользоваться привилегированным положением русского подданного, купцы кавказского происхождения нередко переселялись на определенный срок в Кизляр или в Астрахань, принимали русское подданство, оставляя свои семьи на прежнем месте жительства. Иногда они сохраняли двойное подданство: русское и своё и даже носили двойные фамилии.

Однако в целом все шло по установленным порядкам, хотя и вызывая все больше конфликтов. Группы дербентских, индийских, гилянских и азербайджанских купцов посылали на имя коммерц-коллегии письма, в которых выражали недовольство по поводу взимания повышенных пошлин с их товаров и предъявляли жалобы на произвол и взяточничество таможенных чиновников. Эти купцы заявляли, что в прошлом в Астрахани с их товаров взимали пошлины из расчета по 10 коп. с рубля..., и жаловали на то, что вышедшему вновь тарифу со всякого товара берется пошлина с рубля 25 коп.¹ Они обращали внимание царских властей на то, что для них существующий в крае тариф весьма отягателен, что с корня марены пошлин прежде брали с пуда 50 коп., а ныне – 1 руб.; жаловались они и на то, что по новому тарифу с привозных товаров против преж-

¹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 597.

него берется пошлины гораздо больше, и ставили вопрос почему за вывоз тех товаров пошлины берется мало. Жалобы были и на то, что больше пошлины берется с привозных фруктов, пшеницы сорочинского, съестных припасов, хлопчатой бумаги и т.д.¹

По словам этих купцов, портовые таможи иной раз произвольно повышали установленные тарифы пошлин. В письмах купцы утверждали, что бывали случаи, когда в Астрахани пошлину брали даже за утонувшие товары. Купцы жаловались и на то, что «да и пошлину забирают серебряными деньгами, а мы за эти товары свои продаем за медные же деньги», а при оплате пошлин медью из-за отсутствия серебра «за оные медные деньги накладывают промен по пяти копеек с рубля»².

В этих документах приводятся многочисленные факты злоупотреблений и произвола астраханских таможенных чиновников и говорится о том, как влияет этот произвол на торговлю. Купцы писали также, что часто остаются под открытым небом, в непригодных амбарах, отчего портятся их товары, особенно марена, которая делается негодною, сверх того их обвешивают, что товары их гниют и они терпят убытки.

Жалобы купцов о произволе таможенников при взимании пошлин и о злоупотреблении таможенных чиновников привлекли внимание «пошлинных и привозных денег» более 100.000 руб. ежегодно³.

При выдаче товаров в таможене создавались и другие искусственные проволочки. Купцы подвергались разным притеснениям под предлогом, что якобы ими пошлина заплачена несполна: для взимания высоких пошлин или вымогания взяток таможенники оценивали товары по завышенным ценам. Поэтому не раз поступали к царю жалобы, выражавшие недовольство купечества произволом и вымогательством в таможенных управлениях. Были установлены и размеры рахтарного сбора «с привезенных в Дербент из Астрахани и из прочих мест равно с

¹ Эсадзе С. Указ. соч. С. 598; Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 409.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 409; Ходзе С. Указ. соч. С. 410.

³ Лысцов В.П. Кизлярский комендант. Д. 2584. Л. 64-66.

вывезенных из Дербента в Астрахань и прочие места товаров»¹.
О них можно судить по следующей таблице:

Название товара	Количество	Вес		Размер рахтарного сбора	
		пуд	фунт	руб.	коп.
<u>Астраханские</u>					
юфти красные, кожаные	0,5 шт.	–	–	2	82,5
писчая бумага (разные сорта)	10 стоп	–	–	1	5
зеркала четвертные	дюжина	–	–	–	10
сурик	–	1	–	–	54,5
сахар	–	1	–	–	14
холст тонкий	–	1	–	–	28
олово	–	1	–	–	28
сталь	–	1	–	–	3
замки	–	1	–	–	2,5
мерлушки калмыцкие	–	7	30	2	10
мёд	–	1	–	–	1,5
масло коровье	–	1	–	–	1,5
мука пшеничная, ржаная	без рахтара				
свинец	–	1	–	–	12,5
провода	–	1	–	–	15
санда	–	1	–	–	7,5
краска брусковая	–	1	–	–	30
стеклянная посуда	1 тай	5	–	–	50
мыло	–	1	–	–	20
сало баранье	–	1	–	–	20
сало говяжье	–	1	–	–	20
брусья, сосновые доски, дрова	без рахтара				
железо полосное	–	1	–	1	–
чугунные плиты	–	1	–	1	–
ножи	1 тай	3	–	1	25
сукна (испанские, английские)	1 тай	–	–	5	45
свечи сальные	–	1	–	2	–
кожи коровьи, необработанные	1 шт.	–	–	–	2,1
бурки (епанчи)	–	1			

¹ Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 390-391.

Из астраханских товаров, как видно из таблицы, высоким рахторным сбором (пошлиной) облагались красные кожи (юфты), калмыцкие мерлушки, английские сукна, железные изделия и сальные свечи, пользовавшиеся наибольшим спросом.

Дербентские рахтарные сборы видны из следующей таблицы:

семена шафранные	1 тай	5	–	–	50
кожа буйволиная	1 шт.	–	–	–	2,1
марена	1 харал	9	–	–	2,0
бязь белая и другая	–	18	–	2	82,5
бумажная материя	1 тай	6	–	–	40
рис	без рахтара				
хлопчатая бумага	1 харал	9	–	–	20
фрукты	без рахтара				
душаб	–//–				
соль и медь	–//–				
кафтаны, шитые из лезгинского сукна	1 тай	6	–	1	25
шёлк-сырец	1 тай	6	–	3	40

Рахтарный сбор в Дербенте был высок на шёлк-сырец, на бязь и другие хлопчатобумажные изделия, а также на изделия из дагестанских сукон. От рахтарных сборов были освобождены брусья, сосновые доски, лубки, дрова, мука пшеничная и ржаная, сорочинское пшено.

В Дербентско-Кубинском ханстве пошлину устанавливали независимо от цены товара.

Доходы дербентских правителей во второй половине XVIII в. пополнялись, как и ранее, за счет феодальных податей в натуральном и денежном выражении, а также за счет разнообразных пошлин.

Главными доходными статьями казны Дербентского ханства были: мизанный сбор¹ (т.е. сбор за взвешивание товаров); сбор от продажи скота; «казабханская статья» (т.е. пошлина за

¹ ЦГА РД. Книга доходов и расходов по Дербентскому казначейству. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 25.

убой скота); за пастбища (ятаги) – сбор натурой с каждого стада, этот сбор состоял из одного барана хану с лиц, пасших стада на бекских ятагах; кроме того взимался горбаши (1 баран) и куллух (т.е. служилыми 50 баранами); «мыльная статья» (за окраску изделий); сбор с табака; «статья рыбной ловли»; «статья с казенных мельниц»; сбор с ханских и частных лавок; с фруктовых и виноградных садов и т.д.¹

С красилен взималось за окраску единицы (одного стила) ткани или пряжи, причем величина сбора зависела также от вида окрашиваемого материала (хлопок, шерсть, шелк, в изделии или пряже), а также от цвета окраски. Например, за окраску в темно-серый или темно-синий цвет со стила взимали 1 руб., в голубой – 50 коп., в зеленый – 25 коп. С шёлковой нити с темно-синего цвета со стила 40 коп., с вишневого – 20 коп., с светло-зеленого – 20 коп., с сукна светло-синего с 14 ½ арш. – 40 коп., с бурмета 5-ти аршин – 10 коп.² и т.д.

Наиболее доходной статьей был рахтарный³, т.е. таможенный сбор. Этот сбор опутывал густой сетью всю торговлю, поэтому часто под именем рахтарных сборов разумели вообще всевозможные поборы.

Пошлины взимались со всех видов товаров и ремесленных изделий, вывозившихся на продажу. Купцы, отправляясь на север, проезжали через 3-4 ханства и всюду платили пошлины. Первые же пошлины они платили в Дербенте.

Пошлины были разнообразны и многочисленны. В целом сбор их был четко отрегулирован. С тканей и мягких изделий пошлины брались в расчете со вьюка. Взыскивались эти обложения деньгами. Чем дороже стоил ввозимый или вывозимый товар, тем выше были пошлинные проценты или поборы. Наиболее высоки были пошлинные сборы с шёлка и шёлковых изделий, с хлопчатой пряжи, с меди привозной, пороха, серы, селитры и железа. В этом легко убедиться, обратившись к таб-

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 145.

² Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку. С. 57.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ соч. С. 144.

лице, в которой показано «Взимание пошлин (таможенный сбор) в Шекинском и Дербентском ханствах»¹.

Товар	Размер пошлин с вьюка и с других видов продажи		Место, где взимались пошлины
	руб.	коп.	
шёлк	4	20	
краска	4	20	
хлопчатая бумага	2	50	
сахар	2	12	
железные изделия	1	12	город Дербент
масло	2	12	
медь	2	12	
финики	1		
бумажные нитки	4	20	
табак	2	12	
мыло	1	60	
сало говяжье	2	12	
глиняная посуда	—	25	
разные материи из Ирана	1	60	
разные материи из России	2	40	
изюм		60	
гранат		62	
горох		62	
рис		62	
шёлк и красный товар	1		
красное вино (с вьюка лошади)		40	
красное вино (с вьюка осла)		20	
гранат		10	
деревянные изделия (с продавца)	20		
нефть и соль (с продавца)		5	
орехи		40	
купец, прибывший из других ханств и проживающий в караван-сараях свыше 15 дней, платил:			
А) за большую лавку	2	40	

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ соч. С. 146-147.

Б) среднюю	1	60	
В) малую	1	20	
сушеные фрукты (с продавца)		40	
Если привезенный в город товар в течение 10 дней не продается, «а купец везет его обратно, то платит дарге с вьюка саламат пули»			
медь (привоз)	5		
вывоз шёлка из Шеки в Дагестан	2	50	
мыло	1	–	
порох (с батмана)		30	
селитра, сера	5	–	
железо, гвозди для подков	5	–	
пшеница, рис, ячмень, чалтык (привоз и вывоз как предметов первой необходимости)	без пошлин		
лезгинское сукно и бурки	1		

Обращает на себя внимание то, что налоги или пошлины платились и за использование дербентскими лавками. Приезжий купец за пользование большой лавкой для продажи своих товаров платил от 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к. в зависимости от размера лавки. Был определен и срок пользования лавкой – 15 дней. Интересно отметить, что вывоз обратно непроданного в Дербенте товара не обходился без уплаты пошлины. В таком случае платились «саламат пул» в расчете 40 коп. с одного вьюка.

Не облагались пошлинами лишь пшеница, рис и ячмень как предметы первой необходимости.

Как видно из таблицы, пошлинами облагались по существу все вывозившиеся товары. В разделе о торговле уже указывалось, что торговый оборот Дербента в XVIII веке имел тенденцию к возрастанию за счет участия в ней как собственно дербентских горожан, ремесленников и торговцев, так и за счет иноземных торговцев (индусов, русских, армян, грузин, персов и т.д.). Следовательно, параллельно с ростом объема торговых

операций возрастали и рахтарные сборы, пополнявшие ханскую казну. Поэтому можно утверждать, что основу финансовой системы ханства в этот период составляли рахтарные сборы, натуральные и денежные сборы с крестьян, а также налоги с ремесленников и торговцев.

Все это упрочивало финансовое положение дербентских правителей. Однако в целом высокие проценты рахтарных сборов существенно тормозили развитие торговли, отрицательно сказывались на положении горожан, мелких торговцев и ремесленников.

Немалую роль в росте финансовых поступлений в ханскую казну играла и откупная система, широко практиковавшаяся в Дербентском ханстве, в феодальном Дагестане. На откуп отдавались пошлины с различных видов хозяйственной деятельности. Ханские власти представляли откупщикам большие льготы. Купец, перед тем как вывозить что-нибудь за пределы Дербентского ханства, был обязан брать от откупщика грамоту-ярлык и платить, если кто что-либо утаит и захочет провести тайным образом, не заплатив пошлин, и если откупщик его поймает и докажет его вину, то с виновного взыскивалась двойная пошлина в пользу откупщика¹.

Окраска шёлка, шерстяных и бумажных материй, ниток в наиболее распространенные голубой, темно-зеленый и светло-синий цвета была представлена в монополию откупщику. Произвести окрашивание тканей указанными выше красками никто, кроме откупщика, не имел права. В другие же цвета окрашивание произвести имел право любой ремесленник. Если кто-либо оставался недоволен «услугами» откупщика и товары нуждались в повторной окраске, им разрешалось свои товары «красить в другом месте, но отнюдь не в Дербенте»². Откупная система отрицательно влияла на положение трудового люда, так как откупщики взимали сборы и пошлины в размерах в двадцать раз больше установленных центральной властью.

¹ Полевой материал, собранный в Дербенте.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 149.

В источниках отмечается, что в Дербенте существовал монетный двор, который отдавался на откуп. Интересно было то, что «всякий житель, сколько ему надобно, отдает в чекан серебро или медь, получает монету известного весу, платя подрядчику положенную цену. Деньги их серебряные абазы, коих пять составляют ханский рубль или сто копеек; сих копеек 260 составляют российской серебряной рубль»¹. Так обогащались и ханы, и откупщики.

Земледельцы присваивали значительную часть прибавочного продукта, созданного непосредственными производителями – райятами. Она колебалась от 1/10 до 1/5 доли урожая – пшеницей, ячменем, чалтыком, шелком и пр. Этот вид подати в Дербентском ханстве назывался «мал-у-джахат»².

Существовало и много других видов податей: тоуджи – плата в пользу хана деньгами, даругалыг – плата для управителя, сборы ихраджат, ушр – плата части урожая в казну, баг-пулу – плата с сада, чапбаши – с пастбищ, байрамлыг – праздничный сбор, атарпасы – поставка корма для ханских и бекских лошадей.

Важную роль в финансово-налоговой системе ханства играла и издольная аренда, в которую передавались земли, т.е. передача земель в аренду – пахотных земель, рисовых полей, шёлковичных садов и пр. Издольщики – ранджбары платили хану от одной пятой до двух третей валового урожая. Порой издольщики пользовались семенами, инвентарем и скотом владельца. Существенно уменьшалась доля издольщиков в урожае. Существовал и бияр, т.е. барщинная повинность; виды и размеры бияра бывали различными. Обычно бияр отбывался крестьянами несколько дней в году; райяты должны были сообща работать на хана или бека, выполняя тяжелые работы, требующие большого труда³. Кроме того, они несли хозяйские стада, платили подати овцами, шерстью, маслом, сыром.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 205.

² Полевой материал, собранный в Дербентском районе.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 170.

Натуральные сборы с зерновых культур в Дербентском ханстве составляли 1/3 урожая в пользу ханской казны; тиульдары оставляли себе 7/30 урожая; 1/10 урожая они сдавали в казну. Согласно данным источников, верховным распорядителем распределения и сбора налогов был хан: «жители доставляли все продукты куда им было приказано ханом»¹. В Дербентском ханстве с деревень Сабнава, Араблар, Моллакент, Кулар, Уружба, Салих, Падар, Джагут, Рукель подати хану в год собирались «с каждого двора от урожая хлеба десятая мера, шёлку – десятая часть, баранов с каждой сотни по два барана, масла по ¼ батмана»².

Архивные данные свидетельствуют, что податные сословия давали «хану сумму со двора по три рубля ханскою монетою... или по 170 фунтов всякого хлеба ..., каждую весну и осень по одной овце от ста, десятую долю всех прочих зеленых произведений...»³.

По имеющимся сведениям, хан Дербента имел годового денежного дохода от пошлин с монетных дворов, лавок, с рахтарных сборов, с привозных товаров и прочих собиравшихся с городов Дербента сборов на 20.000 и более рублей серебром. Доход он имел и с деревень, который собирался деньгами и натурой⁴. На случай военных и других непредвиденных надобностей хан брал от 500 до 1000 руб. с феодалов, а с каждого двора как в городе, так и в деревнях от 20-ти до 30-ти рублей и хлеба сколько потребно⁵. Особенность этого вида обложения заключалась в том, что она распространялась не только на податные сословия, но и на самих феодалов. Однако феодалы обычно пользовались особыми привилегиями и избегали налоговое обложение.

¹ Чулков М. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. С. 157, 158.

² ЦГВИА РФ. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 2. Л. 19.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 20.

С.Г. Гмелин в XVIII веке отмечал, что дербентский хан «на своих подданных накладывал подати такие, какие они... едва платить в состоянии находились»¹. Нередко чрезвычайные или добавочные обложения составляли примерно такую же сумму, как прямые и косвенные сборы, а иной раз превосходили их.

В доходных статьях Дербентского ханства значительное место занимали подушные (равмуды) подати. Обложению подвергались все лица мужского пола. В Дербенте взималось «с женатого по одному рублю, а холостого – 60 копеек». В Куларе и Рукеле подушные подати собирались натурой и деньгами (хлебом и деньгами). Причем женатые платили в два раза больше, чем холостые². В Дженгутае, Сабнаве и Дербенте армяне и евреи женатые платили подушную подать 2 руб. 40 коп., неженатые – один рубль 20 копеек³. В магалах Мюшкура женатые платили «подушные деньги по два рубля по десяти копеек, холостые по рублю по пяти копеек»⁴.

Подушная подать с женатых мужчин взималась в большем размере, чем с холостых, видимо, по той причине, что в семьях женатых было больше рабочих рук. Юноши, не достигшие 20 лет, не облагались подушной податью. Годовая подать с душ мужского пола в Арабларе составляла 400 рублей⁵. В селениях Салик и Падар сбор подушных податей имел свои особенности. Подать эта в них взималась не только с лиц мужского пола, но и с дома: «подушные с домов, со скота, с семян, с бостанов, с деревьев, с хлопчатой бумаги, проса и чалтыка взыскивались в казну деньгами, пшеница и ячмень собирались и отдавались в казну натурой»⁶.

Подвластные дербентскому хану крестьяне, занимавшиеся скотоводством, хлебопашеством, перевозкой товаров между

¹ Гмелин. Указ. соч. Ч. 3. С. 97-98.

² Полевой материал, собранный в Дербентском районе.

³ Гмелин С.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 96.

⁴ ЦГВИА РФ. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 2. Л. 14-30.

⁵ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.

⁶ Там же. С. 174.

Дербентом и другими населенными пунктами, согласно полемому материалу, платили подати до 15 рублей в год каждый. О многообразии этих податей можно судить по таблице, показывающей сбор податей в ряде сел Дербентского ханства¹.

Место сбора	руб.	коп.
<u>селение Салик</u>		
с пшеницы и ячменя с душ мужского пола и домов	624	40
с крупного рогатого скота	120	20
с садов	248	
с ореховых деревьев	194	
с самана	28	
«куллук» в пользу сборщика денег	16	
<u>селение Араблар²</u>		
с душ мужского пола и домов	546	
с рогатого скота (кроме баранов и овец)	100	
с баранов и овец	60	60
с шёлкомотальных станков	9	
в пользу сборщика	75	
за дрова	48	40
с бастанов, с посевов хлопчатой бумаги	480	
<u>селение Кулар</u>		
с душ мужского пола и домов	400	
с разного рогатого скота (кроме овец)	64	
с садов	80	
с шёлковых деревьев	52	
с ореховых деревьев	28	
с баранов и овец	14	40
с самана	14	60
«куллук» сборщику	9	
с посевов, хлопчатой бумаги, проса и бастанов (кроме пшеницы и ячменя)	57	60
с мельницы		32
с дров		54

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 175; Ашурбейли С. Очерки ... С. 223; Воробьева А.Г. Азербайджано-русские торговые связи (в освещении русских источников XVII – начала XVIII в.). Баку, 1972. С. 48.

² Воробьева А.Г. Указ. соч. С. 106-108.

Регулярное поступление этих обложений обогащало казну дербентских ханов, упрочивало их финансовое положение.

Помимо указанных налогов, существовала ещё целая масса налогов и повинностей, тяжелым гнетом ложившихся на плечи крестьян, райат и ремесленников. Одним из таких налогов являлся налог алафэ.

Алафэ (алафа) означал «фураж» – корм для верховых и вьючных животных, а также «провиант», «продовольствие», «пайки» для воинов, поставляемые райатами по требованию властей¹. Он шел на содержание ополчения, войска, гарнизона Дербента.

Бигар и шигар означали повинности, налагаемые правителями и владельцами областей и округов на крестьян для нужд государства: постройка крепостей и дворцов, доставка строительных материалов, прокладка дорог, проведение оросительных каналов, полевые работы на пашнях правителей и владельцев и т.д. Это были по форме и сути настоящие феодальные повинности.

Важным источником дохода в ханскую казну являлся налог чобан-беш – подать за пастьбу скота, главным образом овец и баранов. Эта подать взималась за пользование принадлежавшими хану и казне летними (яйлаг) и зимними (кишлак) пастбищами с полуоседлых крестьян, занимавшихся скотоводством².

Часто жителям Дербента приходилось расплачиваться натурой и повинностями для удовлетворения нужд войска, знати и государственных чиновников, находившихся в данном округе или области. Эти издержки не оплачивались казной³. Называлось все это ихраджат. Оплата райатами издержек на особо важных гонцов, курьеров и других должностных лиц, пользовавшихся казенной почтой⁴, называлась улам¹.

¹ Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 572. С. 42.

² Петрушевский И.П. Очерки... С. 270-271.

³ Там же. С. 272-273.

⁴ Там же. С. 276.

Как выше отмечено, в ханстве развито было ковроткачество. И интересно то, что нередко с ковроткацких цехов или мастерских взывался налог под названием дазгах-баши. Подать с сада называлась *мал* и *баг*. Она равнялась 1/10 доли урожая плодов².

Обременяли дербентцев и сельчан и пишкеши в пользу феодалов при каждом их посещении. Хотя пишкеш – добровольное подношение, собираемое под видом «подарка» владельцу Дербента³, он так же, как и другие налоги, пополнял ханскую казну.

Для торговцев был особенно ненавистен налог бадж, который взимался с приезжих купцов за провоз товара по торговым путям⁴, у городских ворот и на пристани, где стояли суда. Эта пошлина была тяжелой для городского населения, так как способствовала повышению цен на привозившиеся товары.

Одним из налогов, обогащавших ханскую казну, явился бониче.

Ремесленники Дербента и все городское население платили ещё и подушный налог серанэ⁵. Сборщики налогов и сопровождающие их лица получали 5% собираемых налогов. Кроме того, они получали различные подношения. Если налогоплательщик запаздывал с уплатой, то каждую неделю сумма налога росла на 0,5%⁶.

Налоговая система в Дербентском ханстве была хорошо развита и приносила большие доходы правителям ханства и собственно Дербента. Исправное поступление налогов в ханскую казну обеспечивалось четкой работой большого числа их сборщиков.

¹ Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 572. С. 43.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гейдаров М.Х. Указ. соч. С. 167.

⁶ Там же. С. 171.

В Дербентско-Кубинском ханстве в XVIII веке существовала и отработочная рента. Крестьяне должны были отбывать в пользу феодалов, в первую очередь, отработочные повинности – бигар и эврез. Эврезом называлась обязанность крестьян всего селения бесплатно трудиться сообща в феодальном хозяйстве и на домашних работах у феодалов при возведении домостроений, хозяйственных построек и т.д. Хозяин должен был только устраивать угощение для работавших у него. Повинность бигар выражалась в том, что каждый райят должен был три дня в году работать на бека – на пахоте, сенокосе и уборке урожая¹.

Размеры феодальной ренты не были точно регламентированы, чем пользовались корыстолюбивые феодалы, сборщики налогов и другие представители администрации, пользуясь бесправием крестьян и ремесленников, произвольно увеличивая размеры сборов и наживаясь за их счет.

По этому поводу уместно привести содержащийся в актах Кавказской археографической комиссии факт: «хан призывал магального наиба, приказывал ему собрать 500, 1000 или более червонцев; магальный наиб удваивал требования хана; одну половину собранных денег оставлял у себя, другую представлял своему владыке...»².

Взимание податей и налогов носило явно классовый характер: крестьяне и ремесленники облагались все большими налогами и податями, а духовные лица – сеиды, муллы – были освобождены от них. Льготами пользовались муафи и все должностные лица, а также тиульдари. Источник XVIII в. свидетельствует, что «жители Кубинской, так и Дербентской провинции, исключая духовенство, шихов, то есть людей, удаленных от мирских сует, деревенских старост и десятских, дают хану сложную сумму со двора по три рубли ханскою монетою, по одному рубу, или по 170 фунтов всякого хлеба», а «из дагестанских двух округ то же число ячменю: каждую весну и

¹ Гейдаров М.Х. Указ. соч. С. 176.

² АКАК. Т. 7. С. 462-463. Док. 412.

осень по одной овце ото ста, десятую долю со всех прочих земных произведений и по четыре фунта коровьева масла»¹.

В этом же документе утверждается, что «подати из тех деревень, которые отданы на аренду или в вечное владение бекам, принадлежит им и составляют их жалованье». Отмечается также, что «армяне и жида сверх того дают ещё хану – женатые по одному рублю, а холостые по пятидесяти пяти копеек ханскою монетою»².

По свидетельству архивных источников, из этих доходов большая часть шла на содержание хана, его родни и его служителей. Другая часть доходов шла на военные нужды, а также на плату наibu, ханской администрации³.

Поэтому за неуплату налогов плательщиков жестоко наказывали.

instituteofhistory.ru

Царские власти убедились, что нельзя больше допускать такие беспорядки. Докладная записка Коммерц-коллегии по этому поводу обсуждалась в Сенате. В Астраханской области было дано указание восточным купцам волокиты и притеснений не чинить в интересах развития внешней торговли со странами Кавказа и Востока в целом. Коммерц-коллегия предложила, дабы каким-нибудь огорчением не отогнать восточных купцов от торговли, поступать к ним ласково, не проявлять к ним грубости и приценок, «не делать никаких промедлений и проволочек, дабы чрез то не уменьшить у них охоты к производству при здешнем порте торговли».⁴

Сенат предложил также принять прошение или разъяснения восточных купцов по каким-либо вопросам на собственных языках и при таможенных иметь переводчиков. В указе Сената предлагалось так же не давать поводов для жалоб восточных

¹ Бутков П.Г. Выдержки ... // ИГЭД. С. 205.

² Там же.

³ ЦГВИА РФ. Ф. ВУА. Д. 18474. Л. 13-30.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 409; Ходзе С. Указ. соч. С. 410.

купцов их сопредельных с Россией стран¹. Решение Сената однако не затрагивало коренных вопросов о пошлинах. Сенат обходил вопросы об изменении тарифных ставок, снижении пошлин с восточных товаров, установлении равных отношений между русскими и другими купцами, отмене беспошлинной торговли для русского купечества в восточных странах или о предоставлении в России таких же преимуществ и привилегий купцам из этих стран.

Поддерживающийся царским правительством принцип беспошлинной торговли русских купцов в Дагестане и обложения товаров дагестанских купцов большими пошлинами в России свидетельствовал о неравноправных торговых отношениях, о больших льготах для русских купцов. Эта политика была прибыльной для русского купечества, являясь в то же время бременем для дербентского купечества и местных потребителей. Царское правительство всемерно поддерживало свое купечество за границей, оказывало содействие дальнейшему усилению российского капитала в пределах Дагестана.

Купцы из Дагестана не выделялись царским правительством при взимании пошлин от купцов восточных стран, несмотря на то, что русские торговцы нигде не имели таких льготных условий и привилегированного положения (в частности по беспошлинной торговле и по охране интересов), как в Дагестане.

И тем не менее, торговля России с Дербентско-Кубинским ханством в рассматриваемое время значительно расширилась. Стимулировался этот процесс тем, что через Дербент проходила дорога, соединявшая Ширван с Северным Кавказом, по которой купцы возили не только товары русской промышленности, но и иностранные товары – сукна испанские и английские,

¹ Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане XVIII-XIX вв. Баку, 1979. . 49.

немецкий бархат и нашатырь¹, часть которых находила сбыт в самом Дербенте.

Жители Дербента принимали активное участие в покупке из разных мест привозимых товаров, особенно персидских, и в продаже в небольшом количестве изделий своих шелковых и бумажных фабрик. Торговали они с российскими городами (Кизляр, крепость Святого Креста) и «пограничными кумыцкими деревнями»².

Особенное же значение, как торговый центр, имел Дербент для кайтагцев и народностей, которые находились в непосредственной близости к Дербенту и были связаны с ним сетью торговых путей.

Свою сельхозпродукцию и ремесленные изделия в Дербент везли из многих и даже отдаленных мест Дагестана. Торговля в городе осуществлялась преимущественно в денежной форме, хотя имел место и натуральный обмен. В обращении чаще всего были русские монеты. Но в ходу были также турецкие и иранские деньги, голландские червонцы. Торговый оборот города исчислялся сотнями тысяч рублей.

С занятием царскими войсками Дербента в 1806 г. усилились его торговые связи с Россией, и изделия из Дербента стали поступать на Нижегородскую ярмарку. Это марена, фрукты, ремесленные изделия, шелк. Поставки из России в Дербент промышленных изделий, леса, зерна, сахара, металла также резко возросли. Все эти товары пользовались большим спросом в Дагестане, приобретались горцами в Дербенте в обмен на свои товары.

О торгово-экономических связях жителей западного Дагестана с Дербентом свидетельствует тот факт, что даже в условиях проводившейся царизмом в XIX в. торгово-экономической блокады горных районов Дагестана в обе стороны шли торговые караваны. В 1802 г. был задержан один «лезгинский кара-

¹ Там же.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 216.

ван», следовавший из Грузии в Дагестан. При этом у торговцев был изъят следующий товар:

бешметов («бушметов»)

зеленого и темно-зеленого чая – 156 шт.

желтого – 36 шт.

краснобледного – 61 шт.

красного – 21 шт.

светлого и темного (сукна) – 50 кусков

темно-желтого и голубого – 307 кусков

красной бязи – 65 кусков

по 8 аршин серой – 66 кусков

разных цветов бязи – 38 кусков

одеяла простые – 6 шт.

дарай (шелк) разных цветов – 5 шт.

и других предметов домашнего обихода¹.

Приведенный материал показывает, что события, происходившие в Дагестане в течение первой четверти XIX в., изменили принципиально роль Дербента как важного торгового центра на Каспии, имевшего тесные торгово-экономические контакты с близкими и дальними обществами Дагестана, со странами Закавказья, Ираном и особенно широкие связи с Россией. Более того, вступление российских войск в 1806 г. в Дербент и его окончательное присоединение способствовали увеличению потока российских товаров в Дербент, часть которых направлялась на нужды дербентского гарнизона. К сожалению, отсутствие статистических данных об экспорте товаров из Дербента и импорте в Дербент товаров иностранного происхождения не позволяет более глубоко раскрыть вопрос о соотношениях импорта и экспорта, что превалировало. Этот вопрос можно раскрыть лишь в общих чертах и отметить, что импорт в Дербент все же превалировал над экспортом.

¹ Гаджиев В.Г. Указ соч. С. 216.

§ 4. Торгово-экономическая деятельность жителей Дербентского ханства во второй четверти XIX в.

Дербент продолжал играть важную роль в торгово-экономических контактах между народами прикаспийской зоны, а также в торговых сношениях с Россией и во второй четверти XIX в. Имеющиеся фактические данные по этому периоду позволяют остановиться на ряде аспектов затронутой проблемы.

Ведущими оставались в торговой деятельности дербентского купечества сношения с российскими городами Кизляром, Петровском, Астраханью, Нижним Новгородом и т.д.

И во второй четверти XIX в. все еще большим спросом у российских текстильных фабрик пользовалась дагестанская марена, которая давала дербентским купцам огромные прибыли. В источнике отмечается, что «самые богатые из купцов, живущих в настоящее время в Дербенте, обязаны своим богатством единственно торговле мареной»¹. Количество вывозимой в Россию через Дербент марены из года в год увеличивалось.

По официальным данным, из Дербента в Астрахань её было отправлено:

- в 1829 г. – 3922 пуда,
- в 1830 г. – 6463 –//–,
- в 1831 г. – 5000 –//–,
- в 1832 г. – 7559 –//–,
- в 1833 г. – 6996 –//–².

Это официально зарегистрированные через таможи данные. Во многих же случаях марена доставлялась в Россию и контрабандным путем, минуя таможенные заставы и уплату пошлин.

Большой спрос на марену в России поднялся за короткий срок. Если в 1793 г. пуд марены продавался по 3 р., то в начале

¹ Алиев В.Ф. Указ. соч. С. 87.

² Далили Г.А. Указ. соч. С. 95.

XIX в. пуд корня этого красительного растения продавался по 12,15 р.¹

instituteofhistory.ru

Важным торговым партнером Дербента в этот период оставалась Куба. Показательно то, что её годовой торговый оборот в 1852 г. достигал 500000 руб. сер.². Ассортимент её товаров был таким же, как и в Дербенте.

В одном из источников сказано, что из кубинского ханства «шелк, марену, сорочинское пшено, хлопчатую бумагу привозят в Кизляр и через Дербент в Астрахань»³.

Горцы Дагестана и в этот период все больше стали обращаться к дербентскому рынку. Только в 1834 г. ими было привезено сюда товаров на 50000 руб. сер., вывезено на 100000 руб.⁴ За 4 года с 1848 по 1852 г. горцами было привезено своих товаров на 382237 руб. сер., персидских и закавказских – на 81950 руб., а всего – на 464187 руб. Среднегодовой привоз товаров составил 176046 руб. сер. За эти же годы вывезено было товаров российского производства на 817956 руб. Среднегодовой привоз составлял 204489 руб.⁵ Среди российского товара горцы могли приобрести многое, что было необходимо им в хозяйстве и в быту.

instituteofhistory.ru

Приведенные факты важны тем, что доказывают участие местного населения в систематической торговле на рынке Дербента, ставшего крупным центром российской торговли в регионе. И все это происходило, несмотря на длительную войну и политику торгово-экономической блокады, которую проводили царские власти в отношении многих горных районов Дагестана.

Торговые связи Шекинского ханства с Россией осуществлялись в основном сухопутным путем через Дербент. Это подтверждается свидетельством купцов, которые торговали шекинским шелком в России. Так, в 1829 г. купец Саркис Авакумов в

¹ Галоян Г. Каспийская торговля ... С. 95-96.

² Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис, 1849. С. 87.

³ Алиев Ф. Указ. соч. С. 87.

⁴ Костемеревский И. Кавказ. № 60.

⁵ Там же.

своем явочном объявлении кизлярской таможне показал, что в «Нухе и Джорах астраханские и кизлярские купцы скупили ... шелк и разные товары на немалую сумму»¹. Из этого же показания выясняется, что эти купцы постоянно пользовались сухопутной дорогой через Дербент.

Важную роль в качестве перевалочной базы играл Дербент и в торговле Шемахинского ханства с Россией. Из Шемахи старинная торговая трасса шла на север через Шабан, Дербент, Тарки, Кизляр и т.д.

В 50-х годах XIX в. важным центром торговли и партнером Дербента стал город Петровск, к которому стало переходить ключевые позиции в торговле на Каспий. К 1857 году Петровск официально стал портовым городом. С этого времени приход судов сюда стал носить систематический характер. Ассортимент товаров, поступающих в Петровск морем, не отличался от того, который имел место на Дербентском рейде. Ввоз товаров в Петровск превышал их вывоз.

Счет и в Петровске уже велся на сотни тысяч и миллионы рублей. Известно, что от 3/5 и 4/8 всех ввозимых в Петровск товаров шли на продажу во внутренние районы Дагестана и в Дербент, остальная часть товаров реализовывалась в самом городе².

Однако главным центром торговли в регионе оставался Дербент. «На базары этого города еженедельно съезжались горцы со своими товарами»³. Горцы везли сюда бурки, тулупы, сундуки, оружие, другие ремесленные изделия и сельхозпродукты, о чем было сказано выше. Продав свой товар, горец покупал вещи российского производства.

В отчете дербентского военного губернатора за 1850 г. отмечено, что «ярмарки в губернии не бывает, за исключением

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1813 год. Ч. II. С. 7.

² Рамазанов А.Х. Указ. соч. С. 7.

³ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50 г. XIX в. Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 214, 264.

недельных базаров, образовавшихся в некоторых больших селениях, удаленных от городов»¹. Эти базары способствовали активизации местной хозяйственной жизни. Данные разных источников указывают на факт наличия на подобных базарах скупщиков, сфера деятельности которых часто выходила за пределы Дагестана².

Важную роль в развитии торговли в крае, в том числе в расширении торговых связей дербентского купечества, сыграли и организованные в этот период царскими властями специальные меновые пункты, куда ещё в начале XIX в. постоянно приезжали горцы. На рубеже 40-х годов XIX в. на кавказской линии было 17 таких пунктов³. В 1845 году на меновые пункты было привезено горских товаров на 49051 руб. сер. На следующий год привезли уже этих товаров на 231108 руб. сер. При этом, как сказано в источнике, «самая деятельная меновая торговля производилась при Дербентском частном карантине, где привезенные товары оценены на сумму более 70000 руб. серебром»⁴.

На этом меновом пункте в 1846 году горцами было привезено товаров на 70978 руб. сер., в 1847 – на 62440, в 1848 – на 75389, в 1849 – на 26564. Вывезено ими отсюда было товаров в 1847 г. на 2427 руб. сер., в 1848 – на 51627, в 1849 – на 52219 р.с.⁵

На меновых пунктах горец в обмен на свой товар получал необходимый ему по существующим нормам обмена товар. Мог он получить и деньги, если не находил необходимых для себя товаров.

¹ История Дагестана. М., 1959. С. 241, 264.

² Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и России (конец XVIII – нач. XIX в.). Баку, 1989. С. 40.

³ Там же.

⁴ Алиев В.Ф. Азербайджано-русские отношения. Баку, 1988. С. 61; Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С. 140.

⁵ Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 320; Габиев Д.С. Генезис и развитие капиталистических отношений в Дагестане в XIX в. Д. 1977. Л. 64-65.

Массовый характер в горах носила так называемая мелочная торговля. Исследователи, изучавшие сельское хозяйство горцев, отмечают, что «беднейшие из них, в продолжении года успевают продать рублей на 20 различных домашних произведений»¹. Все эти изделия в основном шли на рынках Дербента через скупщиков. Кое-что из этих товаров приобретали дербентские купцы для экспорта в Россию, которая была заинтересована в поставках изделий дагестанских ремесленников (оружейников, ювелиров, ковровщиков и т.д.), а также сырья для развивающейся мануфактурной российской промышленности. Центрами шерстепрядильного и шелкоткацкого производства в России были Москва, Астрахань, Казань и др. В начале XIX в. в Москве насчитывалось более 70 шелкоткацких заведений со средним потреблением примерно 4 тыс. пудов шелка-сырца².

Большое значение имела и привозившаяся из Дербента марена. И не случайно появилось утверждение: «Многих городов российские купцы торги немалые имеют. Однако русские купцы просили принять меры против европейской конкуренции о закупке марены и шерсти в Дербенте»³. В дальнейшем с развитием русской промышленности спрос на шелк-сырец, марену и шерсть возрос ещё больше. Поэтому в русских официальных кругах придавалось первостепенное значение снабжению мануфактур этим сырьем⁴. В отдельные периоды даже создавались некоторые льготные условия для его привоза. От этих условий во многом зависели цены привозных товаров.

Для показа роста объема внешней торговли Дербента, которая с каждым годом возрастала, особенно по общей стоимости товаров, интерес представляют данные о купцах, привозивших товары из Дербента в Россию.

¹ Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 320.

² Яковлевский В. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 121.

³ Там же.

⁴ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан... Баку, 1965. С. 428.

Так, дербентский купец Упазан Давришев в 1839 г. привез товар из Дербента в Астрахань на 426 руб. Другой купец Сулейман Керим Оглы вывез товара на 340 руб.¹ Общая стоимость всех товаров, привезенных в этом году из Дербента в Астрахань, составила 30700 руб.

В вывозе товаров большое участие принимали астраханские (русские, татары), индийские, грузинские и армянские купцы, проживавшие как в Астрахани, так и в странах Закавказья, в Иране.

* * *

Интересен вопрос о средствах транспортировки товаров. По суше товары перевозились, как правило, на подводах, а также обычным способом (на лошадях, верблюдах).

Отметим, что в развитии торговли Дербента с Россией особо важная роль отводилась морским судам. Согласно источникам, дербентцы своих торговых судов для морского плавания не имели. Поэтому все их торговые перевозки осуществлялись российскими судами разного класса и типа – от лодок парусно-весельного типа до появившихся позднее их пароходов.

О важности морской торговли для Дербента можно судить по объему оборота торговли между Астраханью и Дербентом в 1830-1833 гг., который составлял 190000 руб. сер. в год².

Иногда крупные купцы брали лодки в наем для перевозки своих и чужих грузов, т.е. на Каспии действовала откупная система передачи транспортных средств того времени.

Передача судов на откуп оформлялась официальными документами контрактами. Таков, например, контракт, заключенный 1 декабря 1836 г. между Семеном Золотаревым и Макаром Давыдовым на один год. В контракте, в частности, говорится: «Отдал я, Золотарев, на откуп ему, Давыдову ... мое судно ... «Санкт Ионим», ныне находящимся в мореплавании морскими припасами, прикащиков и нанятыми мною, Золотаревым, всеми

¹ ЦГА РД Архив Кизлярского коменданта. Д. 3908. С. 13-14.

² ЦГА РД Ф. 18. Оп. 1. Д. 214. Л. 50.

работными людьми сроком на один год с положением на тот откуп... отдать мне, Золотарева, икры мешечной тысячу пудов. Однако если «лову рыбы не будет», то он имел право заниматься перевозкой товаров и платить за найм деньгами 2250 р. Далее обе стороны договорились о том, что если отданное на откуп судно востребуется до года в казенную или в какую-нибудь надобность, тогда Золотарев не получит деньги за найм, а Давыдов не имеет права требовать другое судно. В конце подчеркивается, что «Сей контракт в вышеописанной силе дербентский житель купец Мамед Аджи Мусаев, и во всех быть ответным, в чем и подписывается».

В источниках говорится, что все сельскохозяйственные продукты из Дербента в Астрахань доставлялись местными каржимщиками¹.

Это значило, что, несмотря на суровые запреты, наложенные царским правительством, местные жители все же строили торговые суда. Их в начале XIX в. стало довольно много. И дербентские купцы получили возможность перевозить на них свои товары в любом направлении. Однако эти суда годились только для перевозок в условиях хорошей погоды на море, что значительно мешало развертыванию широкого их использования в Индос-время суд.

Постепенно торговый флот на Каспии совершенствовался и технически, и рос количественно. Он стал довольно успешно справляться с грузопотоком.

40-е годы XIX в. были отмечены небывалой для дербентского рейда торговой активностью. В 1843 г. в Дербент пришло 36 судов с товарами на сумму 80980 руб. сер., а с 1845 по 1847 годы сюда пришло уже 375 судов. На них вывезено было товаров на 1000508 руб. сер.² Грузопоток заметно возрос с появлением на Каспии пароходного сообщения. Из 102 судов, пришедших в 1847 году, было 14 пароходов, которые были вмести-

¹ Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С. 43; Галоян Г.А. Указ. соч. С. 74; Мамедова Т. Указ. соч. С. 47.

² ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 214. Л. 51-52.

тельнее и быстроходнее прочих судов. Они принадлежали купцам, которые своей активностью в торговле возродили совершенно нетрадиционные для Дербента статьи вывоза. Например, в документах имеются сведения о вывозе из города строевого леса в виде досок. За 6 лет, с 1845 по 1850 год, вывоз досок возрос более чем в 13 раз. Счет шел на десятки тысяч руб.¹ В это время в Дербенте также впервые стала продаваться бакинская нефть, благодаря все тем же проходящим судам².

В 50-е годы XIX в. эти морские связи Дербента становятся регулярными, и это несмотря на отсутствие порта. Оборот торговых операций уже исчислялся в 1-2 миллиона рублей ежегодно. Торговый путь Дербент – Астрахань стал одним из активнейших на Каспии.

* * *

В 40-х годах XIX в. торговый обмен между Закавказьем и Дагестаном через Дербент был настолько интенсивен, что в него оказались втянутыми до 15 тыс. горцев и заметна была тенденция роста их числа с каждым годом. Так, если за 1845 г. через Дербентскую пристань прошел 16241 пуд сухофруктов и орехов, в 1846 г. прошли 32932 пуда, а в 1854 г. – 77576 пудов. Всего сельхозпродукции поступило в Дербент в этом году на сумму 500202 р. 77 к.

Новым для Дербентско-Кубинского ханства явлением в этот период было то, что в 40-50-х годах XIX в. отдельные высокопоставленные чиновники, местные феодалы и правители становились компаньонами купцов во внутренней оптовой и внешней торговле. Нередко купцы дербентские выступали в качестве подставных лиц ханов и других феодалов, вели торговлю преимущественно на их деньги и делились прибылью с ними.

Не менее активно осуществлялась и сухопутная торговля Дербента с соседними областями Дагестана и Азербайджана, с

¹ Семенов Н. Указ. соч. С. 172.

² Константинов В. Куба // Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851. С. 338.

российскими городами северо-восточного Кавказа (Тарки, Кизляр, крепость Святого Креста). Она велась в основном караванным способом.

Для полноты картины развития торговли в Дербентско-Кубинском ханстве необходимо показать и организацию торговли в самом Дербенте, который, можно сказать, в силу своего географического расположения приобрел значение важного торгового узла в регионе. В лавках и на базарах города в широком ассортименте были представлены товары турецкого, персидского, закавказского, российского и дагестанского производства. Длинные перечни товаров дербентской таможни наглядно показывают, что городской рынок мог удовлетворить потребности разных слоев городского и сельского населения. Эти же документы свидетельствуют о значимости транзитной торговли, осуществлявшейся через Дербент. Общий её оборот исчислялся сотнями тысяч рублей ежегодно, причем заметна была тенденция к его увеличению¹. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что администрация не могла в своих документах отразить весь объем местной торговли, поскольку многих торговцев совершенно не прельщала перспектива платить пошлину или какой-нибудь сбор со своего товара. И они скрывали от властей свои товары и т.д.

В Дербенте широкое распространение получили стационарная (лавки), развозная и разносная формы торговли. Однако установить объем товарооборота этих главных форм торговли из-за отсутствия цифровых данных чрезвычайно сложно. Об этом можно судить лишь по косвенным данным. Такими показателями роста торговли в Дербенте могут служить данные о росте купеческого сословия и количестве выбранных разными лицами торговых свидетельств и поступлений по ним. Но и такого характера данных очень мало.

Но и данные о численности купеческого сословия не совсем точно характеризуют рост его численности, так как тор-

¹ Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис, 1849. С. 87.

говлей занимались не только официально зафиксированные лица из торгового сословия, но и другие горожане и даже отдельные представители из крестьян.

Мелкие купцы, как правило, сами занимались торговлей внутри Дагестана, ездили с товарами непосредственно в селения, где к этому времени сложились торговые ряды. К примеру, дербентский купец Фурман Сеидов подал прошение дербентскому коменданту о выдаче ему разрешения на «вывоз холста из Дербента в селения для купечества с тамошними шелковыми и бумажными» товарами¹. Торговля непосредственно в селениях для многих, вероятно, была выгодна.

Для полноты картины состояния торговли в Дербентском ханстве в исследуемый период необходимо остановиться и на характеристике ввоза товаров в Дербентское ханство, в которое поступали всевозможные продукты и предметы ремесла со всех концов Дагестана, но в особенности из близлежащих феодальных владений и союзов сельских обществ. Источники отмечают, что в Дербент отвозили вещи своего рукоделия кубачинцы², а андийцы привозили бурки для продажи.

Из Акуша-Дарго в Дербентско-Кубинское ханство поступала сера; из Южного Дагестана везли шерсть, сукно, ковры и т.д. Табасаранцы сбывали здесь паласы, ковры, баранов, масло, сыр и мед, получая из Дербента «соль, бумажные ткани»³ и др.

Горцы Южного Дагестана возили для продажи или обмена продукты сельского хозяйства и изделия ремесла как в Дербент, так и в азербайджанские торгово-ремесленные центры – Нуха, Куба, Шемаха⁴, Шеки⁵, Кабала, Шуша⁶.

¹ Баллас М. Виноделие России (Историко-статистический очерк). СПб., 1897. С. 56.

² Магомедов Д.М. Изделия домашней промышленности и их реализация у жителей западного Дагестана в XVIII-XIX вв. // Сб. Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 25.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 217.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 374.

⁵ Зевакин Е.Г. Азербайджан в XVIII в. Баку, 1929. С. 15.

⁶ Тихонов Д.И. Описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134.

Особенное развитие торговля Дербентско-Кубинского ханства с Россией и кавказскими государствами получила во II половине XIX в. Если в первой половине XIX в. в Дагестане существовали лишь единичные пункты для товарообмена, то в 90-х гг. XIX в. здесь начинают появляться десятки новых торговых центров. Переход от меновой торговли к денежной наметился с 70-х гг. XIX в., ускоряя развитие торговли, но мешало ей то, что царская администрация взимала налоги с товаров по большому ряду статей выше, чем в метрополии. Купечество платило подымный, поземельный, земский, военный, торговый, промысловый, гильдийский налоги, кроме того, платило большое количество штрафов. От них требовалось выполнения от 32 до 49 повинностей и внесения ещё и продуктовой ренты и т.д.

В Дагестанскую область, в том числе и в Дербент, поставляли товар, наравне с российскими фирмами, весьма известные и хорошо зарекомендовавшие себя фирмы: Зингер – швейные машины, Мюр и Мюрелир – промышленные товары (Франция), Люрган – химическая, Буре – часы (Швейцария) и др.

Из перечня вывозимых товаров видно, что около 90% их оседало в городе и лишь незначительная их часть проникала в горы. С торгово-промышленными предприятиями в плоскостном Дагестане были тесно связаны такие объединения, как акционерные общества: «Вольф» (гор. Санкт-Петербург), «Сумы» – завод (город Сумы), «Сирена-рекорд» (гор. Варшава), товарищества «Детель» (гор. Ростов), «Унион» (гор. Брест), «Культура» (гор. Ростов), «Треугольник» (Санкт-Петербург), «Высоцкий и К^о» (Одесса), «Комета» (Тифлис), «Пастух» (Черкасск), «Виктория» (Минск), «Кузнецов» (Ростов), «Невская нитка» (Тифлис), «Морган» (Варшава), «Трудовая копейка» (Москва), торговые дома Тимон (Баку), Венцель (С.Петербург), В.Маркс (Таганрог), Великанов (Ростов), «Электричество» (Ростов), «Зингер» (Керчь), «Рецкер» (Ростов), «Беккер и К^о» (г. Либава), «Самообразование» (С.Петербург), «Российское транспортное и страховое общество» (Петровск), «Зигель» (Ростов), «Плутон» (г. Либава), «Правление механическими заво-

дами» (г. Киев), «Антик» (Москва) и, кроме того, купеческие дома «Братья Кростовы», «Стефко», «Троицкие», Привалоны, Дадалова, Донской Юревецкий, «Невская мануфактура», купеческий банк и др.¹

instituteofhistory.ru

В целом приведенный материал свидетельствует о важной роли купечества Дербентско-Кубинского ханства и его торговой деятельности в развитии экономики Дербентского ханства в XVIII – первой пол. XIX в. Торгово-экономическая деятельность многонационального по своему составу дербентского купечества способствовала развитию товарно-денежных отношений не только в ханстве, но и во внутренних районах Дагестана, жители которых в силу жизненной необходимости вынуждены были искать способы удовлетворения своих хозяйственно-бытовых потребностей через торговлю. В этом определенную роль играло дербентское купечество. Торговля же с Россией имела особенное значение, так как из России, кроме российских товаров, в Дербент привозили и реэкспортные товары (сукна английские, голландские и испанские, краски), металлические изделия и т.д.

Морской торговый путь Дербент – Астрахань и далее был в XVIII-XIX вв. одним из активнейших на Каспии и его хорошо использовало дербентское купечество. Не менее активно осуществлялась торговля города и сухопутным маршрутом. За счет привозных из разных стран, из внутренних областей Дагестана товаров дербентский городской рынок мог удовлетворить потребности широких слоев городского и сельского населения. И в этом велика роль дербентского купечества, старания и деятельность которого приносила городу большие прибыли и славу великого торгового центра.

instituteofhistory.ru

¹ Очерки истории СССР. М., 1956. С. 130.

§ 5. Торгово-экономические и культурные связи Дербентского ханства с Ширваном и народами Южного Дагестана в XVIII - XIX вв.

Особенного внимания заслуживает вопрос о торгово-экономический и культурных связях Дербентско-Кубинского ханства с ближайшим своим южным соседом – Ширваном, поскольку исторические судьбы Дербентского и Ширванского ханств в большинстве случаев определялись одними и теми же политическими событиями, а экономические контакты между их жителями издавна носили регулярный характер, были взаимовыгодными, играли важную роль в их жизни. Общность экономических интересов, близкое соседство Ширвана и Дербентского ханства стимулировали укрепление и расширение этих взаимовыгодных контактов в XVIII-XIX вв.

Путь из Дагестана, в частности, из Дербента и Ширвана функционировал постоянно. На нем было большое число караван-сараяев. Косвенным образом подтверждают существование постоянных торговых связей между Дербентом и Ширваном сообщения Я. Стрейса о том, что богатые купцы имели свои дома в Дагестане, Ширване и Шемахе¹. С Ширваном были связаны и жители горных районов Дагестана. Не случайно писал А. Беккер, что горцы центрального и северного Дагестана, в частности кубачинцы, цудахарцы, андийцы, «строго говоря, проезжая через Ахты, направлялись в Нуху, в Ширван» и т.д.

В средневековье огромное значение для поддержания этих связей Дагестана и Ширвана имела трасса Ахты – Чираг – Кумух – Чох – Чечня, привлекавшая все внутридагестанские земли к активным внешнеторговым контактам.

Ширван – один из благоприятных для занятий торговлей регионов Азербайджана. Это определялось его близостью к морю и древними торговыми трассами, проходившими через него и связывавшими его с Дербентским ханством. Он был экономи-

¹ Беккер А. Поездки по южному Дагестану. С. 40.

чески достаточно развит и мог выставить в торговый обмен весьма ценную продукцию земледелия (рис, шелк, марена) и животноводства.

Ещё А. Олеарий писал: «Главнейшее занятие их (ширванцев) составляют пряжа, ткани, шелка и шерсти и разные вышивания»¹.

Близость Дербентского ханства к Ширвану и другим городам благоприятно сказывалась на развитии товарообмена между ними. Соседство с одной из высокоразвитых областей Азербайджана, с Ширваном, имело огромное значение для Дербентского ханства и Дагестана в целом.

Горцы Дагестана и Дербентского ханства привозили в Ширван главным образом продукты животноводства – шерсть, кожу, мясо, сыр, а также изделия домашних промыслов – ковры, сукно, войлок, бурки, оружие, гончарную и серебряную посуду. В обмен же они приобретали зерно, пряности, соль, шелк, парчу, атлас, драгоценные камни Востока, нефть и всевозможные ремесленные изделия.

В свою очередь, торговые люди Ширвана со всевозможными изделиями собственного производства и товарами из восточных стран часто посещали Дагестан. Среди их товаров источники перечисляют: шелк-сырец, шелковую одежду, шелковые ткани, ковры (ширванские), бархат, тафту, покрывала, пояса и т.д.² Особое значение имела торговля шелком. Производство высококачественного шелка было налажено во многих местах Закавказья, что видно из самого названия различных сортов: тавризский, шемахинский, ширванский, гянджинский³.

Большую роль в торгово-экономических отношениях и в дальнейшем развитии торговли Дагестана с Ширваном играли купцы.

¹ Цит. по кн.: Азербайджан в XVI-XVIII вв. Сб. статей / состав. Петрушевский И.П. Баку, 1949. Вып. I. С. 295.

² Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 320

³ Гусейнов А. Азербайджано-русские отношения XV-XVII вв. Баку, 1963. С. 185.

Из источников известно, что на территории Азербайджана, в частности Ширвана, были созданы постоянно действующие караван-сарай для дагестанских торговых людей. Азербайджанские и дагестанские торговцы вступали в деловые контакты, торговали между собой, а нередко и совместно участвовали в транзитной торговле.

С ростом и развитием городов в регионе в XVIII-XIX вв. заметно увеличился спрос на продукты первой необходимости. Одним из поставщиков такого рода товара для Ширвана являлись дагестанские города Дербент и Кизляр, а также Тарки, Эндирей-аул и т.д.

Хотя Ширванская провинция и изобиловала различными видами естественных красителей, в частности мареной, но дальнейшее развитие торговли с Россией привело к тому, что спрос на марену в XVIII – нач. XIX вв. возрос в значительной степени. В связи с этим возросло также производство марены в Ширване и в районах Дербента и Табасарана. Экономически южный Дагестан всегда тяготел к Северному Азербайджану. Такие районы, как Рутул и Ахты, испытывали большую нужду в ширванском хлебе. Они приобретали его обменивая овец и в целом продукцию животноводства в населенных пунктах Азербайджана, в частности Ширвана. Эти связи были важны и для ширванцев. Поэтому между жителями Южного Дагестана и Ширвана установились тесные экономические контакты на взаимовыгодных условиях. Южнодагестанцы пользовались зимними пастбищами на территории Ширвана. Так, жители сел. Мискинджа и Ахты пасли скот на зимних пастбищах Кубинской и Ширванской провинции и т.д. Это приносило значительные доходы ширванским землевладельцам в качестве платы за аренду пастбищ дагестанскими обществами.

При изучении торгово-экономических контактов обращает на себя внимание тот факт, что в результате длительных экономических контактов Азербайджана и Дагестана сложилась единая система мер и весов. В Ширване в середине XIX в. одинаковое хождение имели две «вместимые меры» и «хлеб здесь

измерялся рубеми, коих главных два: лезгинская и мушкурская. Каждая руба делится на 12 килей. Мушкурская руба содержит на вес пшеницы 16 $\frac{3}{4}$ батманов ... Лезгинская руба вдвое меньше машкурской»¹.

Но наиболее тесно были связаны деловыми отношениями дербентские и ширванские торговцы. Ширванский экспорт шел в основном через Дербент. Более того, ширванские купцы занимались торговлей внутри Дагестана, ездили с товарами непосредственно в селения, где к этому времени сложились торговые «ряды». Так, например, ширванский житель Сеид-ака Агаев подал прошение Кизлярскому коменданту о разрешении на вывоз холста из Кизляра. Прибыл он в Кизляр из Ширвана (Ахсу) «для купечества с тамошними шелковыми и бумажными разными товарами». Этот товар он обменял на русский холст для продажи «в кумыкских деревнях»². Это значило, что для ширванского купца торговля непосредственно в селениях Тарки, Эндери, Аксай, Костек и др. была выгодна.

В документах часто встречаются упоминания о том, что в эти торговые центры Дагестана товары возят купцы различных народностей³.

Иногда документы прямо отмечают, когда тот или иной купец, едущий из Ширвана или Грузии в Кизляр и т.д., остался с товаром в Аксае, Эндери, Тарки, Буйнаке, ставшими известными торговыми центрами, где эти купцы встречались с торговыми людьми из других мест Северного Кавказа⁴.

В свою очередь, торговые люди из других дагестанских селений возили свои товары в Ширван, Баку и т.д. и там совершали торговые операции. Предметами их торговли являлись, в основном, продукты животноводства и ремесленные изделия. Особой статьей экспорта засулакских владельцев являлись ко-

¹ Петрушевский И.П. Общая метрология. Л., 1949. Ч. I. С. 461.

² Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – нач. XIX в.). Баку, 1989. С. 48-49.

³ Гамрекели В.П. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 84-85.

⁴ Там же.

ни, которых гоняли через весь Дагестан, Дербент в Ширван и далее на продажу и которые пользовались там большим спросом. Это видно, в частности, из сообщения посланников дербентского султана Магомед-бека и ширванского Кадмии-бека кизлярскому коменданту В.Е. Оболенскому о положении дел в Прикаспии, в котором говорится, что «аксайские и андийские жители человек с 15, кои были в персидских городах с продажами лошадьми, и те иные там живут».

В этом же документе говорится о том, что аксаевский владелец просил уцмийа кайтарского пропустить его с караваном «до Дербента и дальше к Ширвану и обратно, но уцмий отказался пропустить его с караваном. Поэтому ... аксаевский владелец Арван-бек в зрагил яг дом свой».²

В этом можно усмотреть феодальные препоны, мешавшие развитию нормальных торговых отношений как внутри Дагестана, так и вне его. В то же время цитируемый документ свидетельствует о том, что при благоприятной политической обстановке внутри Дагестана, когда между феодалами царил мир, караваны торговцев регулярно курсировали с севера Дагестана на юг, в частности в Ширван, и обратно.

Анализ архивных материалов XVIII-XIX вв. показывает, что ширванские торговцы возили в Дагестан шелк, парчу, ковры, кожи, белую нефть, нити хлопчатые, пшеницу, муку, сыр и пр. К этим товарам можно добавить и товары бакинского экспорта: шелк-сырец, бумага хлопчатая, кумачи красные, холодное оружие, горох (нокут), пшеница, рис и др.³

Анализ документов показывает, «что наибольшим спросом пользовались в Дагестане разнообразные сукна (голландские, английские), но вместе с тем ввозятся и сукна из Азербайджана, в частности, ширванские»⁴.

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII-XIX в. / под ред. Гаджиева В.Г. М. : Наука, 1988. С. 313.

² Там же.

³ РДО. С. 222-223.

⁴ Там же.

Значительным спросом в нач. XIX в. и в Ширване, и в Дербентско-Кубинском ханстве пользовались выделанные кожи – юфты и савры, кожи красные и т.д. Большим спросом пользовались холст, полотно, меха собольи, овчинки, бухарские ковры и др. Так, в документе за апрель 1811 г. сохранились сведения Кизлярской таможни о вывозе товаров из «Тарковской, Андреевской, Костековской и Аксаевской» деревень в Ширванскую провинцию армянскими и азербайджанскими купцами, где говорится: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что вести желаю сухопутно в город Астрахань, собственно моего покупного в горской Тарковской деревни иностранного товару. Сорок пять пуд шелку горского в пятнадцати полутаях по 35 руб.»¹.

Активное участие в торговле между Дагестаном и Ширваном принимали, кроме дагестанских и азербайджанских купцов, астраханские, грузинские, армянские, а также купцы из разных городов Закавказья и Ирана. Они поставляли товар разного ассортимента в обе стороны. Одни из них везли товары из Дагестана и Ширвана в Астрахань, а другие – из Астрахани в Дагестан и Азербайджан. Так, ширванский житель Кяус Мамедалиев привез из Азербайджана в Астрахань восточные товары: платки гилянские, ширванские и шемахинские бусы, многие кызылбашские и местные товары: шкуры лисиц, волков, корсаков².

В других документах говорится: из Ширвана Захар Аджанов вез товару: бурметай – 2878 штук, кумачей красных – 7 штук, аладжи полушелковые – 7 штук, аладжи бумажные – 981 штука, бязи белой – 377 топ., дараи шелковые желтые – 26 штук, зеленые – 10, красные – 11, платков шелковых черных – 6 штук, малиновых – 3 шт., ковры – 115 шт., кафтанов – 120 шт., покрывал – 100 шт., мешков шерстяных – 2 шт.³

¹ ЦГА РД. Архив Кизлярского коменданта. Д. 3808. ЛЛ. 14-14.

² Юхт А.И. Восточная часть России XVIII в. и роль в ней армянских купцов. С. 54.

³ Там же. С. 55.

Как видно из этого перечня товаров, важное место в экспорте занимали восточные шелковые ткани, видимо, они пользовались явным спросом.

Интересно также отметить, что среди поступивших из Дагестана в Ширван товаров дагестанского происхождения появляются и съестные припасы, «отмечаются продукты питания, пастила тарковская, груши, курага и чихиря тавлинского»¹.

Из Ширвана в Дагестан были привезены шелковые ткани, заплатив в обязательном порядке таможенную пошлину; из кожаных изделий отмечен привоз 174 овчинок ширванских на сумму 127 руб.² Общая стоимость всех товаров, привезенных за 1810 год из Ширвана в Дагестан, составляла 9610 руб.³

Условия торговли в XVIII-XIX вв. были нелегкими: не было единой денежной системы. Каждое феодальное владение чеканило свою монету. Стоимость денег менялась на протяжении рассматриваемого периода не раз. Купцы обеих сторон старались добиться наибольшего поступления иностранных денег и предложили продавать шелк-сырец и другие товары на внешних рынках лишь на деньги. Особо стремились они увеличить импорт русских монет.

Дербентские и ширванские правители пытались вести политику регулирования внешнего денежного обращения с целью накопления золота и серебра, стремясь создать денежные валютные накопления за счет из привоза из России.

Такая политика, проводившаяся на местах, не соответствовала прочно сложившейся меркантильной политике царского правительства, стремившегося вести коммерческие сделки на восточных рынках без денежных расчетов, только в обмен на промышленные изделия.

В первой половине XIX в. наблюдается оживленная торговля. Торговцы большой доход стали получать от продажи бу-

¹ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 94.

² Киласов Р.К. Из истории торговли Дагестана XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1986. С. 84.

³ Там же.

рок, ковров и сукна. Из центров по производству сукна – Согратля, Кумуха, Акуша – суконные изделия под названием «лезгинские шали» вывозились в Ширванскую провинцию¹.

Кроме шерстяных изделий важное место в дагестано-ширванской торговле занимали и металлические изделия, оружие, посуда из меди, гончарные изделия из с.Чох, Буртунай, Согратль, Аракань, Кумух, Кубачи, Ахты и др.² В документах часто встречаются ширванские купцы, которые ездили с товаром и продавали. Например, в Кизилюртовской деревне ширванец Хаджи-ага за 15 дней продал шелк-дарай – 10 штук, кушак шелковый – 4 шт., платков – 2 шт.³ Из Кизляра в Ширван армянин Андрей Осипов вывез кумачей красных – 656 шт., аладжи бумажной – 378, аладжи полушелковой – 78 шт., ласк – 30 шт., дараи шелковой желтой – 26 шт., зеленой – 10 шт., красной – 11 шт., платков черных шелковых – 6 шт., малиновых – 3 шт.; на 15 дней обратного товара у этого купца было: дараи полосатой шелковой – 1 шт., ситцевой – 5 шт., тафты – 60 шт., кинжалов – 18 шт., ковров – 115 шт., сум переметных – 11 шт., выбоек – 1223 шт., кафтанов – 3 шт., покрывал – 160 шт.⁴

По перечню товаров видно, какие товары пользовались большим спросом у жителей Дагестана и Ширвана. Важно подчеркнуть, что купечество Ширвана и Дербента весьма часто занималось встречными перевозками товаров, извлекая из этого для себя двойственную выгоду.

В 40-х годах XIX в. торговый обмен между Ширваном (Азербайджаном) и Дагестаном (Дербентом) был настолько интенсивным, что в него было втянуто до 15 тыс. горцев. Возрос и грузопоток в обе стороны. Так, например, через Низовую пристань (Низбад) и через Дербент прошло следующее количество груш и орехов:

в 1845 г. – 16241 пуд,

¹ История Азербайджана. Т. I. С. 48.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 174.

³ РДО. С. 115.

⁴ Киласов Р.К. Указ. соч. С. 156.

в 1846 г. – 32932 пуда,
в 1847 г. – 77376 пудов.

А в 1855 г. сельскохозяйственной продукции поступило на сумму 500202 руб. 77 коп.¹

В XIX в. торговля и торговые взаимосвязи приобрели новые формы и более стойкий характер. Отдельные чиновники, местные жители, правители и феодалы были активными компаньонами купцов во внутренней оптовой и во внешней торговле. Нередко купцы как дагестанские, так и ширванские выступали в качестве подставных лиц ханов и других феодалов, ведя торговлю преимущественно на их деньги.

С XIX в. начинает уже четко складываться картина дагестано-ширванских торговых взаимоотношений. Начинается упорядочение не только дагестанского внутреннего рынка, но и ширванского, введение новых пошлин, тарифов, значительно увеличенных в 1801-1802 гг.²

Нередко дербентские и ширванские купцы вместе транспортировали свои товары в Астрахань, а оттуда вывозили товары российского и европейского производства. Часто их товары из Астрахани поступали и на Макарьевскую ярмарку. Только за один 1811 год торговыми людьми из Баку, Ширвана и Дербента в Астрахань был доставлен 8831 фунт шелка разных сортов по цене 1 руб. 80 коп. за фунт. Поступали также овчины, шкуры лис, а также кожи и сафьяны. Овчины и козьи кожи стоили 20 руб. сотня, лисицы – по 9 руб., мерлушка – по 25 руб. сотня. Из продовольственных продуктов поступали сало, бараний и тюлений жир, шептала, финики, орехи³.

Из приехавших на ярмарку купцов было 10 армян турецких, 4 ширванца, 2 дагестанца⁴.

¹ Кузнецова Н.А. Характеристика торгового капитала в Иране (конец XVIII – 60-е годы XIX в.) // СИ. 1979. С. 146-147.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 278.

³ Гусейнов А.Н. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же. С. 114.

На Макарьевской ярмарке и в Астрахани дагестанские и закавказские торговцы-купцы приобретали большими партиями и отвозили к себе на продажу дешевый русский текстиль, российское железо (уральское и тульское), стали и металлические изделия – котлы, гвозди, замки, сковородки, ножи, малые и большие зеркала, стекла, посуда, мелкий хрусталь, ведра, северный мех.

instituteofhistory.ru

Чтобы везти товар из Астрахани в Ширван и обратно, надо было пройти большой и трудный путь. В пути купцы оказывали друг другу поддержку и помощь в охране товаров и т.д., нередко заключали сделки, становились постоянными деловыми партнерами.

Дагестан, в частности Дербентское ханство, и Ширван в XVIII-XIX вв., как видно из приведенных данных, поддерживали взаимовыгодные торгово-экономические контакты, помогавшие их народам решать многие хозяйственно-бытовые проблемы.

В конечном итоге, анализируя торгово-экономические связи Дербентского ханства и Ширвана, можно сказать, что эти связи оказывали весьма положительное влияние на развитие экономики обеих сторон, способствовали укреплению дружественных отношений между ними.

Существовавшие между городами Дагестана и Ширвана издавна торгово-экономические связи оказывали помощь в установлении между Ширваном и Дербентским ханством (вообще народами южного Дагестана) тесных политических и культурных взаимоотношений, а также способствовали их общему прогрессу.

instituteofhistory.ru

В ходе развития экономических отношений между народами южного Дагестана, в том числе и Дербентского ханства, и северных областей Азербайджана, в частности Ширвана, между ними установились и тесные культурные связи. Эти культурные взаимосвязи в XVIII-XIX вв. прослеживаются во всех областях материальной и духовной жизни: в науке и образовании, строительном деле и ремесле, в архитектуре и интерьере жилища, в

одежде и украшениях, в способах приготовления блюд, в устном народном творчестве, в песнях и танцах и т.д.

Азербайджан являлся как бы связующим звеном в области культуры между странами Востока и Дагестаном, в частности Дербентским ханством. Благодаря тесному общению с Азербайджаном, народы южного Дагестана имели возможность знакомиться с достижениями азербайджанской и восточной культуры. Пребывание дагестанских ученых в крупных научных центрах и в больших торгово-ремесленных городах Азербайджана (Шемаха, Гянджа, Баку) давало им возможность знакомиться с лучшими традициями и достижениями восточной и азербайджанской науки и литературы, медицины, математики, астрономии и т.д.

Дагестанские ученые не только совершенствовали свои знания в азербайджанских центрах культуры, но и были преподавателями медресе во многих городах Азербайджана. Так, Магомед, сын Мусы из Кудутли был преподавателем в Шемахе. В сер. XVIII в. ученый-арабист Мухаммед Челеби, по происхождению дагестанец, жил и работал в Кубе¹.

Дагестанский ученый Дибир Кади из Хунзаха учился в Шуше у известного ученого Мола Максуда из Панахабада. Длительное время Дамадан, сын Якуба, из Мегеба (ум. 1721 г.) был мударисом в Шемахе².

В XVII-XVIII вв. стали пользоваться известностью Ахтынское и Шиназское медресе. В XVIII в. из Азербайджана муталимы и алимы приезжали в Ахтынское медресе обучаться астрономии, математике и другим наукам.

О тесном контакте ученых Дагестана и Азербайджана свидетельствует и тот факт, что нередко гонимые притеснениями завоевателей ученые-азербайджанцы находили убежище у своих собратьев в Дагестане.

¹ Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана (переводы с арабских документов). Рук. фонд ИИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. С. 116.

² Там же.

Большое значение для развития дагестано-азербайджанских культурных связей имело широкое распространение в Дагестане в тот период азербайджанского языка. Дибир Кади из Хунзаха не случайно писал в конце XVIII в.: «после арабского языка, персидский – наикрасивейший язык. Тюркский язык тоже самый необходимый язык во всех странах. Кто владеет последним, тот не растеряется, так как на этих языках говорят турки и иранцы и многие другие правоверные народы: кроме того, на этих языках пишут турецкие, иранские и азербайджанские писатели»¹.

О культурных связях народов Дагестана и Азербайджана, т.е. Дербентского ханства и Ширвана, свидетельствуют и фольклорные материалы. Народные поэты и певцы – ашуги – в своих импровизациях обращались к богатому устному народному творчеству. Наиболее близкие по содержанию и любимые фольклорные произведения и произведения азербайджанских поэтов были широко распространены у дагестанцев.

Большой популярностью пользовалось героическое сказание «Китаби-Деде-Коркуд». Отдельные эпизоды из этого цикла перенесены дагестанцами на местную почву. По сообщению гольштинского путешественника Адама Олеария, во время его пребывания в Дагестане он услышал рассказ о главном герое этого сказания и видел его могилу вблизи Дербента².

Данные топонимики также подтверждают бытование этого эпоса в Южном Дагестане. С именем главного героя связан родник в с. Ашага-Стал Казан-Булак³. Заслуженной любовью у дагестанских народов пользовалось широко распространенное у многих народов эпическое сказание «Керр оглы». Многие подвиги Керр оглы они также связывали с событиями в Дагестане.

¹ Каталог арабских рукописей ИИЯЛ ДФ АН СССР. Вып. I. Махачкала, 1977. С. 39.

² А.Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. В кн.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 76-132.

³ Собственный полевой материал.

Большой популярностью пользовались в Дагестане произведения азербайджанских поэтов Низами, Физули и др. Возможность тесного культурного общения с народами Азербайджана горцы Дагестана приобрели благодаря налаженному торговому обмену между ними, а также благодаря ежегодно повторяющему отходничеству дагестанцев в Азербайджан на сезонные работы. Тесному культурному общению дагестанцев с азербайджанцами способствовало и то, что много дагестанцев или выходцев из Дагестана проживало на территории Азербайджана.

Только в процессе векового добрососедского общения в устном народном творчестве обоих народов смогли получить широкое развитие идеи дружбы и добрососедских отношений, идеи борьбы против феодального гнета, отсталости и невежества, необходимости борьбы против иноземных завоевателей.

Много общего с фольклором азербайджанцев, особенно ширванцев, прослеживается в традиционном фольклоре народов Южного Дагестана, в том числе жителей Дербентского ханства.

Творчество ашугов Табасарана также тесно связано с творчеством азербайджанских ашугов. Характерные азербайджанским ашугам технические приемы исполнения песен, художественные образы оказывали положительное влияние на творчество табасаранских ашугов. Существовала и исполнялась ашугская поэзия на двух языках – азербайджанском и табасаранском. Так, ашуг Агабек Табасаранлы в совершенстве владел азербайджанским языком, создавал и исполнял на нем свои произведения¹.

Почти все лезгинские поэты и ученые знали азербайджанский язык. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней сборники стихов XVIII в. на азербайджанском и лезгинском языках².

¹ Собственный полевой материал.

² Садыки М.А. Творчество лезгинских поэтов XIX в. на арабском и азербайджанском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1965. С. 31.

Обнаружено несколько стихотворений на азербайджанском языке выдающегося представителя дагестанской лезгинской поэзии XIX в. Етима Эмина. Также стал известен «Диван» Хурюка Муллы из сел. Зрых, который содержит 123 стиха и одну поэму на азербайджанском языке¹. Ахмед Кули ал-Ахты, дагестанский поэт XVII в., создал свой «Диван-ал-Ахты» также на азербайджанском языке. В самом начале XVIII в. дагестанский ученый Хасан аз-Зирдаги осуществил перевод на азербайджанский язык «Гюлистан» Саади².

Примечательно также и то, что рукописи как азербайджанского, так и дагестанского происхождения в одинаковой степени хорошо отражают события, происходящие на обеих территориях. Например, рукописи под названием «Дагыстан тарихи» полностью посвящены истории северо-азербайджанских областей Джара, Илису, Белакан, Каха или, скажем, Мушкюра и Кубы, Дербента и Табасарана³.

Однако наибольшую ценность для изучения истории и культуры Дагестана имеют труды Аббас Кули-ага Бакиханова (1794-1847), прежде всего его основной труд по истории Восточного Кавказа «Гюлистан-и Ирам».

Уже упоминавшийся известный дагестанский ученый Гасан Алкадари испытал на себе благотворное влияние А.К. Бакиханова – автора «Гюлистан-и Ирама». Характерно, что свое сочинение «Асари-Дагестан» Гасан Алкадари написал именно на азербайджанском языке, на котором оно впервые и было напечатано⁴.

К рассматриваемому времени общепринятым языком общения между дагестанцами, с одной стороны, и азербайджанским народом, с другой стороны, становится азербайджанский

¹ Садыки М.А. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 37.

³ Шихсаидова Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном в XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1971. Рук. фонд. ИИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 239.

⁴ Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 76.

язык. В большей степени распространение он получает на территориях, непосредственно граничащих с территориями, населенными азербайджанцами. В XVIII в. это положение настолько укрепилось, что азербайджанский язык стал употребляться в качестве письменного литературного языка, в то время как основным общепринятым письменным языком являлся арабский язык. Мужское население Южного Дагестана к XIX в. почти все владело азербайджанским языком¹, которым оно овладело в период отходничества на сезонные работы в Азербайджан.

Все более возрастающая потребность овладения «татарским языком» хорошо отражена в источнике XIX в., в котором сказано: «Многие молодые люди [ая-махинцы] ходят на лето копать марену в Джемикенг, Великенг и др. селения, лежащие в окрестностях Дербента. Зарабатывают они весьма мало, но цель их собственно научиться татсарскому (тюрско-азербайджанскому) языку»².

Расширению культурных контактов во многом способствовало установление брачно-родственных связей и куначества между жителями южного Дагестана и Ширвана. Известно, например, что дочь казикумухского хана была замужем за сыном правителя Шеки. В течение ряда веков поддерживались политические и культурные связи между аварскими правителями и карабахским ханством³.

Развитию и расширению азербайджано-дагестанских экономических и культурных связей способствовало одно важное обстоятельство – на территории Азербайджана в приграничных с Дагестаном районах развивались старые и возникали новые селения со смешанным азербайджанским и дагестанским этническим составом населения. Характерно то обстоятельство, что совместные поселения возникла на территории, представляющей большой интерес для обоих народов в экономическом, торговом отношениях.

¹ Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 35.

Первоначально заселение происходило по квартальному принципу, но впоследствии это правило обычно не соблюдалось. Сохранилось много преданий, связывающих образование таких селений с именами дагестанцев, переселившихся в Ширван в различные времена.

Процесс образования совместных азербайджано-дагестанских поселений наиболее наглядно прослеживается в Закатальском районе. В совместных поселениях представители обоих народов свободно владели языками (азербайджанским и одним из дагестанских). Одна из важнейших причин переселения дагестанцев на южные склоны Главного Кавказского хребта была заложена в самом земледельческо-скотоводческом хозяйстве. Дело в том, что многие дагестанские сельские общества имели на территории Азербайджана пастбища, которые вначале регулярно использовались в зимнее время, а впоследствии население стало оседать на этой территории¹.

Только тем обстоятельством, что большие группы населения издавна жили на территории Азербайджана, можно объяснить большое число населенных пунктов с дагестанскими названиями. Так, например, аварские и лезгинские названия имеют более 30 закатальских селений. Интересно также, что топонимические названия многих азербайджанских аулов переключаются с дагестанскими: Нуха, Сурахани, Гегели, Чух, Загеран, Келаны, Куши, Гамияли, Куба, Хурдала, Кумлук, Карахкаэ и др.²

Согласно полевым данным имеется много случаев, когда происхождение аулов на территории Азербайджана связывается с выходцами из Дагестана: так жители сел. Смугляр Исмаиллинского района Азербайджана считают себя выходцами из сел. Смугул Ахтынского района. В этом селении несколько тухумов (Игьирар, Келебар, Миграгьар, Исабар, Кьурумар, Филискьарар). Как сообщают старожилы, представители этих ту-

¹ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в пер. половине XIX в. Тифлис, 1934. С. 11.

² Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 38.

хумов – бывшие жители дагестанских селений Каладжух, Куруги, Микрах, Ишрар¹.

Многие селения Елиссуйского султанства были основаны выходцами из Цудахара и других мест Горного магала и Дагестана. Первые такие селения возникли примерно 4000-5000 лет тому назад, затем из них образовались другие населенные пункты, в частности Елису, Кашка-гай, Ах-чай, Сувагиль, Зарну. Одним из древних дагестанских аулов в Елиссуйском султанстве считалось селение Сарибаш².

В то же время нередко азербайджанское население переходило в Дагестан и навсегда оставалось в ряде населенных пунктов Дагестана. С ширванцами связан ряд населенных пунктов или отдельных кварталов в дагестанских селах. Так, селение Джабель основано выходцами из Ширвана, поэтому иногда называется «ширванар». То же самое можно сказать и о жителях сел. Орудж-оба³. Из семи кварталов сел. Нижний Катрух Рутульского района три квартала предания связывают с Азербайджаном по происхождению – это кварталы Муганлар (букв. «азербайджанцы»), Къатыргилар, Саманчилар⁴.

Происхождение названия сел. Гильяр Магарамкентского района предание объясняет исходя из данных азербайджанского языка («гуьлляр», «гел яр»). В этом селении тухум Шихлияр считается выходцем из Азербайджана⁵.

В Сулейман-Стальском районе в селении Хутаргар до сих пор сохранился тухум Къаджарар – выходцы из Азербайджана⁶.

Создание совместных поселений с азербайджанским и дагестанским этническим составом было одним из фактов, способствовавших ещё более тесному сближению народов Дагестана и Азербайджана, углублению взаимовлияния культур.

¹ Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 39.

² Там же.

³ Там же. С. 41.

⁴ Собственный полевой материал.

⁵ Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 41.

⁶ Там же.

Близкому общению дагестанцев и азербайджанцев способствовала и исламская религия. Мечети, а также места поклонения (пиры) одинаково посещались жителями обеих сторон.

На существовавшие в прошлом культурные взаимоотношения народов Дагестана и Азербайджана указывают также сходные типы их жилищ. В исследуемом регионе распространен был ряд типов жилищ, имевших бытование как на территории Азербайджана, так и Дагестана независимо от границ этнических общностей. Например, весьма характерны были для Кавказа дома-крепости, имевшие почти повсеместное распространение в крае и составлявшие по существу один тип жилища. Дома-крепости, сложившиеся в древние времена, встречаются в горных районах Дагестана и Закавказья¹, в частности Азербайджана.

Элементы жилища, присущие самым различным их архитектурным формам, сближают зодчество всего Кавказа. Широкое распространение в Азербайджане и Дагестане имели и некоторые схожие виды отопительных систем: открытый очаг или углубленная в землю конусовидная печь – тэндир, настенные висячие полки, ниши и т.д.

О культурных связях дагестанского населения с азербайджанским свидетельствуют и другие памятники материальной культуры, в частности схожие типы одежды.

В основе национальной одежды дагестанских горцев, особенно верхней мужской одежды, как и азербайджанцев, лежит общекавказский тип, хотя и со множеством местных вариантов. Характерна и параллель дагестанской обуви с азербайджанской.

На наличие культурных связей указывает и родство духовной культуры народов Дагестана и Азербайджана – танцы, музыка, песни.

Родиной «лезгинки», по мнению исследователей, является Дагестан, где были созданы классические её образцы, позже перенесенные во все соседние области².

¹ Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991. С. 67.

² Там же. С. 73.

На протяжении многих веков народы Дагестана и Азербайджана создавали многообразную по форме национальную музыкальную культуру. Общее в этой области прослеживается как в музыкальной инструментальной, так и в мелодиях азербайджанцев и дагестанцев, в частности народов Южного Дагестана. Лезгинские, табасаранские ашуги, так же, как и ашуги азербайджанские, исполняли и исполняют свои песни под аккомпанемент саза. Тар, нагара, зурна, кеманча были и остаются характерными инструментами музыкантов Азербайджана и Дагестана.

Культурные связи дагестанского населения с азербайджанским отразились также в фольклоре – сказаниях, легендах, пословицах, поговорках. Приключения горячо любимого всеми аксакала Молла Насреддина передавалась из уст в уста как азербайджанцами, так и дагестанцами.

В целом же культурные взаимоотношения народов южного Дагестана и особенно северного Азербайджана прослеживаются с древнейших времен до наших дней, о чем свидетельствуют многочисленные памятники материальной и духовной культуры.

Культурные связи с Азербайджаном способствовали развитию контактов дагестанского населения с достижениями в области культуры не только народов Закавказья, но и стран Ближнего Востока, Передней Азии.

* * *

Особого внимания заслуживает проблема взаимоотношений Дербента с народами южного Дагестана, для которых Дербент являлся своеобразной Меккой и в котором они решали многие свои хозяйственно-экономические задачи. Это можно сказать и относительно лезгин, проживающих ныне в северо-восточном Азербайджане – в Хачмасском и Кусарском районах, лезгин и других народов лезгинской группы языков, проживающих в долине Самура до самых его верховий, а также табаса-

ранцев, даже имевших свое собственное феодальное владение – майсумство.

instituteofhistory.ru

Для подтверждения этих мыслей приведем данные источников XVIII века.

Еще И.-Г. Гербер в 1728 г. писал о Ширване: «Уезд, к Дербенту надлежащий, не великим расстоянием от города по берегу к городу 15 верстах до хайдаков или речки Дарбас, которая речка и означала границу ширванскую; к зюйду по берегу до реки Самуры; и от моря вдоль нижней горы или Табасарании 4,6 и до 8 верст. Однакож Дербенту подчинены многие другие уезды в Ширвани»¹.

По сведениям И.-Г. Гербера, Дербенту подчинялись еще уезды: «Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербентский»².

Согласно данным XVIII в., доходы с Мушкура поступали также в пользу дербентского султана³. А доходы эти были довольно велики, поскольку «сей уезд от Бога и натуры благословен, хлебопашен, приятен и веселой, во оном лесов, лугов и пашен довольно»⁴.

instituteofhistory.ru

И.-Г. Гербер свидетельствовал о том, что и в Шабране было «много пашен и лугов к скотоплодию, также и шелковые заводы» и что «подати... во временах персидских оные получал султан дербентской и собирал прежде сего доходы великие...»⁵. Такое же явление имело место в уезде Рустау⁶. Интересно отметить, что «рустаусские деревни, ... близ Дагестани лежащие, соединились с нижними дагестанцами и себя к тем стали считать, а другие к бунтовщикам пристали, с ними заедино действовали и Даудбеку поддались...»⁷.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же.

В уезде Бермяк – «подле моря до Шабрани к зюйду, между горами, к весту до горы Дубрар, а к зюйду до пустой степи, которая до Баки, подле моря простирается» – «юзбаши стояли под властью султана дербентского» и, естественно, платили подати в пользу султана Дербента¹.

По сведениям этого же автора, то же самое наблюдалось и в уезде Шеспара – «выше Мушкуры и Низавата, между Рустау и Шабрани, в нижних горах»².

О политических связях народов южного Дагестана и северо-восточного Азербайджана или Ширвана свидетельствует и сообщение И.Гербера о поддержке шемахинцами Хаджи Дауда и Сурхай-хана в 1720 г.³

Тесно были связаны с Дербентом табасаранцы. Примечательно то, что когда умирал табасаранский правитель или майсум («махсум»), «то старший ево сын махсумов назначен и поставлен был, только от султана дербентского, а не от шаха...»⁴.

Имеется сообщение о том, что «в горах живущие народы хлеб свой в Кубе покупают»⁵, что свидетельствует о тесной связи с Дербентом не только кубинцев, в 60-х годах XVIII в. составивших единое ханство, но и горских народов южного Дагестана.

Согласно данным И.-Г. Гербера, прекрасно знавшего ситуацию в Дагестане и на Кавказе, поскольку он работал в комиссии по разграничению земель между Россией и Турцией, дербентские правители пытались так или иначе влиять на жителей «уездов» Алтыпара, Рутул, Машкенджа, Ахти, Докуспара, Ханалук, Будух, Криз⁶. Эти «уезды» состояли «в нескольких деревнях» каждый и располагались «все между горами». Их жители питались «скотиною», имели мало пашен. Поэтому они вынуждены были хлеб приобретать в Кубе в обмен на продукты

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 93.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 95-96.

⁴ Там же. С. 104-105.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Там же. С. 77-82.

животноводства. Это же они делали и в пределах Дербентского ханства. И здесь уместно привести слова И.-Г. Гербера о том, что жители этих уездов стояли «крепко заедино», что «оние никогда ни под персидскою, ни под какою другою властью не стояли, и хотя прежде сего султаны дербентские их яко подданными к Персии почестъ хотели и к тому принуждать трудились». Однако присланные для достижения этой цели войска дербентских правителей они с «кровотекущими головами назад отсылали»¹.

В целом, жители южнодагестанских обществ поддерживали торгово-экономические связи с Дербентским ханством и другими соседними политическими образованиями, но никому не позволяли считать их своими подданными.

Согласно полевым данным, народы Самурской долины («куралы» – кюринцы, «курги» – курахцы, «шеспаринцы» – алтыпаринцы) соль, зерно, ткани, нефть, восточные товары, ювелирные изделия приобретали не только в Азербайджане, но и собственно в Дербенте. Многие сельские общества этой зоны весной овец гоняли в придербентские земли, где держали их до появления трав на альпийских пастбищах.

О широком распространении власти дербентского хана в конце XVIII в. на многие сельские общества не только южного Дагестана и даже далеко за пределами Дагестана свидетельствует сообщение П.Г. Буткова от 1798 г. о том, что дербентский хан ежегодно имел доходы денежные «от пошлин, с монетных рехтарных дворов, лавок, фабрик, с привозимых товаров и прочего, собираемых с городов Дербента на 20, Кубы на 8, с Сальянской области от рыбных промыслов, соляных озер и другого на 50, от Бакинского хана 60000 рублей серебром его деньгами: сверх того, хлебом с Кубинской провинции со всякого двора по одной рубле, полагая коих, за исключением чиновничьих, муллинских и попов армянских домов, с которых податей не берется, до 7000, по весу с каждого рубле 5 пуд, с 600

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77-82.

дворов пшеницею до 3750 четвертей, а с 1000 дворов до 625 четвертей ячменем, кроме даваемого хану скотом и другими съестными припасами на содержание двора его, и доходов от деревень, им не собираемых, но отданных в пользование ханской фамилии и дагестанским владельцам...»¹.

О торговых связях дербентских жителей как «с пограничными» деревнями Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Карабудаг, Губден, Буйнак, так и с «табасаранскими, казикумыцкими и прочими мелкими деревнями», писал в 1804 г. бывший комендант Кизляра А.И. Ахвердиев². Он же сообщает о том, что по правому берегу реки Самура начинается «граница владения города Кубы, принадлежащего... Ших Али хану дербентскому. Расстояние от Самура до Кубы 50 верст. Город Куба лежит на высоте в подошве снеговых гор, откуда не далее сами верст, с горы, называемой Шах Даг. По-русски «шахская гора», получает хан в летние месяцы всякой день лед»³.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 211.

² Ахвердов А.И. Описание Дагестана, 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

³ Там же. С. 220-221.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющийся в распоряжении исследователей материал свидетельствует о том, что в рассматриваемое нами время внутреннее положение Дербентского ханства, которое в начале XVIII века все ещё оставалось в зависимости от иранских шахов, было сложным. Население города Дербента и ханства было задавлено шахскими налогами.

Только выход Дербента из-под власти шахов вследствие их ослабления в начале XVIII века способствовал оживлению экономической жизни в ханстве. Это же способствовало и усилению власти дербентских правителей или ханов, власть которых распространялась на Дербент с прилегавшими к нему селениями Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Ханство отличалось этнической пестротой. В нем проживали азербайджанцы, лезгины, табасаранцы, горские евреи, таты, персы, армяне и грузины, которые в конечном итоге результатами своего труда обогащали дербентских правителей и феодальную верхушку ханства. Социальное расслоение в Дербентско-Кубинском ханстве было четким, соответствовало феодальной эпохе. Полнотой власти пользовался хан. Управлял текущими делами Дербента наиб, которому подчинялись юзбаши, дарги, кетхуды, хайралы и прочие «начальники». К феодальному сословию примыкало и высшее духовенство – шейх-уль-ислам, кадии, которые нередко вмешивались даже в светские дела. Зависимое население состояло из крестьян, ранджабов, раятов и рабов. В городе в зависимом положении находились мелкие ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы и т.д.

Внешнеполитическое положение ханства в XVIII веке было сложным. Если пребывание русских войск и меры Петра I по оздоровлению экономики региона положительно повлияли на ханство, то вторжения иранских войск в 30-40-х гг. пагубно отразились на всех сторонах жизни ханства, вызвав общий упадок ремесла и торговли в нем. Немало осложнений и потерь принесла также попытка кубинского Фатали-хана присоединить

Дербент к своим владениям, вызвавшая целую серию междоусобных столкновений феодалов Дагестана, в которые оказалась втянута и Россия. Русское правительство положительно относилось к деятельности Фатали-хана по укреплению своего ханства, оживлению его экономики, оказывало ему содействие войсками против враждебной ему коалиции феодалов, но отказывалось принять его в подданство, опасаясь осложнений с Турцией и Ираном.

Лишь спустя несколько лет после смерти Фатали-хана (1789 г.), русские войска во главе с В. Зубовым вступили в Дербент, где были встречены дружелюбно дербентцами во главе с дочерью Фатали-хана Периджа ханум.

Безусловно, следует подчеркнуть, что земледелие и животноводство являлись основными экономическими занятиями жителей Дербентского ханства. Горожане Дербентско-Кубинского ханства в большинстве своем занимались земледелием. Но в Дербенте и Кубе сильно были развиты и ремесла. Виноградарство, разведение шелковицы и марены, хлопководство, разведение злаковых и огородных культур были повсеместно развиты в ханстве. Сильно было развито в ханстве и животноводство, главным образом овцеводство. Продукция сельского хозяйства являлась сырьем для многих видов ремесла в городе Дербенте и в селах ханства.

Добыча нефти, соли, селитры, серы и т.д. также достигла в ханстве большого развития, достигнув уровня ремесла.

В Дербентском ханстве были представлены в XVIII веке самые разнообразные виды ремесел, многие из которых были традиционными. Выделка хлопчатобумажных и шелковых тканей была сильно распространена в ханстве, но особенно славилось в ханстве ковроткачество с его древними художественными традициями. Немало способствовало развитию ковроделия и умение дербентских ремесленников изготавливать прочные и яркие красители разных расцветок, наличие даже цехов профессиональных красильщиков.

По существу в Дербенте были представлены все виды ремесла эпохи средневековья. Дербентские ремесленники изготавливали продукцию для удовлетворения всех потребностей местного рынка, на вывоз в соседние страны, а также в Россию. Эти ремесла базировались на обработке драгоценных металлов и камней (ювелирное дело, изготовление дорогостоящего оружия), на обработке железа и стали, кожи, шерсти, шелка, дерева, камня, глины, стекла и т.д. Изделия дербентских мастеров отличались высоким мастерством, красотой и добротностью.

Имеющийся материал свидетельствует о том, что торговля в Дербенте была поставлена для своего времени на высоком уровне. В городе имелся большой базар, вокруг которого располагались ряды и кварталы ремесленников разных профессий. Торговля в ханстве имела разные формы – стационарная (через лавки), развозная (по селам и городу) и разносная (предметами питания, кондитерскими изделиями). В городе она велась в основном на денежном материале, изредка и как меновая. Меновая торговля больше была развита в сельской местности. Торговля оптом и в розницу велась дербентскими торговцами с остальной частью Дагестана, с Азербайджаном, Ираном. Особенное развитие получила в XVIII веке торговля Дербента с Россией. В данной работе приводятся материалы, характеризующие Дербентско-Кубинское ханство как один из главных центров мануфактурного производства и торговли на Каспии.

Торговля способствовала формированию и обогащению купеческого сословия, которое составляло значительную прослойку населения города, поскольку, по данным 1796 г., насчитывалось около 500 лавок. Она в то же время способствовала и социальной дифференциации самого купеческого сословия в зависимости от размера капитала самих торговцев.

Приведенный в работе материал о внешней и внутренней торговле ханства свидетельствует о её важной роли в экономике жителей ханства и о том, что она была весьма сильно развита, хотя и были определенные факторы, тормозившие её развитие. Фактический материал свидетельствует в пользу того, что Дер-

бентско-Кубинское ханство являлось в XVIII – нач. XIX в. не только резиденцией дербентских правителей, городом-крепостью, но и центром международной морской и сухопутной торговли, в которую были втянуты купцы Индии, Ирана, Армении, Грузии, Азербайджана и России, а также народы Дагестана.

В ходе исторического развития в Дербентском ханстве сложилась строгая финансовая система. Если в раннее время она базировалась на поступлении натуральных податей, в XVIII веке она стала базироваться уже на денежном материале, чему немало способствовало функционирование в Дербенте монетного двора. Товарно-денежные отношения в Дербенте усилились в XIX в. Натуральным оставалось хозяйство жителей ханства в сельской местности.

Основу финансовой мощи дербентских ханов составляли налоги с податных сословий в селах, а также с ремесленников и торговцев. С горожан взыскивались подушная подать и всякого рода чрезвычайные поборы, которые безмерно возрастали в военное время. Трудно указать вид деятельности, который не облагался бы налогом в то время.

Особенно доходной статьей дербентских ханов являлись рахтарные сборы за ввоз и вывоз товаров. Система обложения пошлинами товаров защищала интересы богатых торговцев, поскольку такса пошлины устанавливалась по весу вывозившихся товаров. Всеобъемлющий характер налогов, их разнообразие и высокий процент обложения, деятельность их разработки обеспечивали регулярное их поступление в казну, обогащали дербентских правителей и их чиновников. Особой организованности финансово-налоговая система Дербента достигла при Фатали-хане, который для организации разгрома коалиции дагестанских правителей, направленной против него, увеличил пошлины и налоги, усовершенствовал их учет.

Приведенные в работе данные характеризуют, на наш взгляд, довольно высокий уровень развития товарно-денежных отношений в Дербентско-Кубинском ханстве в целом, поскольку-

ку большинство налогов и пошлин в ханстве взималось не натурой, а в денежной форме, что способствовало усилению товарно-денежных отношений, социальной дифференциации общества и эксплуатации трудящихся масс – горожан, ремесленников и мелких торговцев.

В целом же финансово-налоговая система Дербентско-Кубинского ханства отражала высокий уровень развития товарно-денежных отношений, особенно в Дербенте, который в начале XIX века стоял уже на пороге капиталистических отношений. Эта система свидетельствовала в то же время о жесткой эксплуатации зависимых категорий населения ханства, положение которых отягощалось откупной системой налогов, сбор которых осуществлялся нередко по произволу откупщиков.

В развитии и организации ремесла, торговли и совершенствовании финансово-налоговой системы Дербентское ханство уже в XVIII в. значительно опережало другие феодальные владения Дагестана.

Все это свидетельство неуклонного, исторически поступательного развития Дербентского ханства в XVIII в., на развитие которого положительно сказалось его фактическое присоединение к России в 1796 году. XIX век положительно сказался на экономическом и политическом развитии Дербента, в котором зародилась целая сеть промышленных предприятий, светских школ, учреждений культуры, медицины. Положительно сказался на развитии экономики и культуры Дербента XX в. в корне изменивший социальный и внешний облик города, принесший городу славу промышленного, культурного и научного центра.

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Документы центральных и местных архивов

а) Архивные материалы

1.1 АВПРИ Архив внешней политики Российской Империи

Ф.77. Сношения России с Персией.

1719 г.-Д.5; 1722 г.-ДЛ, Д.2, Д.3, Д.16, Д.17;

1723 г.-ДЛ.; 1727г.-Д.3.; 1728 г.-ДЛ; 1728-1803. Д.4;

1729г.-ДЛ; 1736г.-Д.8; 1741 г.-Д.4,7,12; 1742г.-ДЛО;

1743 г.-Д.4; 1765-1797 гг.-Д.2,13,14,15,16;

1797-1800 гг.-Д.489.

Ф.89. Сношения России с Турцией.

1826 г. - Д.4; 1729 г. - Д.6.Ч.2.

РГАДА Российский государственный архив древних актов

Ф.9. Кабинет Петра 1.-Отд.1. Кн.30; Отд.2. - Кн.54;

Ф.1261. Оп.6. Д.954.

Ф.Государственный архив -ФЛ9. -Д.286.

РГВИА Российский государственный военно-исторический архив

Ф.52 Потемкин-Таврический Г.И., князь, ген.-фельдмаршал. -
Оп.1/194. Д.366.4.4; Д.416. 4.1-2; Д.481; Д.482; Д.331. 4.4; Д.402;
Д.286.ЧЛ.; Ч.2.

Ф.ВУА. Д. 1672; Д. 18474. 4.2; Д. 18486; Д.6164; Д.6172.

ЦГАРД Центральный государственный архив Республики Дагестан

Ф.18. Дербентский комендант. Оп.1. Д.31; Д.37; Д.83а; Д.147;
Д.173; ДЛ89; Д.214; Д.4618.

Ф.20. Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской
области (1810-1919 гг.). Оп.1. Д.4; Д.5; Д.15, Д.16; Оп.2. Д.36.

Ф.354.Оп.1.Д.11;ДЛ5;Д.16.

Ф.379. Кизлярский комендант. Оп.1. Д.5; Д.2153; Д.2584;
Д.2922; Д.2929; Д.2948; Д.2957; Д.2960; Д.3028; Д.3055; Д.3056;
Д.3064; Д.3111; Д.3132; Д.3137; Д.3139. Ч.3; Д.3156; Д.3201;
Д.3205; Д.32П; Д.3219; Д.3374; Д.3441; Д.3908; Д.3952; Д.3933;
Д.3949; Д.3808; Д.4078; Д.4192;Д.4462.

б) Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН

1.12.Документы по русско-дагестанским отношениям. Ф.1.
Оп.1. Д.434,436,438,453,457.

1.13.Копии документов из АВПРИ. Ф. Сношения Росси с Персией, извлеченные В.Г.Гаджиевым. Ф. 1. Он. 1. Д.560.

1.14.Копии документов из ГАФКЭ, относящиеся к истории Дагестана I пол. XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д.59.

1.15.Копии документов из РГВИА по истории Дагестана XVIII в. Ф.1.Оп.1.Д.61.

1.16.Магомедов Н.А. Административно-политическое устройство Дербентского владения в XVIII - начале XIX вв. Махачкала, 1989. Ф.3. Оп.1. Д.509.

1.17.Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского ханства с Россией во второй половине XVIII - начале XIX вв. Махачкала, 1983. Ф.3.ОпЛ.Д.414.

1.18.Магомедов Н.А. Занятия населения Дербентского владения во второй половине XVIII - начале XIX вв. Махачкала, 1985. Ф.3. Оп.1. Д.440.

1.19.Магомедов Н.А. Купечество Дербента и его торговые связи в XIX в. Махачкала, 1996. -Ф.3. Оп.1. Д.635.

1.20.Магомедов Н.А. Кустарно-ремесленное производство Дербента в XIX в. Махачкала, 1984. -Ф.3. Оп.1. Д.432.

1.21. Магомедов Н.А. Налогово-финансовая система Южного Дагестана во второй половине XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 1990. Ф.3. Оп.1.Д.582.

1.22.Магомедов Н.А. Образование Дербентского ханства и его внешнеполитическое положение во II половине XVIII в. Махачкала, 1981.-Ф.3. Оп.1. Д.370.

1.23.Магомедов Н.А. Освободительная борьба народов Южного Дагестана в первой трети XVIII в. Махачкала, 1988. Ф.3. Оп.1. Д.505.

1.24.Магомедов Н.А. Процесс отрыва Закавказья от Ирана и образование Южнодагестанских государственных объединений. Махачкала, 1990. -Ф.3. Оп.1. Д.550.

1.25.Магомедов Н.А. Развитие ремесленного производства в Дербентском ханстве в первой половине XVIII в. Махачкала, 1978. Ф.3. Оп.1.Д.307.

1.26.Магомедов Н.А. Развитие торговли в Дербентском ханстве в первой половине XVIII в. Махачкала, 1977. Ф.3. ОпЛ. Д.358.

1.28.Магомедов Н.А. Социально-политическое положение Дербентского ханства на рубеже XVII - XVIII вв. Махачкала, 1976. - Ф.3. Оп.1.Д.359.

1.29.Магомедов Н.А. Социально-экономическое положение Дербентского ханства во второй половине XVIII в. Махачкала, 1980. -Ф.3. Оп.1.Д.350.

1.30.Магомедов Н.А. Финансы Дербентского владения в I половине XVIII в. Махачкала, 1979.Ф.3. Оп.1. Д.331.

1.31.Магомедов Н.А. Формы феодальной зависимости и эксплуатации в Дербентском владении в XVIII - первой половине XIX в. Махачкала, 1987.Ф.3. Оп.1. Д.492.

1.32.Материалы Астраханского архива-Ф.1. Оп.1, Д.590.

1.33.Материалы по истории Дагестана XVII - XIX вв. Ф.1. Оп.1. Д.291.

1.34.Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым из АВПР Министерства иностранных дел России. Ф. Сношения России с Персией. 1790 г. Ф.6. Оп.1. Д.52.

1.35.Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX вв.: Сб. документов. -Ф.3. Оп.1. Д.278.

1.36.Шихсаидова Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном в XVII - нач. XIX вв. Махачкала, 1971. Ф.3. Оп.1. Д.239.

1.37.Шихсаидова Р.С. Дагестано-азербайджанские взаимоотношения в XVII в. Махачкала, 1969.-Ф.3. Оп.1. Д.191.

в) Опубликованные документы и материалы

1.40. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. -Тифлис: Тип. главн. упр. наместн. Кавказа, 1866-1904. -Т.1-12.

1.41.Армяно-русские отношения в XVII в.: Сб. док-ов под ред. В.А. Парсамяна.-Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1953.-Т.1.

1.42.Архив Государственного совета. -СПб.: Тип. II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1869. -Т.1. (1768-1796). -1031с.

1.43.Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин-ва иностранных дел. 1578-1613. -М: Универс. тип., 1899. -Т.1. -584с.

1.44.Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе.-М.: Тип. С.Селивановского, 1823.-Ч. 1.-362с.

1.45.Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. -СПб.: Тип. имп. АН, 1869. -Ч. 1. -548с.; 4.2. -602с.; Ч.3. -620с.

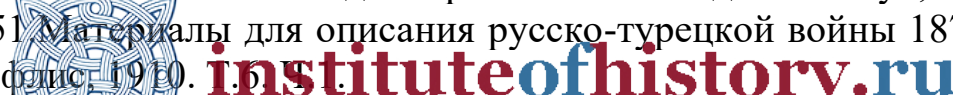
1.46.Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. -СПб.: Б.М., 1891. -Т. 1. (1766-1774гг.). -518с.

1.47. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII - XVIII вв. / Сост. В.Г.Гаджиев. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. -301с.

1.48. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т.Д. Юзефович. -СПб.: Тип. Бакста, 1869. -234с.

1.49. История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв.: Архивн. мат. / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. -М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1958.-371с.

1.50. Кюгюн-Челеби-заде. Тарихи-Челяби-заде. Стамбул, 1967.

1.51. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Тифлис, 1910.

1.52. Материалы по истории Грузии и Кавказа. -Тифлис: Изд. Груз, фил. АН СССР, 1938. -Вып.4. -123с.

1.53. Письма и бумаги императора Петра Великого. -М.: Изд-во АН СССР, 1962.-606с.

1.54. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1646 по 12 декабря 1825 г. -СПб.: Тип. П отд. Собственной е.и.в. канц-ии, 1830. -Т.У. -780с.; Т.VI. -815с; Т.VII. -952с; Т.УШ. -526с.

1.55. Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: Док. и мат. / Сост. Р.Г.Маршаев. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. -336с.

1.56. Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов и др. -М.: Наука, 1988.-357с.

1.57. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. -М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1958. —455с.

1.58. Сборник императорского русского исторического общества. -СПб.: Тип Имп. АН, 1830. -Т.3. -378с.

1.59. Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Вып.1.

1.60. Тарихи Дербент-наме / Пер. и под ред. М.Алиханова-Аварского. -Тифлис: Тип. Я.И.Либермана, 1898. -192с.

1.61. Тер-Аветисян С. Материалы по истории торговых отношений джувльфинских купцов в XVII - XVIII в. -Тбилиси, 1937. -86с.

1.60. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. -М.: Наука, 1993. 298с.

2. Книги

2.1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан XVIII в. и взаимоотношения с Россией. -Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965. -621с.

2.2. Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1963.

2.3. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX - нач. XXвв.-М., 1978.-304с.

2.4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII - нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). -Махачкала, 2001. Кн.И. -321с.

2.5. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. -Баку: Элм, 1988.-142с.

2.6. Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П. Волынского в Азербайджане (1716-1718 гг.). -Баку: Элм, 1979. - С.121.

2.7. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. -Махачкала, 1958.

2.8. Алимova Б.М. Табасаранцы. XIX - нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. -Махачкала, 1992.

2.9. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Пер. и примеч. А.Г.Гасанова. -Махачкала, 1929. -184с.

2.10.Амиров З.Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане XVIII - XX вв. -М.: Изд-во ЦПП, 1996. -160с.

2.11.Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. М., 1975.

2.12.Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране в 30-40 гг. XVIII в. - М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1956. -283с.

2.13.Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. -М., 1954. -249с.

2.14.Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связь с Россией. -Баку, 1966. -138с.

2.15.Астахов А.М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М.,1964.

2.16.Ашрафян К.З. Падение державы Сефевидов. М., 1951.

2.17.Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XV - XVII вв. -Грозный: Чеч.-Инг. книжн. изд-во, 1988. -175с.

- 2.18.Бабенко В.А. Этнографический очерк народного быта. М., 1985.
- 2.19.Бакиханов А.-К. Гюлистан-и-Ирам / Ред., коммент., прим. и указан, акад. З.М. Буниятова. -Баку: Элм, 1991. -305с.
- 2.20.Бакунин Ф.А. Очерк внешней торговли Азербайджана. СПб., 1876.
- 2.21.Балее М. Историко-статистический очерк виноделия России.-СПб, 1947.-117с.
- 2.22.Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. -Баку, 1925. -150с.
- 2.23.Белогорская Р.М. Основные черты и тенденции развития русской культуры. М., 1991.
- 2.24.Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попова. -СПб.: Тип. при Имп. АН, 1776. -ЧЛ. -251с.
- 2.25.Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. -2-е изд. -Казань: Унив., 1850. -Ч. 1-3. -120-134-128с.
- 2.26.Березин Н.И. Путешествие по Северной Персии. -Казань, 1852.-247с.
- 2.27.Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В двух т. М., 1981. Т.1.
- 2.28.Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура / Пер. С.Б. Ашурбейли: Изд-во АН АзССР. -Баку, 1963. -С.35.
- 2.29.Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в. -Майкоп, 1994.
- 2.30.Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских. М., 1996.
- 2.31.Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. -М., 1823. 4.2. -473с.
- 2.32.Буриков Ю.Ф. Коллекция художественных бронзовых изделий Лагича. -М., 1972,
- 2.33.Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.-СПб., 1869. 4.1.-548с.
- 2.34.Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715-1718 гг.-М.: Наука, 1978.-286с.
- 2.35.Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. -М.: Л., 1939.
- 2.36.Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы.-Махачкала, 1970.

2.37. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. -Тифлис, 1888. - 431с., ил.

2.38. Водорский Я.Е. Население России в конце XVIII - начале XIX в. М., 1977.

2.39. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. -М.: Наука, 1965.-391с.

2.40. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. -М.: Наука: 1979. -269с.

2.41. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. - Махачкала: Тип. Мининформ печати РД, 1996. -261с.

2.42. Гаджиев Г.И. История азербайджанского литературного языка. -Баку, 1976 (на азерб. яз.).

2.43. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. -Махачкала, 1997. -155с.

2.44. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. -М.: Наука, 1961. -387с., ил.

2.45. Гаджиева С.Ш. Дагестанские теркемейцы XIX - нач. XX вв. -М.: Наука, 1990.-212с.

2.46. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX - началоXX вв. -М., 1999.

2.47. Галоян Г.А. Каспийская торговля. -Баку, 1976. -С.88.

2.48. Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII - нач. XIX вв. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. -99с.

2.49. Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991.-234с.

2.50. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. -216с.

2.51. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. -255с., карт.

2.52. Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература. - Махачкала, 1975.

2.53. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776. Ч.4.

2.54. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. -СПб, 1809. -384с.

2.55. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. -СПб., 1777, 1785. -4.1,4.2. -361с, Ч.3. -336с.

2.56. Голиков И.И. Деяния Петра Великого мудраго преобразителя России, собранный из достоверных источников, расположенный по годам. В 6-ти т. -М., 1838. -Т.6. -268с.

2.57. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII - XVIII в. -М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. -214с.

2.58. Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.

2.59. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов. -М., 1966. -262с.

2.60. Гольдштейн А, Башни в горах. -М., 1977.

2.61. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V - середина XIX века: Изд-во Ростовского унта.-158с.

2.62. Громыко М.М. Трудовые традиции в русской деревне в XVIII - первой половине XIX в. М.,1994.

2.63. Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири. М., 1992.

2.64. Гусейнов А.С. Азербайджано-русские отношения XV – XVII вв.-Баку, 1963.-237с

2.65. Гусейнов Г.-Б.Я. Город тысячи легенд. -Махачкала, 1982. -136с.

2.66. Гусейнов Г.К. Лики современного знахарство. - Махачкала,1985.

2.67. Дербенту 5000 лет (Автор текста А.А.Кудрявцев, составитель Б.Ш.Нувахов, фотосъемка А.А.Кучеренко, художник Р.А.Казаков).-М.: Советская Россия, 1989. -159с., ил.

2.68. Джанидзе Д. К вопросу о деятельности Казем-бека. - Баку,1968.

2.69. Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII - в первой трети XIX в. - Махачкала, 1989,

2.70. Договоры России с Востоком, политические и торговые /Сост. Юзефович Т. -СПб., 1869. -296с.

2.71. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе.-СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871.-Т. 1.-Кн. 1.-640с.

2.72. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского

края в исходе XVIII века и сравнение онаго с нынешним. -СПб., 1835.

2.73.Егизаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч.И. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. -Казань, 1891. -393с.

2.74.Жигарев С.М. Русская политика в восточном вопросе. - М.,1896,-Т. 1.-296с.

2.75.Жидков Г.В. Русское искусство XVIII в. М., 1951.

2.76.Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 гг.-СПб., 1838. 4.29. №9.

2.77.Зевакин Е. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. -Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изучен. Азербайджана,1927.-18с.

2.78.Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса.-Тбилиси: Закгиз, 1933.-41с.

2.79.Зубов П. Картина Закавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х частях.- Ч.1.-СПб., 1835.-268с. Ч.4.-СПб., 1835.-308с.

2.80.Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в 1-ой трети XIX в.-М., 1969.

2.81.Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа: Сб. статей. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1982. -200с.

2.82.Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVII - первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. - Махачкала, 2001. -224с.

2.83.История Дагестана. -М.: Наука, 1967. -ТЛ. 431с., ил., карты. 1968. -ТЛ1. -364с., ил., карты.

2.84.История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)-М.: Наука, 1988.-664с.

2.85.История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. -М.: Наука, 1988. -544с.

2.86.История СССР / Под ред. М.В.Нечкиной. -М.: Госполитиздат, 1954.-Т.2.-847с.

2.87.История русского искусства. М., 1979. Т.4.

2.88.Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. Гаджиев В.Г. -Махачкала, 1987. -136с.

2.89.Ихиллов М.М. Значение персидского похода Петра I (1722-1723 гг.) для Дагестана. -Махачкала, 1954. -19с.

2.90.Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. -Махачкала, 1967. -369с., ил.

2.91.Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана.-М., 1971.

2.92.Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. -М.: Изд-во АН СССР, 1958. -354с.

2.93.Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. -М.: Всесоюзн. кооперат. изд-во, 1956. -175с., ил.

2.94.Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. -Темир-Хан-Шура: Русская тип. В.М.Сорокина., 1895. -413с.

2.95.Козубский Е.И. История города Дербента. -Темир-Хан-Шура: Русск. тип. В.М.Сорокина, 1906. -468с., рис.

2.96.Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982.-184с.

2.97.Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Сложение Дербента в домонгольский период.-Махачкала, 1994.-240с.

2.98.Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. Пути, закономерности развития города в VI - середине XIII в. -М.: Наука, 1933,

2.99.Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. -М.: Наука, 1981. -231с.

2.100.Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.). -М.: Изд-во АН СССР,1963.-371с,

2.101.Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения XVI - XVII вв.-Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1954. -26с.

2.102.Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. -М.: Наука, 1968. -4.2. -248с.

2.103.Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. -М.; Изд-во МГУ, 1951.-247с.

2.104.Любимова Г.Н., Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. -М., 1956.

2.105.Магомедов Р.М. Восстание горцев Дагестана 1877 г. Махачкала, 1940.

2.106.Магомедов Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980.

2.107.Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй нагорного Дагестана в XV - XVII вв. -Ростов-на-Дону, 1985. -140с.

2.108.Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII - первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие.-Махачкала, 1998.

2.109.Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой половине XVIII – начале XIX в. -Махачкала, 2000.

2.110.Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. -340с.

2.111.Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. -240с., ил.

2.112.Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. -Махачкала, 1957.

2.113.Магомедов Р.М., ДзагуроваВ.П. К истории земледелия в Дагестане. -Махачкала, 1958.

2.114.Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. -271с.

2.115.Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -4.1. -Махачкала, 1997. -293с.

2.116.Максимов Н. Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, 1931.

2.117.Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М.: Тип. С.В. Гурьянова, 1882.-289с.

2.118.Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. -Иркутск: Изд-во госун-та, 1987. -157с.

2.119.Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. -М.: Наука, 1966. -323с., карт.

2.120.Маркс К. Капитал. -ТЛИ. Госполитиздат, 1961. -831с.

2.121.Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в XVIII - первой половине XIX в. М., 1979.

2.122.Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства в первой четверти XVIII в. М., 1954.

2.123.Мусаев Г.М. Рутулы (XIX - начало XX вв.): Историко-этнографическое исследование. -Махачкала, 1997.

2.124.Мусаев К. Путем сближения и единства.-Баку, 1986.

2.125.Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч.2.

2.126.Народы Дагестана. -М., 1995.

2.127.Народы Кавказа. -М., 1960. -Т.1. -612с., ил., карт.

2.128.Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. -157с.

2.129.Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. -СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. -42с.

2.130.Новосельцев А.П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). -М.: Наука, 1972. -338с.

2.131.Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении /Под. ред. В.С.Легкобитова. -СПб.: Тип. внешн. торг., 1836. -Ч.3. -246с.

2.132.Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и через Московию Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием.-М., 1870.-1038с.

2.133.Очерки истории горских народов Кавказа. -Тбилиси: Мацниереба, 1969.-258с.

2.134.Очерки истории Дагестана, -Махачкала: Дагкнигоиздат,1957.-ТХ-392с.

2.135.Очерки русской культуры XVIII в. Ч.1. / Под. ред Рыбакова Б.А. М., 1985

2.136.Пайгадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в.Тбилиси, 1970.

2.137.Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1879. Ч.3.

2.138.Петрушевский И.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. -Тифлис: Изд-во Заря Востока, 1934. -143с.

2.139.Петрушевский П.И. Общая метрология. СПб., 1949. Ч.1.

2.140.Петров Г. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. М., 1949.

2.141.Полиевктов Н.А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. -Тифлис: Изд-во АН Груз.ССР, 1935. -222с.

2.142.Полиевктов Н.А. Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг. Отд. оттиск из журнала "Исторический вестник". Т.2. -Тбилиси, Архивн. управл. МВД Груз.СССР, 1946. -151с.

2.143.Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М.,1951.

2.144.Потанин Г. Материалы для истории Сибири. М.,1867.

2.145.Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. -Тифлис: Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1904. -Т.3. -4.1. -527с.

2.146.Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1974.

2.147.Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и Каспийскому краю. -СПб., 1838.

2.148.Рагимова Б.Р. Поселения и сельская община Самурских лезгин в конце XVIII - XIX в. Махачкала, 1988.

2.149.Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861 - 1900 гг.). Махачкала, 1972.

2.150.Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы по истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1964. -278с.

2.151.Рзаев Г.А. Торговые отношения между Северо-Восточным Азербайджаном и Астраханью. -Баку, 1989. -132с.

2.152.Рахманин А.А. Азербайджан в конце XVII - XVIII в. Баку, 1954.

2.153.Ризаханова М.Ш. Лезгинь XVIII - XIX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.

2.154.Ризванов З.Р., Ризванов В.З. История лезгин: краткий научно-популярный очерк. -Махачкала, 1990. -50с.

2.155.Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII - XVIII вв.М., 1966.

2.156.Семенова Л.Н. Очерки истории и культурной жизни России в первой половине XVIII в.Л., 1982.

2.157.Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973.

2.158.Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.): Сб. статей.-Махачкала, 1990.

2.159.Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX вв. -М.: Соцэкгиз, 1958. -244с.

2.160.Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI - XVII вв. -М., 1946. -Т.2.-173с.

2.161.Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых наоном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. -СПб.:Тип. Импер. АН, 1763. -380с.

2.162.Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной". -Махачкала, 2000. -221с.

2.163.Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского до-

говора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. -М.: Наука, 1991. -223с.

2.164.Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963.

2.165.Стрейс Я.Я. Три путешествия. -М.: Соцэкгиз, 1935. -415с., ил.

2.166.Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. - Нальчик, 1963. -343с., табл.

2.167.Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. -М.: Наука, 1986. -274с.

2.168.Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. -М.: Наука, 1978. -183с.

2.169.Ульяницкий В. Русские консульства за границею в XVIII в. -М., 1899.-4.1.-678с,

2.170.Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII веке. - Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1973. -252с.

2.171.Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VI. Кюринский язык. -Тифлис, 1896.

2.172.Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознания. Т. УП. Табасаранский язык. -Тбилиси, 1979.

2.173.Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. -М.: Изд-во АН СССР, 1957. -257с.

2.174.Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. -М.: Изд-во АН СССР, 1960. -397 с.

2.175.Фехнер И.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. -М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1952. -139с., илл.

2.176.Хан-Магомедов С.О. Дербент. -М., 1958.

2.177.Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. Художественные памятники XIX - нач. XX века. -М.: Искусство, 1979. -286с., ил.

2.178.Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М.,1969.

2.179.Харузина В. Заметки о крестьянском жилище. М., 1986.

2.180.Хатисов К. Кустарные производства Закатальского края (исследования по кустарной промышленности в России). -СПб., 1894. Т. П.

2.181.Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана, Махачкала: Тип. Даг ФАН СССР, 1959. -116с.

2.182.Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. -М.: Изд-во АН СССР, 1961. -261с.

2.183.Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. -М.: Наука, 1988. -312с.

2.184.Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. -М.: Изд-во вост-ой Лит-ры, 1979.,-Вып.2. -287с.

2.185.Чернолуцкий В. Народное образование в России. СПб., 1899.

2.205.Чонтладзе В.Г. Вопросы теории финансов. -Тбилиси, 1979. -435с.

2.206.Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерина Великая, сочиненное Михаилом Чулковым. СПб.: Тип, при императорской Академии наук, 1781-1788. -Т.1-7. Т.1. -Кн.П. -618с.; -Т.П.-Кн.П.-638с.

2.207.Шарден Ж. Путешествия по Закавказью. 1672-1673 гг. -Тифлис, 1900. -301с., карт.

2.208.Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях и верованиях. М., 1898.

2.209.Шихсаидов А.Р. Дагестан в X - XIV вв.; Опыт социально-экономической характеристики. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. -176с.

2.210.Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII - XV вв.). -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1969. -251с.

2.211.Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. -М., 1984.

2.212.Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. -СПб., 1852. -1235с.

2.213.Шпаковский А.К. Торговля Московской Руси с Персией. -Киев, 1915.-106с.

2.214.Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. СПб., 1804.

2.215.Эзов Г.А. Сношение Петра Великого с армянским народом. -СПб., 1898.-124с.

2.216. Экономическая энциклопедия. В 4-х т. -М.: Сов. энцикл., 1972. -Т.1. -559с.

2.217. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

2.218. Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. -СПб., 1899. -408с.

2.219. Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. -М.: Изд-во Акад. ист. мат. культуры., 1932. -50с.

3. Статьи

3.1. Абдуллаев Г.Б. Некоторые вопросы русско-азербайджанской торговли // Известия АН Аз.ССР. 1960.

3.2. Агаширинова С.С. Поселения лезгин в XIX - XX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т.6.

3.3. Алиев Б.Г. Развитие торговли союзов сельских общин Дагестана (XVIII - первая половина XIX вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. -Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991.-С.31-45.

3.4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.И. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII - первой пол. XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. -Махачкала, 1986. -С.55-70.

3.5. Ахвердов А.И. Два рапорта о дагестанских делах 1802 г. // ИГЭД.-С.230-233.

3.6. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. -С.213-229.

3.7. Ашрафян К.З., Арунова М.Р. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха Афшара в 40-х гг. XVIII в. // УЗ ИВ АН СССР, 1953. -Т.VIII.

3.8. Бабаев Д. Селение Ахты // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17.

3.9. Бартольд В.В. Дербент. Пер. с франц. // Энциклопедия ислама. -Париж, 1913. -Т.1. -С.369-970.

3.10. Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. -Тифлис, 1856.-С.275-339.

3.11. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798 г. // ИГЭД. М., 1958.

3.12. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. №5.

3.13. Бутков П.Г. Выдержки из "Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем"¹¹. -1796 г. // ИГЭД. -С.200-209.

3.14. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. -С.209-212.

3.15. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей, 1812г. // ИГЭД. -С.239-247.

3.16. Бушев П.П. Беспощинная торговля русских купцов в Иране в 1732-1747 гг. // Иран. История и культура в средние века и в новое время. -М.: Наука, 1980. -С.78-90.

3.17. Высочайшая грамота армянам от 28-го октября 1799 // АКАК. -Т.П. -Дополн.З. -Док.32. -С.1150-1151.

3.18. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг. Филиал АН СССР. -Махачкала, 1963.-Т.ХІ (серия истории). -С.116-137.

3.19. Гаджиев В.Г. Архив Кизлярского коменданта // ИСК-НЦВШ.-Ростов-на-Дону, 1978. -№2. -С.6-11.

3.20. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI -начале XX в. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1988. -С.66-83.

3.21. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМГЖ. -Тифлис, 1909. -Вып.40. -С. 1-164.

3.22. Гасанов М.Р. Крестьянские промыслы Дагестана в период феодализма // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. -Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1968. -С.257-261.

3.23. Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М., 1958. -С.60-120.

3.24. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археологический сборник за 1963 г.-М., 1964.-С.127.

3.25. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собрание сочинений. М., 1962. Т.5.

3.26. Дубровин Н.Ф. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г, // Военный сборник. 1874. -№2-6.

3.27. Еропкин Л.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. СЛ21-125.

3.28. Иноземцева Е.И. Британский источник по исторической географии Прикаспия // Тез. докл. конф. по итогам географических исслед. в Дагестане. -Махачкала, 1994. -Вып.22. -С.121-122.

3.29. Иноземцева Е.И. К вопросу об истории развития русско-дагестанских торгово-экономических контактов в ХУШв. // Краткие сообщения докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1992.-СПб, 1993.

3.30. Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономической политике России в Дагестане в XVIII в. // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 1998. -№2. -С.88-95.

3.31. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане//СМОМПК. -Тифлис, 1902-1903. Вып.31-32.

3.32. Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане // Вопросы истории, этнографии Дагестана. -Махачкала, 1974. -Вып.5. -С. 151-168.

3.33. Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII - начало XVIII в.) // УЗ ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. -Махачкала, 1970. -Т.20. -С.82-94.

3.34. Козлова А.Н. "Наме-йи Аламара-йи Надири" Мухаммед-Казима о первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. -Махачкала, 1967.

3.35. Козлова А.Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. -М., 1976. Вып. 18.

3.36. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. -Тифлис, 1873. Кн.8.

3.37. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. -Тифлис, 1869. Т.1.

3.38. Комаров В. Персидская война 1722-1725 гг. // Русский вестник. -М.: Уп. тип. Катков и К°, 1867. -С.553-616.

3.39. Краббе К.К. Замечания о Докуспаре, Актах и Рутуле. До 1835г.//ИГЭД.-С.335-336.

3.40. Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширванаю 1806 г. // ИГЭД. -С.230-233.

3.41. Крикунов В.П., Рамазанов Х.Х. Некоторые проблемы источниковедения истории народов Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978. №3.

3.42. Крупное Е.И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа//КСИИМК. 1955. Выл.60.

3.43. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - нач. XIX в. // УЗ Ин-та востоковедения. -М., 1957. -Т.ХУН. -С.87-98.

3.44. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - начала XIX в. // УЗ Института востоковедения АН СССР. -М., 1959. -С.77-109.

3.45. Кузнецова Е.Н. Взаимоотношения Ирана с Россией в XVIII в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. -М., 1987. -С.89-97.

3.46. Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII - нач. XVIII в. // Исторические записки, 1956. №57. С.232-254.

3.47. Куканова Н.Г. Документ о русско-иранской торговле 30-40-х годов XVIII в. // Ближний и Средний Восток. -М., 1962. -С. 114-120.

3.48. Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30-40 годах XVIII в. // Исторические записки. -М., 1947. -Вып. 23. -С.62-71.

3.49. Лебедев В.И. Посольство Артемия Волынского в Персию // Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1948. -№6. -С.531-542.

3.50. Ленин В.И. Мелкое производство в земледелии // ППС. -Т.23.-С.280-283.

3.51. Лерх И. Путешествия 1733-1736 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. -СПб.: Изд-во Имп. АН, 1790. -Т.43. -99с.

3.52. Лопухин А.Н. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М., 1958. -С.6-59.

3.53. Магомедов Д.М. Изделия домашней промышленности и их реализация у жителей западного Дагестана XVIII - XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Сб. статей. -Махачкала, 1991.-С.21-30.

3.54. Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа XVIII - 70-х гг. XIX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1982. -С.284-287.

3.55. Магомедов Н.А. Историография вхождения Дербентского владения в состав России // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. -Грозный, 1985. Вып.3. -С.42-50.

3.56. Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в XVIII в. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане: Тематический сб. -Махачкала, 1989. -С.68

3.57. Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского владения с Россией в XVIII в. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Тематический сб. - Махачкала, 1990. -С.89-94.

3.58. Магомедов Н.А. Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. -Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991. -С.64-80.

3.59. Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. //УЗ ИВ АН АзССР, 1959. -№1. -С.101-112.

3.60. Мусаев Г.М.-С. Участие рутулов в Кавказской войне // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 - 50-х годах XIX в. Махачкала, 1959.

3.61. Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. №5. С.110-112.

3.62. О торговле Дербента и Баку. Предметы и размеры (торговли) //АТС. -Т.П. -С.691-965.

3.63. Перевод с указов шаховых, которые действо имеют вместо привилегий или грамот, жалованных для коммерции в Персии, оные за печатью шаховой. Месяц Реджеб 1130 (1717) // АКАК. -Т.П. 2-ое доп. к I тому. -Д.№15. -С.1089.

3.64. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. -Тифлис, 1899.

3.65. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. -СПб., 1885.

3.66. Рамазанов Х.Х. мареноводство Дагестана в XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып.2.

3.67. Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // ИЗ. -М., 1955. -№54. -С.343

3.68. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. -М., 1958. -С.173-196.

3.69. Сергеева Г.А. Вязанная обувь народов горного Дагестана. // КЭС. М., 1984. Т.8.

3.70. Серебров А.Г. Описание Южного Дагестана // ИГЭД. -С.138-156.

3.71. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. //ИГЭД.

3.72. Соймонов П. (Докладная записка). В Государственную коллегию иностранных дел от тайного советн. сенатора Государственной коммерц-коллегии президента и кавалера Соймонова (о

торговле с Персиею) // АГС. -СПб., 1888. -Т.Н. (1796-1801. -С.717-725).

3.73. Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря //Кавказ, 1948. №1.

3.74. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды Института этнографии. -М., 1964.Т.ХХІ.

3.75. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана 1796 г. //ИГЭД.-СД25-138.

3.76. Троицкий С.М. Записка сенатора Н.Е.Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.) // Историческая география России XVII - начало XX в. -М.: Наука, 1975. -С.234- 247.

3.77. Умаканов М.-С.К. Дагестанский отрезок "шелкового пути" (XVII - XVIII вв.) // Тез. докл. конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. -Махачкала, 1992. -Вып.20. -С.129-130.

3.78. Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. -Махачкала, 1984. -С.26-38.

3.79. Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII – XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. - Махачкала, 1991. С.9-20.

3.80. Феодаева Ф.З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // ВИЭД. -Махачкала, 1972. -Вып.3. -С 130-135.

3.81. Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-70-е гг. XVIII в. // ВИЭД. - Махачкала, 1970. -Вып.1. С.134-147.

3.82. Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг ФАН СССР. -Махачкала, 1965. -Т.14. -С.155-174.

3.83. Чагин Г.Н. Уадьба русского населения России (XVII - нач. XIX в.) // СЭ.1976. №6.

3.84. Шаров Ю. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // КК на 1 879 год. -Тифлис, 1 878.

3.85. Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. -М., 1980.

3.86. Шихсаидова Р. С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских взаимоотношений в XVIII - нач. XIX в. // Источниковедение историй досоветского Дагестана. -Махачкала, 1987. -С.16-104.

3.87. Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832 г //ИГЭД. -С.329-334.

3.88. Юров А. Три года на Кавказе (1837 - 1840) // Кавказский сборник. Тифлис, 1884. Т.8.

3.89. Юхт А.И. Восточная торговля XVIII в. // Известия АН Аз.ССР. 1956. №8.

3.90. Юхт А.И. Индийский колонии в Астрахани // Вопросы истории, 1957. -№3. -С.135-143.

3.91. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во 2-ой четверти XVIII в. // История СССР, 1961. -№1. -С.131-146.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи.
- АКАК - Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис.
- ВИ - Вопросы истории. М.
- ВИД - Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
- ВИЭД - Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
- ДНЦ РАН - Дагестанский научный центр Российской академии наук.
- ИГЭД - История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. М.
- ИЗ (Ист. зап.) - Исторические записки.
- Изв. - Известия.
- ИИАЭ - Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
- ИИЯЛ - Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
- ИНСК - История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.
- ИСКНЦ ВШ - Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону.
- ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи.
- РДО, 1958 - Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы. Махачкала.
- РДО, 1988 - Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в.: Сб. документов. М.
- РФ ИИАЭ - Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН.
- Сб.РИО - Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.
- СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
- ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
- СССК - Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.
- СЭ - Советская этнография. М.
- УЗ (Уч. зап.) - Ученые записки
- РГАДА - Российский государственный архив древних актов.

РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГА РД - Центральный государственный архив Республики Дагестан.

instituteofhistory.ru

Научное издание

Магомедов Назим Абдурахманович

**Дербентско-Кубинское ханство
и его влияние на политическое положение
и экономическое развитие Дагестана
*Вторая половина XVIII – начало XIX в.***

Технический редактор Воронина Т.Е.
Верстка и дизайн Дмитриева Д.И.

Подписано в печать 06.02.2013г.
Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 21. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г.Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
E-mail: alefgraf@mail.ru